РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

На правах рукописи

Хапизов Шахбан Магомедович

Поселенческая культура дагестанцев Цора в контексте этнокультурной истории (XVIII–XXI вв.)

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук Агларов М. А.

Махачкала
2015

Оглавление

Введение..... 3

Глава I. Основные этапы этнической истории Цорского региона..... 22

§ 1. Природно-географические условия..... 22

§ 2. Ранние этапы этнической истории Цора..... 26

§ 3. Этнокультурные процессы в Цоре в XVIII–XX вв. 35

§ 4. Демографические и языковые процессы в Цоре (XX–XXI в.) 46

Глава II. Поселенческая культура дагестанцев Цора 67

§ 1. Генезис и эволюция..... 67

§ 2. Типолого-классификационная характеристика 87

§ 3. Топография традиционного поселения Цора (XVIII–XIX вв.)……116

§ 4. Современные дагестанские поселения Цора (конец XX – XXI вв.)…135

Глава III. Традиционное и современное жилище Цора 147

§ 1. Генезис и эволюция традиционного жилища Цора..... 147

§ 2. Типолого-классификационная характеристика.. 154

§ 3. Современное жилище дагестанцев Цора.. 165

Заключение..... 172

Список информаторов..... 180

Список сокращений и условных обозначений. 182

Список литературы..... 183

Приложения. 206

Введение

Актуальность темы исследования. Поселение наряду с жилищем представляет собой один из элементов материальной культуры, развитие которого находится в непосредственной зависимости от специфики социальной, хозяйственной и духовной жизни народа. Соответственно все какие-либо существенные изменения в этих сферах, так или иначе, накладывают свой отпечаток на облик поселения[1]. Именно этим объясняется актуальность обращения к теоретическому и конкретно-историческому изучению поселенческой культуры у народов мира.

Настоящее исследование посвящено поселенческой культуре этнических дагестанцев левобережья р. Алазани в пределах Южного Кавказа. На современной административно-политической карте Закавказья территория левобережья Алазани распределена между районами Азербайджана: Белоканским, Закатальским, Кахским (отчасти и Шекинским) и Грузии: Лагодехским, Кварельским, Телавским и Ахметским. Из этих районов традиционными регионами расположения поселений дагестаноязычных народов были Белоканский, Закатальский, Кахский районы Азербайджана, а также (с некоторыми оговорками) Кварельский и Лагодехский районы Грузии. Это сплошной пояс склонов Главного Кавказского хребта и прилегающей приалазанской равнины, начинающийся от границ Шеки и заканчивающийся у города Кварели. Регион этот по площади занимает около 5 тысяч кв. км, на которых проживает до 330 тысяч человек, около половины из которых – представители дагестаноязычных народов: аварцы, цахуры, рутульцы и удины

В связи с этим следует отметить возрастание особого интереса, как в Дагестане, так и за его пределами, к проблемам этнических дагестанцев, живущих в Закавказье. Исследование современной ситуации в этом регионе побуждает нас к изучению его исторического прошлого, поскольку именно таким образом можно выявить истоки и специфику происходящих там ныне процессов.

---

[1] *Кобычев В. П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М., 1982. – С. 23; *Деген-Ковалевский Б. Е.* Сванское поселение как исторический источник // СЭ. – 1936. – № 4/5. – С. 24; *Витов М. В.* О классификации поселений // СЭ. – 1953. – №3. – С. 34, 35.

На их фоне совершенно очевидна историко-этнографическая малоисследованность региона, в то время как современная ситуация настоятельно требует серьезного изучения историко-культурного бытования проживающих на ее территории этносов. Недостаточное внимание к вопросам истории и этнографии региона вкупе со многими нерешенными его проблемами в последние годы становится причиной соединения политических и националистических манипуляций, что приводит только к усугублению напряженной ситуации в крае.

При этом в связи с происходящими активными процессами перестройки жилого фонда населенных пунктов Цора и изменения их структуры и топографии возникает необходимость фиксации тех элементов традиционной поселенческой культуры региона, которые здесь еще сохранились. Исчезновение этой интересной группы этнографических памятников может привести к невосполнимой утрате научного и историко-культурного наследия, необходимого для изучения специфики материальной культуры Цора. Особенно актуализировало эту проблему землетрясение 2012 г., в результате которого были разрушены около 6 тысяч частных домостроений и общественных зданий в Закатальском, Белоканском и Кахском районах, которые затем были заново построены по типовым проектам. Массовое строительство однообразных жилых и общественных зданий с одновременным разрушением старого жилого фонда повлекло за собой исчезновение старых форм жилья и изменение архитектурного облика многих поселений Цора.

Тема заявленной диссертации, в которой вопросы типологии и развития поселений рассматриваются одновременно и в теоретическом, и в конкретно–историческом аспектах, с использованием объемного фактического материала по поселениям и жилищу дагестаноязычных народов, до настоящего времени не была поднята ни в одном из обобщающих кавказоведческих трудов.

Вышеперечисленные аспекты темы диссертационного исследования определяют ее актуальность и научную новизну.

Объектом исследования диссертационной работы является Алазанская долина, более известная в Дагестане как Цор. Разделенный государственными границами между Азербайджаном и Грузией, Цор является одним из наиболее сложных с точки зрения этнического состава и наименее изученных регионов традиционного проживания

этнических дагестанцев в Закавказье. Цор с древнейших времен служил важным экономическим и политическим центром притяжения для соседних районов Нагорного Дагестана – горной Аварии и Горного магала (верховий Самура). История этого региона, точнее, его левобережья (постоянные поселения этнических дагестанцев располагались только на левом берегу Алазани), тесным образом связана с историей прилегающих регионов горного Дагестана.

Предметом исследования выступает поселенческая культура Цора XVIII–XX вв., под которой подразумевается совокупность всех населенных пунктов сельского типа (сельских поселений), расположенных на изучаемой территории, в сочетании с ее внутренней инфраструктурой и структурой связей между ними – в процессе ее исторического развития. Исследуемый процесс развития поселенческой культуры Цора в исторической перспективе подразумевает систему количественных и качественных изменений структуры и функций сети сельских поселений, происходивших в результате целенаправленных действий государственной власти и населения региона. В связи с этим исследуется как значение поселенческой сети в хозяйственном и социокультурном развитии Цора, так и влияние природно-географических, социально-экономических, политико-правовых, демографических и иных условий и факторов на возникновение и развитие сети поселений.

Сложность изучения поселений и жилищ этнических дагестанцев Цора вызвана их типологическим разнообразием, что объясняется различиями природно-географической среды, хозяйственно-экономической специализации отдельных народов региона (аварцы, цахуры, грузины и мугалы) в прошлом, а также этнокультурными особенностями, которые играют важную роль в многонациональном по составу населения крае.

Цель и задачи. Основная цель исследования заключается в комплексном изучении системы расселения и характеристике поселенческой культуры дагестаноязычного населения левобережья Алазани (Цора) на основании всех доступных источников и полевого материала. В соответствии с поставленной целью были определены взаимосвязанные задачи:

– составить историко-географическую характеристику Цора;

– обрисовать этническую картину Цора в XVIII–XX вв.;

– определить природно-географические и исторические условия, а также факторы, оказавшие влияние на складывание и развитие системы расселения в регионе;

– дать топографическую характеристику поселений исследуемого региона;

– выявить характерные особенности и динамику развития структуры расселения;

– охарактеризовать процесс формирования различных видов жилища населения Цора и их постепенную эволюцию;

– разработать типологии поселений Цора;

– провести сравнительный анализ элементов поселенческой культуры населения Цора, Дагестана, Азербайджана, Грузии и выявить общие закономерности, особенности развития;

– определить результаты влияния политических процессов второй половины XIX–XX в. на развитие поселенческой культуры Цора.

Географические рамки ограничены территорией левобережья р. Алазани, начиная от гор. Кварели и кончая границей Кахского и Шекинского районов АР. В этих пределах располагались поселения этнических дагестанцев в XVIII-XX вв., которые являются основным объектом исследования.

Поставленные задачи определили хронологические рамки диссертации, охватывающие период XVIII–XX вв. Нижняя граница была обусловлена, прежде всего, тем, что именно в этот период произошли существенные изменения в расселении дагестаноязычных народов Цора в результате неоднократных разрушительных походов Надир-шаха и его брата Ибрагим-хана (1730–1740-х гг.). Нашествия эти повлекли за собой разрушение почти всех населенных пунктов цорских аварцев. Затем последовал процесс постепенной миграции («сползания») населения из горной части Цора в предгорье, сопровождавшийся опустением горных селений региона. Временные пределы исследования были обусловлены также и тем, что современная система расселения в горной части Цора сложилась именно во второй половине XVIII в.

Научная разработанность темы исследования крайне слаба. Если вопросы, связанные с типологией жилища Цора, так или иначе, получили освещение в некоторых трудах этнографов, то поселенческая культура данного региона никогда не становилась объектом научного интереса исследователей. Из работ, посвященных описанию жилых строений Цора, следует, прежде всего, отметить работу азербайджанского

исследователя М.Н. Насирли: «Жилые дома населения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР» (1975)[2], написанную на азербайджанском языке. Хотя название монографии на русском языке указано как «Поселения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР», однако обращение к названию на языке оригинала и к его содержанию не оставляет сомнений в том, что оно не совсем точно переведено. Работу отличает описательный характер, практически отсутствуют цифровой материал, карты, обобщения и сравнения с другими регионами Дагестана и Закавказья, также крайне слабая источниковая база. На этом фоне выделяется работа другого азербайджанского исследователя А. Мехтиева (2001)[3], посвященная народному жилищу Азербайджана. В ней цорский материал представлен большей частью при описании жилых башен Азербайджана, обнаруженных в аварских селениях Алазанской долины. Ценный фактический материал по народному жилищу Цора содержится в статьях С. Датиева, Д. Мотис[4] и В.П. Кобычева[5]. Такого же рода материал, но уже по оборонительным сооружениям Цора, имеется в статье Л. Бретаницкого и Л. Мамиконова[6]. Этому же вопросу посвящена статья З. Халаева[7]. Архитектуре культовых сооружений Закатальского региона посвящена статья Ш.С. Фатуллаева[8].

Вопросам сельского расселения в Шеки-Закатальском регионе Азербайджана посвящена диссертация К.М. Цодорова[9], но в ней основное внимание уделено вопросам социально-экономической географии, а историко-этнографическая проблематика практически не нашла в ней отражения. Вопросы материальной культуры Цора,

---

[2] *Насирли М.Н.* Жилые дома населения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР. – Баку, 1975 (на азерб. яз.).

[3] *Мехтиев А*. Народное жилище Азербайджана. – Тебриз, 2001.

[4] *Датиев С., Мотис Д*. Жилье XVIII–XIX вв. Закатальского района // Памятники архитектуры Азербайджана. – Баку, 1950. – С. 103–110.

[5] *Кобычев В. П.* Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1962. Вып. III. – С. 3–68.

[6] *Бретаницкий Л., Мамиконов Л.* Оборонительные сооружения Закатальского и Белоканского районов // Памятники архитектуры Азербайджана. – Баку, 1950. – С. 111–119.

[7] *Халаев З.А*. Из истории оборонительных сооружений Алазанской долины // Вопросы истории. – 2007. – № 10.

[8] *Фатуллаев Ш.С.* Народное зодчество Шеки-Закатальской зоны Азербайджана (на примере культовых сооружений) // Revue Roumaine d'histoire de 1'art. Serie beaux-arts. – Bucharest, 1977. – T. XIV. – P. 81–166.

[9] *Цодоров К.М.* Социально-географические проблемы реконструкции сельского расселения в Шеки-Закатальском экономическом районе Азербайджанской ССР: автореферат дис. … канд. географ. наук. – Л., 1983.

особенно поселенческой, практически не затронуты в специальной этнографической литературе, что позволяет констатировать отсутствие теоретической базы по этому вопросу касательно Азербайджана.

Этот пробел удалось восполнить за счет работ дагестанских исследователей-этнографов по материальной культуре народов Дагестана, в которой поселение подверглось самому пристальному и всестороннему исследованию. Прежде всего, следует отметить многочисленные работы А.И. Исламмагомедова[10] и М.-З. Османова[11] по поселениям, теоретические разработки которых легли в основу основной части диссертации. Вместе с тем, указанные вопросы нашли отражение в работах М.А. Агларова[12], С.С. Агаширинoвой[13], М.С. Гаджиева[14], С.Ш. Гаджиевой и А.Г. Пашаевой[15], материалы и обобщения которых широко привлечены автором в ходе написания второй

---

[10] *Исламмагомедов, А.И.* Поселения аварцев в XIX–XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1964. Т. XII (серия историческая). – С. 155–176; *Он же.* Поселения и жилища цахуров в XIX–XX вв. // Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 1974. Вып. 1. – С. 69–118; *Он же.* Отражение феодальных отношений в характере поселений // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция. Тезисы докладов. – Махачкала, 1980. – С. 71–72; *Он же*. Аварцы (историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XIX в.). – Махачкала, 2002. – С. 431.

[11] *Османов, М.-З.* Поселения даргинцев в XIX–XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1962. – Т. X. – С. 214–240; *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 300; *Османов, М.-З.О.* К вопросу о принципах классификации жилища // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1969. Т. XVI (серия общественных наук). Кн. 2. – С. 107–126; *Он же.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – Махачкала, 1988. – С. 6–22; *Он же.* К вопросу о типологии поселений Дагестана (XVIII – первая половина XIX века) // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию основания ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2004. – С. 211–215.

[12] *Агларов, М.А.* Поселение и жилище андийской группы народов в XIX – начале XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1966. Т. XVI (серия общественных наук). – С. 367–390; *Он же*. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М., 1988. – С. 240; *Он же*. Андийцы (историко-этнографическое исследование). – Махачкала, 2002. – С. 304; *Он же*. Сельская община под реформами XIX – первой трети XX в. // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II. В царской и ранней советской России. – М., 2009. – С. 26–39.

[13] *Агаширинова С.С.* Поселения лезгин в XIX – начале XX в. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1959. Т. VI. – С. 234–240.

[14] *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. – М., 2002. – С. 246–247, 250.

[15] *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Указ. соч. – С. 300.

главы настоящей работы. Было уделено внимание и работам по типологии элементов поселенческой культуры других регионов мира[16]. Особо следует отметить коллективный труд армянских этнографов под редакцией С.А. Арутюнова и Э.С. Маркарян[17], посвященный сельской культуре Армении. Многие тезисы из данной работы были взяты за основу при типолого-классификационной характеристике элементов поселенческой культуры.

Политическая история и языки дагестаноязычных народов Цора не раз становились объектами исследования кавказоведов, представленных, прежде всего, дагестанскими учеными (Т.М. Айтберов[18], С.А. Сулейманова[19], Б.М. Гусейнова[20], З.А. Халаев[21], Э. Летифова[22], И.А. Дибиров[23], П.А. Саидова[24], М. Гаджиев[25], М. Алексеев[26] и т.д.). Однако этнография региона продолжала оставаться белым пятном в современном кавказоведении. За исключением ряда статей, эта тема оставалась за пределами сферы научных интересов кавказоведов. В этой связи можно отметить работы грузинских авторов, посвященные исключительно грузинам-ингилойцам, живущим в данном

---

[16] См. например: *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984. – С. 34-64; *Рикман Э.А.* Типология традиционных поселений в румынской этнографии // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984. – С. 106-114 и т.д.

[17] Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван, 1983. – С. 320.

[18] *Айтберов, Т.М.* Закавказские аварцы (VIII – начало XVIII вв.). – Махачкала, 2000. Ч. I. – С. 172.

[19] *Молла Мухаммад ал-Джари.* Джарская хроника / пер., введ. и прим. С.А. Сулеймановой. – Баку, 1997. – С. 146 (на азерб. яз.); *Сулейманова С.* Джаро-белоканские аварцы (историко-этнографический очерк) // Азербайджан и азербайджанцы в мире. – Баку, 2009. – № 2. – С. 61–74.

[20] *Гусейнова Б.М.* Расселение дагестаноязычных и других народов в Восточном Закавказье в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 2004. – С. 56.

[21] *Халаев З.А.* Этнополитическая и культурно-религиозная история дагестаноязычных народов Алазанской долины в XVI-XVIII вв. – Махачкала, 2012. – С. 175.

[22] *Летифова Э.* Илисуйское султанство. – Баку, 2010. – С. 400.

[23] *Дибиров И.А.* Лексические и морфологические особенности дагестанских языков Алазанской долины. – Махачкала, 2011. – С. 258.

[24] *Саидова П.А.* Закатальский диалект аварского языка. – Махачкала, 2007. – С. 216.

[25] *Гаджиев М.* Солнце наставления – шайх Махмуд-афанди, его наставники и ученики. – Махачкала, 2012. – С. 376 (на авар. яз.).

[26] *Алексеев М., Казенин К., Сулейманов М.* Дагестанские народы Азербайджана. – М., 2006. – С. 120.

регионе и написанные на грузинском языке, из-за чего они оказались вне пределов внимания русскоязычных авторов[27].

Азербайджанские исследователи приступили к изучению истории и этнографии населения Алазанской долины совсем недавно (из работ советского периода, посвященных Закаталькому региону можно отметить только две, посвященные топонимии и жилой архитектуре[28]) и потому их работы заметно уступают сочинениям грузинских коллег, как в количественном, так и качественном отношении[29].

Первой статьей, посвященной описанию исследуемого региона в русской периодике можно считать безымянную заметку в «Тифлисских ведомостях» 1829 г., перепечатанную тогда же в «Русском Инвалиде»[30]. Большей информированностью и масштабностью исторического исследования отличаются материалы А. Посербского[31], а

---

[27] *Эдили З.* Ингилойцы. – Тбилиси, 1947. – С. 180 (на груз. яз.); *Думбадзе М.* Архивные источники о Джаро-Белоканах // Исторический вестник. – Тбилиси, 1950. Вып. 4. – С. 481-559 (на груз. яз.); *Думбадзе М.* Из истории Восточной Кахети (Саингило) (дореформенный период XIX в.). – Тбилиси, 1953. – С. 280 (на груз. яз.); *Имнайшвили Г.М.* Особенности ингилойского наречия грузинского языка. – Тбилиси, 1966. – С. 216 (на груз. яз.); *Папуашвили Т.Г.* Вопросы истории Эрети. – Тбилиси, 1970. – С. 392 (на груз. яз.); *Чангашвили Г.З.* Сангило (географо-исторический очерк). – Тбилиси, 1970. – С. 166 (на груз. яз.); *Папуашвили Т.Г.* Чар-Белакани. Исторический очерк. – Тбилиси, 1972. – С. 168 (на груз. яз.); *Ростиашвили Н.М.* Словарь ингилойского диалекта. – Тбилиси, 1978. – С. 252 (на груз. яз.); *Адамиа И.В.* Грузинское народное зодчество (Саингило). Кн. III – Тбилиси, 1979. – С. 258 (на груз. яз.); *Чилашвили Л.* Города Кахетии (XIV-XVII вв.). – Тбилиси, 1980. – С. 386 (на груз. яз.); *Папуашвили Т.Г.* Царство ранов и кахов (VIII-XI вв.). – Тбилиси, 1982. – С. 290 (на груз. яз.); *Гамбашидзе Р.Б.* Словарь ингилойского наречия грузинского языка. – Тбилиси, 1988. – С. 630 (на груз. яз.); *Джанашвили М.* Саингило. – Тбилиси, 1993. – С. 280 (на груз. яз.); *Бурджаев (Асиставишвили) Т., Исаев (Датунашвили) С., Алибегов (Моуравишвили) Б.* Трагедия грузин-ингилойцев. – Тбилиси, 2003. – С. 52 (на рус. яз.); *Марджанишвили Г.* Эрети. – Тбилиси, 2005. – С. 58 (на груз. яз.); *Папуашвили Т.Г.* Очерки истории Саингило. – Тбилиси, 2013. – С. 306 (на груз. яз.).

[28] *Насирли, М.Н.* Жилые дома населения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР. – Баку, 1975. – С. 268 (на азерб. яз.); *Нуриев, Е.* Топонимия Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР. – Баку, 1989. – С. 112 (на азерб. яз.).

[29] *Джавадова, З.Э.* Северо-западный Азербайджан. – Баку, 1999. – С. 108 (на азерб. яз.); *Арзу Ашраф кызы.* Джаро-Белоканское джамаатство (конец XVII – 30-е годы XIX вв.). – Баку, 2009. – С. 256 (на азерб. яз.); История северо-западного Азербайджана / под ред. Я.М. Махмудова. – Баку, 2011. – С. 424 (на азерб. и рус. яз.).

[30] О чарских и белоканских лезгинах // «Русский инвалид». 1829. № 19.

[31] *Посербский А.* Закатальский округ // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1864. – № 48, 59, 60 и 61; *Посербский А.* Изследование по Закатальскому округу, как материал для будущего историка // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1864. – № 83, 94, 100.

затем несколько отредактированные в «Кавказском календаре»[32]. Также были переизданы интересные путевые наблюдения Д. Зубарева – сначала в газете «Тифлисские Ведомости» (правда, авторство угадывается только при сличении текста обоих материалов, поскольку первая статья была опубликована без указания авторства)[33], затем в журнале «Русский вестник»[34]. Дореволюционный автор К. Никитин в статье «Очерк Элисуйского ущелья»[35], останавливаясь на вопросах истории Елисуйского султанства, в целом следует озвученной до этого концепции грузинских авторов о том, что в прошлом это Кахское эриставство Кахетии, а елисуйские султаны – бывшие грузинские феодалы Вахвахишвили. Освещению отдельных сторон прошлого Джара и Елису, а также памятников архитектуры этого края, равно и быта его жителей, посвящена другая статья К. Никитина[36]. Отдельные вопросы истории Цора получили освещение в статье А. Чиркеевского о происхождении аварцев[37]. Политическая ситуация и экономическое положение Джарской республики являлись предметом интереса путешественников, выполнявших заодно разведывательные задачи[38]. Обстоятельный обзор Закатальского округа, Тленсеруха и Горного магала в части политического и экономического состояния региона, а также отдельных сфер этнографии можно встретить у генерала Н. Глиноецкого[39]. Интересные сведения о переселении на территорию современного Кварельского района Грузии аварцев в 1852 году и о возобновлении грузинского селения «Старые Гавазы», а также христианизации ингилойцев приводит граф В. Соллогуб[40]. О границах округа и разделении его на три участка, а также обычном праве и этнографии джарских аварцев пишет в 1850 г. некий

---

[32] *Посербский А*. Очерк Закатальского округа // Кавказский календарь на 1866 г. – Тифлис, 1865. Отд. V. – С. 3–60.
[33] Поездка в Джарскую и Белоканскую области // Тифлисские Ведомости. – Тифлис, 1830. – № 81, 82 и 83.
[34] *Зубарев Д*. Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. – 1841. – Т. 2.
[35] *Никитин К*. Очерк Елисуйского ущелья // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1866. – № 67, 68 и 70.
[36] *Никитин К*. Елисени // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1867. – № 92, 93 и 94.
[37] *Чиркеевский А*. О происхождении аварцев // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1865. – № 64, 65.
[38] *Гаджиев В.Г*. Сочинение Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся», как исторический источник по истории народов Кавказа. – М., 1979. – С. 242–253.
[39] *Глиноецкий Н*. Поездка в Дагестан, из путевых заметок веденных на Кавказе в 1860 г. // Военный сборник. 1862. Т. 23, 24.
[40] *Соллогуб В*. Изменения на лезгинской линии // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1853. – Кн. 2.

М. М-цев[41]. Предметом интереса бывшего начальника Закатальского округа Н. Колюбакина стали повинности ингилойцев и мугал по отношению к джарцам[42]. Безымянный автор в 1858 г. издал отдельным оттиском брошюру, в которой затрагивается быт и даются общие сведения о некоторых поселениях аварцев Цора, Анкратля и Тленсеруха. Основное его внимание обращено на деятельность генерала Анрепа, назначенного в сентябре 1839 года начальником лезгинской кордонной линии и Джарской области[43]. Отрывки из сочинения французского консула Гамбы были опубликованы в 1827 г., и в них он касается быта джарцев, их обычного права и взаимоотношений с грузинами[44].

Среди статей о Цоре необходимо выделить материал И.О. Константинова «Джаро-Белоканцы до XIX столетия»[45]. В статье автор основное внимание уделил юридическому и гражданскому быту закавказских аварцев, а также патронимической структуре джарского общества. Краткое освещение получили события первой половины XIX в., связанные с разгромом отряда генерала Гулякова в Джаре, а также завоевание Российской империей этого региона в 1830 году. Ценные материалы для изучения политической истории рассматриваемого региона имеются в трудах авторов XIX столетия Д. Бакрадзе[46] и А. И. фон-Плотто[47]. В труде М. О. Коцебу[48] приводятся границы Джара, описывает административное и политическое устройство этого государства.

Характеризуя дореволюционную литературу, отметим, что большинство работ отличаются фрагментарностью и случайностью сообщаемых сведений. Одним из редких

---

[41] *М-цев М.* Краткий обзор Джаро-белоканского округа // Закавказский вестник. Тифлис, 1850. № 9.

[42] *Колюбакин Н.* Об отношениях поселян к владельцам земли в Белоканском округе // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1848. – № 52.

[43] О джарджах и лезгинских племенах на Кавказе. – СПб., 1858. – С. 38.

[44] Отрывки из путешествия кавалера Гамбы в южную Россию, и особенно в области лежащие по ту сторону Кавказа // Северный архив. – СПб., 1827. Ч. 26, № 5 и Ч. 27, № 11.

[45] *Константинов О.И.* Джаро-Белоканцы до XIX столетия // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1846. – № 2, 3.

[46] *Бакрадзе Дм.* Заметки о Закатальском округе // Записки кавказского отдела императорского русского географического общества (ЗКОИРГО). – Тифлис, 1892. Кн. XIV. Вып. 1.

[47] *фон-Плотто А.Ф.* Природа и люди Закатальского округа // Сборник сведений о кавказских горцах (далее ССКГ). – Тифлис, 1870. – Вып. IV.

[48] *Коцебу М.О.* Сведения о джарских владениях 1826 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (далее ИГЭД). – М., 1958.

исключений является статья И. Линевича, при написании которой, кстати, были впервые использованы фирманы и иные документы, выданные шахами Ирана и султанами Османской империи султанам Елису. В то же время практически вся информация, доступная научному миру 2-й половины XIX – начала XX в., но не использованная по разным причинам в перечисленных выше трудах, – к примеру, данные переписей и картографический материал, рисующий этническую картину Закатальского округа, – продолжала игнорироваться и в исследованиях историков советской эпохи, в трудах которых сложно усмотреть попытки обнаружить себя на поприще выявления не использованных ранее материалов: русских, западноевропейских, а тем более восточных. Исключение составляют известные советские эпиграфисты-востоковеды, последователи Н.А. Ханыкова, трудившиеся в Горном магале Дагестана и в пределах бывшего Закатальского округа – Л.И. Лавров[49], Т.М. Айтберов[50], А.Р. Шихсаидов[51], М.С. Неймат[52].

Научная новизна работы обусловлена тем, что это первое комплексное исследование поселенческой культуры этнических дагестанцев Закавказья, выполненное на основе привлечения обширного полевого материала и новых архивных документов.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые:

- в научный оборот вводится географическое название Цор, как обозначение Алазанской долины;

- объектом изучения стали поселенческая культура населения Алазанской долины XVIII–XX вв.;

---

[49] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X–XVII вв. – М., 1966. – С. 300; Ч. II. Надписи XVIII–XX вв. – М., 1968. – С. 248; Ч. III. Надписи X–XX вв. Новые находки. – М., 1980. – С. 168.

[50] *Айтберов, Т.М.* Закавказские аварцы (VIII – начало XVIII вв.). – Махачкала, 2000. Ч. I. – С. 172; *Айтберов, Т.М.*, *Хапизов Ш.М.* Елису и Горный магал в XII–XIX вв. (очерки истории и ономастики). – Махачкала, 2011. – С. 390.

[51] *Шихсаидов, А.Р., Айтберов, Т.М., Оразаев, Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. – М., 1993. – С. 302.

[52] *Неймат М.С.* Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. II: Арабо-персо-тюркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны (XIV век – начало XX века). – Баку, 2001. – С. 368.

- выявлено три микрорегиона, в рамках которых различаются типология поселений, их формы, структура, социально-экономическая специализация и в целом расселение;

- определены основные тенденции развития поселенческой культуры в течение трех веков (XVIII–XX вв.).

Методологическая основа исследования. Методологической основой исследования является подход к анализу имеющихся фактов на основе соблюдения принципов **историзма,** который заключается в учете специфики, определяемой конкретными условиями общеисторического развития). Применение метода **сравнительности** дало возможность определить не только общие закономерности развития поселенческой культуры дагестанцев Цора, но и ее особенности в разных природно-географических зонах региона; проводилось также сопоставление по некоторым параметрам поселенческой культуры Цора с горной Аварией и в целом с Дагестаном, Грузией и Азербайджаном – для определения общих и специфических черт развития указанных регионов). Автор неизменно придерживался принципа **объективности** в стремлении всесторонне анализировать развитие поселенческой культуры, выявить основы ее функционирования, определить роль в хозяйственном освоении территории; были учтены выдвинутые в науке по данной проблеме точки зрения, привлечены источники различного происхождения и вида, обеспечивающие возможность изучения количественных параметров интересующих явлений и одновременно – содержательно-качественного их анализа; для получения из источников максимально разнообразной и обширной информации о сельской поселенческой сети использована совокупность конкретно-исторических и математико-статистических методов, помогающих найти ответы на поставленные вопросы. Принцип **проблемности** определил основные параметры настоящего исследования, так как изучение поселенческой культуры предполагает решение проблем типологиии поселений, их топографии и структуры, а также условий их успешного функционирования в меняющихся социально-экономических условиях.

В основу работы был положен комплексный подход, позволивший привлечь для решения поставленных задач не только историко-этнографические данные, но и топонимический, фольклорный, статистический и прочий материал. Были использованы

методы эмпирического исследования и методы, общие для эмпирических и теоретических изысканий: наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, анализ, аналогия, а также исторический, дедуктивный и индуктивный методы.

При изучении процесса развития сети сельских поселений на протяжении XVIII–XX вв. стремление проследить изменения в поселенческой культуре, происходившие последовательно, потребовало учета ее исторических особенностей, сложившихся в XVIII в., изменения в типологии населенных пунктов, происходившие под влиянием политических и социально-экономических условий времени.

Историко-сравнительный метод был реализован через сопоставление численности и величины сельских поселений в разных географических зонах Цора и в регионе в целом в разные исторические промежутки изучаемого периода. Одновременно были выявлены черты сходства и различия в поселенческой культуре административно-территориальных единиц региона, поселения Цора сопоставлены с поселениями Дагестана, Азербайджана и Грузии.

Использование историко-типологического метода позволило соотнести социально-экономический статус населенных пунктов с их реальным экономическим значением в системе хозяйственных связей региона. Немаловажное значение в ходе исследования имели статистические методы, такие как метод обобщающих показателей, методы определения средних величин, типологической и аналитической (факторной) группировки статистических данных и др.

Источниковой базой исследования послужил значительный по объему материал, накопленный автором в ходе полевых работ с 2009 по 2013 годы. В ходе летней полевой работы в 2009, 2011 и 2013 годах, автор посетил многие населенные пункты этнических дагестанцев (аварцев, удин и цахур) в Кварельском, Лагодехском районах Грузии, а также Белоканском и Закатальском районах Азербайджана. Были проинтервьюированы старожилы и знатоки старины среднего поколения, а также главы администраций сельских муниципалитетов. Полевые материалы проверялись и дополнялись, если это было возможно, письменными источниками и литературными описаниями.

Была проделана значительная работа по выявлению материала в архивах Дагестана и Грузии. Особенно плодотворным оказалось исследование в Центральном историческом архиве Грузии (ЦИАГ), проведенное в мае-июле 2011 года. Особое

внимание в ЦИАГе было обращено на следующие фонды: 236 («Закатальская сословно-поземельная комиссия»), 231 («Сословно-поземельная комиссия канцелярии Управляющего военно-народной администрацией на Кавказе»), 1585 («Департамент начальника Джаро-Белоканского военного округа и Лезгинской кордонной линии»), 1638 («Комиссия по сбору данных о правах высшего мусульманского сословия в Закатальском округе») и 5 («Канцелярия начальника главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе 1859–1883 г.»). В качестве дополнительных источников были привлечены сведения арабоязычных хроник, актового материала, фольклорные данные и т. д.

Практическая значимость диссертации. Фактический материал, основные выводы и результаты диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории и этнографии Дагестана, Грузии и Азербайджана, при создании учебных пособий, подготовке специальных курсов и практических занятий, историко-этнографических атласов. Краеведческое значение темы определяется индивидуальными особенностями образования и функционирования каждого поселения, исторической обусловленностью его хозяйственных функций, административного значения, пространственно-планировочного и социокультурного развития. Изучение различных аспектов образования и развития населенных пунктов может заинтересовать исследователей «локальной» истории.

Апробация исследования. Основные положения диссертации получили апробацию в ходе участия в следующих международных конференциях:

1. Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»; 24–28 июня 2009 г., Тбилиси (Грузия).
2. Международная научная конференция «Тюркский мир, Кавказ и Иран – перекрестки цивилизационных связей»; 10–12 июля 2009 г., Цахкадзор (Армения).
3. Международная научная конференция «Критика и анализ исследовательских работ по Азербайджану и Арану»; 25–26 мая 2010 г., Ардебиль (Иран).
4. Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»; 27–30 сентября 2010 г., Тбилиси, Гори и Батуми (Грузия).

5. II Международный конгресс кавказоведов; 9–12 ноября 2010 г., Тбилиси (Грузия).

6. Международная научная конференция «Грузино-дагестанские культурно-исторические связи»; 4–6 мая 2011 г., Тбилиси (Грузия).

7. II Международная конференция по талышским исследованиям; 12–13 ноября 2011 г., Ереван (Армения).

8. Международный научный симпозиум «Историография и источниковедение Востока», посвященный 90-летию Зии Муса оглы Буниятова; 7–8 мая 2012 г., Баку (Азербайджан).

9. Международная конференция по автохтонным народам Кавказско-Каспийского региона; 5–7 октября 2012 г., Ереван (Армения).

10. Международная конференция «Ширван, Арран и Азербайджан: историко-культурная ретроспектива»; 1–2 ноября 2013 г., Ереван (Армения).

В рамках работы над диссертацией изданы три научные монографии:

1. *Хапизов Ш. М.* Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание историко-культурного микрорегиона в Восточном Закавказье). – Махачкала, ДИНЕМ: 2011. – 270 С.

2. *Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М.* Елису и Горный магал в XII–XIX вв. (очерки истории и ономастики). – Махачкала, Медиа-Полис: 2011. – 390 С. (Авторский вклад – 60%).

3. *Шехмагомедов М. Г., Хапизов Ш. М., Маламагомедов Д. М.* Тленсерух в конце XVIII – XIX вв.: Историко-документальное исследование (на основе изучения материалов коллекции Усман-дибира ал-Ири). – Махачкала, Медиа-Полис: 2015. – 378 С. (Авторский вклад – 40%).

В ходе работы над диссертацией были опубликованы следующие научные статьи в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. *Хапизов Ш. М.* Типология поселений Цора (Алазанской долины) // Вестник ДГПУ. – Махачкала, 2011. №3 (16). – С. 51–55.

2. *Хапизов Ш. М.* Из истории средневекового города Загеми/Базари // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2011. Вып. 43. С. 64–71.

3. *Халилова М. Н., Хапизов Ш. М.* К вопросу об этническом составе населения Белоканского района Азербайджана // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2012. Вып. 4. – С. 91–94. (Авторский вклад – 70%).

4. *Хапизов Ш. М.* О грузино-аварских надписях на каменных крестах // Вестник ДНЦ РАН. – Махачкала, 2014. Вып. №54. – С. 67–74.

5. *Хапизов Ш. М.* Ругуджинская надпись (о распространении христианства и ислама в Аварии) // Вестник ДНЦ РАН. – Махачкала, 2015. Вып. №56. – С. 36–45.

6. *Хапизов Ш. М.*, *Шехмагомедов М. Г.* Опыт исследования биографии дагестанского алима XVII в. (Талхат-кади из Ириба) по местным письменным источникам // Вестник ДГУ. – Махачкала, 2015. Т. 30. Вып. №4. – С. 40–42 (Авторский вклад – 60%).

7. *Хапизов Ш. М.* Урадинская надпись (к вопросу о развитии аварской письменности на основе грузинского алфавита) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2015. Вып. 58. С. 65–70.

8. *Хапизов Ш.М.* К истории расселения аварцев в верхней части Алазанской долины (в пределах Республики Грузия) в XVII-XIX вв. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – Владикавказ, 2016. Вып. № 1. С. 50–53.

Статьи в иных научных изданиях:

1. *Хапизов Ш. М.* Этнодемографический очерк Белоканского района // Труды Географического общества Дагестана. Выпуск XXXVII. – Махачкала, 2009. – С. 79–85.

2. *Хапизов Ш. М.* Формирование города Закаталы и его населения // Материалы II международного конгресса кавказоведов. – Тбилиси, 2010. – С. 508–511.

3. *Хапизов Ш. М.* Закатальский округ в составе Российской империи // Сборник научных статей о Кавказе Nash Kavkaz. – Махачкала, 2010. Вып. VIII. – С. 38–57.

4. *Хапизов Ш. М.* Тухумный квартал и его разложение (этнографическое исследование на основе села Мухах в Алазанской долине) // Международная научная

конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25–27 июня 2009 года. – Тбилиси, 2010. – С. 567–571.

5. *Хапизов Ш.* Населенные пункты Гугамского муниципалитета (опыт историко-географического и этнографического описания микрорегиона в Цоре – левобережье Алазани) // Научное обозрение: Ежеквартальный сборник статей. – Махачкала, 2010. – С. 63–89.

6. *Хапизов Ш. М.* Расселение аварцев в Цоре (северо-западная часть Арана) на современном этапе // Papers Abstracts. The International Conference on Examination of Azerbaijani and Aran. Study Sources. 25–26 May 2010. Iran – Ardabil. – Ardabil, 2010. – P. 38.

7. *Хапизов Ш. М.* О прошлом и настоящем кахетинских аварцев // Труды Географического общества Дагестана. Выпуск XXXVIII. – Махачкала, 2010. – С. 103–107.

8. *Aytberov Temur*; *Khapizov Shahban*. Pro-Qajar Elements in Dagestan (Early 19th Century) // Iran and the Caucasus. – 2010. – Volume 14. – Number 2. – P. 279–286. (Авторский вклад – 40%).

9. *Хапизов Ш. М.* Формирование города Закаталы // Кавказоведческие разыскания. – Тбилиси, 2010. Вып. №2. – С. 547–554 (на рус. яз); С. – 555–560 (на англ. яз.).

10. *Хапизов Ш. М.* Родовые замки («гьин») в структуре аварских поселений Цора (левобережья Алазани) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси – Гори – Батуми. 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 543–548.

11. *Хапизов Ш. М.* Топография поселений Цора (гудекан, кладбище, мечеть) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси – Гори – Батуми. 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 549–552.

12. *Хапизов Ш. М.* Возникновение стационарных поселений на базе сезонных хуторов у джарских аварцев в XIX в. // Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 2011. – Вып. V. С. 82–92.

13. *Хапизов Ш. М.* Распространение ислама в Панкисском ущелье Грузии на рубеже XIX–XX вв. в свете деятельности шейха Иса-апанди Ташазул // Ислам в России

и за ее пределами: История и культура общества: Сборник материалов межрегиональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. – Магас, 2011. – С. 391–397.

14. *Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М.* О проиранской партии среди дагестанцев 1-й половины XIX в. // Международная научная конференция «Тюркский мир, Кавказ и Иран – перекрестки цивилизационных связей». Цахкадзор 10–12 июля 2009 г. Сборник кратких содержаний докладов. – Ереван, 2010. – С. 21–22. (Авторский вклад – 30%).

15. *Хапизов Ш. М.* К вопросу об исторических связях Елисуйского султанства и аварских общин Нагорного Дагестана // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2011. Вып. II. С. 105–118.

16. *Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М.* О Елисуйском султанстве и новых фактах из его истории // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2011. Вып. II. С. 93–105. (Авторский вклад – 50%).

17. *Khapizov Sh. M.* Demography of indigenous peoples of Azerbaijan // Papers Abstracts. The 2nd International Conference on the Talishi Studies. – Yerevan, 2011. – P. 23–25.

18. *Хапизов Ш. М.* Горный магал и Елису (этническая история и языковые процессы) // Труды ГОРД. – Махачкала, 2011. Вып. XXXIX. – С. 83–89.

19. *Хапизов Ш. М.* Закатальский округ в 1917–1921 гг.: между Дагестаном, Грузией и Азербайджаном // Кавказоведческие разыскания. – Тбилиси, 2011. Вып. №3. – С. 216–234 (на рус. яз.); 235–236 (на англ. яз.).

20. *Хапизов Ш. М.* Разгром Ибрагим-хана в Джарском ущелье: опыт исторической реконструкции (1738 г.) // Единение народов Дагестана в борьбе против иноземных завоевателей. Материалы Международной научной конференции, посвященной 270-летию разгрома войск Надир-шаха в Дагестане. – Махачкала, 2011. – С. 236–243.

21. *Хапизов Ш. М.* К вопросу о социальном статусе аварского языка в Закатальском округе // International conference on the autochthonous peoples of the Caucasian-Caspian region. 5-7 October. – Yerevan, 2012. – С. 50–51.

22. *Хапизов Ш. М.* Исламизация южной части горной Аварии (по данным местных письменных арабоязычных источников) // Историография и источниковедение

Востока / Материалы международного научного симпозиума, посвященного 90-летию Зии Муса оглы Буниятова. – Баку, 2012. – С. 208–211.

23. *Айтберов Т. М., Шехмагомедов М. Г., Хапизов Ш. М.* Опыт исследования биографий средневековых мусульманских ученых-богословов Кавказа (на примере Али ал-Кили) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2013. №2 (34). – С. 11–18. (Авторский вклад – 60%).

24. *Хапизов Ш. М.* Этнические процессы в Алазанской долине в XVI–XVII вв. // International conference Shirvan, Arran, and Azerbaijan: A Historical-Cultural Retrospective. Dedicated to the Memory of Prof. Enayatollah Reza. 1–2 November, 2013, Yerevan. Programme and abstracts. – Yerevan, 2013. – С. 45–48.

25. *Хапизов Ш. М.* Грузинская надпись из юго-восточной Аварии // Материалы III международного конгресса кавказоведов. – Тбилиси, 2013. – С. 205–206 (на англ. яз.); 468–470 (на рус. яз.).

Глава I. Основные этапы этнической истории Цорского региона

§ 1. Природно-географические условия

Исторически Алазанская долина, известная среди местного населения как Цор (*ЦIор*) или передний Цор (*Цебе ЦIор*), являлась регионом проживания аварцев Южного Кавказа. Этимология этого слова, как и пределы, которые оно охватывает, стала предметом изучения со стороны исследователей разного времени[53]. При этом Л. И. Жирков и П. К. Услар ставят знак равенства между Цором и «Закавказьем, Грузией», разделяя при этом его на *Цебе ЦIор* – «Грузия по левому берегу Куры» и *Нахъа ЦIор* – «Грузия за Курой». Наряду с Цебе Цор и Наха Цор аварцам известен и Жаниб Цор (авар. – «внутренний Цор»), который, в частности, фигурирует в народных песнях про набеги на Закавказье[54].

При выяснении этимологии Цора распространенной версией является сопоставление его с аварским словом *цIер* – «лед»[55]. Как пишет автор монографии – исследования по закатальскому диалекту аварского языка П. С. Саидова, помимо Джара (*ЧIар*) «известный топоним *ЦIороб* (форма локатива от слова *цIер* – «лед») в андалальском регионе Аварии употребляется с не менее распространенным его вариантом – *ЦIоронахъ* // *ЦIоронахъа*, что буквально означает «за льдом», т. е. «за ледяным перевалом»[56].

Однако следует учесть, что название это распространено и среди аварцев Закавказья, что делает предложенную этимологию уязвимой. В этой связи автор считает наиболее вероятным происхождение топонима *ЦIор* от распространенного в некоторых южных диалектах аварского языка слова *цIури*, являющегося синонимом общеаварского

---

[53] *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т. III. Аварский язык. – Тифлис, 1889. – С. 20; *Марр Н. Я.* Кавказские племенные названия и местные параллели. – Петроград, 1922. – С. 32; *Жирков Л. И.* Аварско-русский словарь. – Л., М., 1936. – С. 144; *Халилов М. Ш.* Грузинско-дагестанские языковые контакты. – М., 2004. – С. 83.

[54] МагIарулазул халкъиял кIучIдул. – МахIачхъала, 2001. Гь. 293, 340 (на авар. яз.).

[55] *Молла Мәһәммәд әл-Чари.* Чар Салнамәси / тәрч., кириш, гејд. С.А. Сулејманованындыр. – Бакы, 1997. – С. 14 (на азерб. яз.).

[56] *Саидова П. А*. Закатальский диалект…– С. 15–16.

слова *жаниблъи*[57] («долина»[58], «котловина»). Обозначая долину реки Алазани, аварцы вполне могли использовать термин *цIури* (*цIоро*), так же как прикаспийскую равнину называли просто *лъарагIлъи* («равнина»). Географический термин *цIури* нередко встречается в топонимии горной Аварии (к примеру, райцентр Чародинского района *ЦIуриб* – «в долине»), и потому вполне допустимо его применение и в Закавказье. Одновременно надо заметить, что С. Сулейманова пишет, что на аварском языке Цор означает «предгорье, равнина» Закавказья[59].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть прослеживающуюся взаимосвязь названия Цор с городом Цри (современный Джар – *ЧIар*[60], обозначаемый на картах XVIII века как «Цари»[61]), упоминаемым в «Истории Албании» при описании событий V века[62]. Указанный «город» Джар являлся историческим центром региона и на начало XIX века состоял из 1 260 дворов, то есть являлся более крупным населенным пунктом, нежели Баку того времени[63].

Наряду с названием Цор, обозначавшим часто все Закавказье, у авторов XIV–XIX вв. известно и название собственно аварской его части – Голода (авар. *Гъолода* – «на горном склоне, хребте»). Впервые этот термин упоминается в «Тарих Дагестан», составленном предположительно в начале XIV века[64]. И. П. Петрушевский пишет, что «под этим именем еще в XIX в. известны именно аварские… поселения Джаро-Белоканской области»[65]. П. К. Услар считает, что «так называют горцы Джаро-

---

[57] *Асадулаев ГI.* Гьиндиб росдал тарих. – МахIачхъала, 2003. – Гь. 14 (на авар. яз.).
[58] Аварско-русский словарь / сост. М. Саидов. – М., 1967. – С. 224.
[59] *Сулейманова С. А.* Этнополитическая история северо-западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия НАН Азербайджана. Серия истории, философии и права. – Баку, 2004. – № 4. – С. 57.
[60] Об этом см. *Хапизов Ш. М.* Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание микрорегиона в Восточном Закавказье). – М., 2011. – С. 19–20.
[61] *Вахушти Багратиони.* Атлас Грузии (XVIII век). – Тбилиси, 1997. – С. 95; Карта «Азиатская Турция, Анатолия, включающая Армению, Курдистан, Алджезиру, Ирак-Аджами». – Париж, 1762.
[62] *Мовсес Каланкатуаци.* История страны Алуанк / пер. с древнеармянского, пред. и ком. Ш. В. Смбатяна. – Ереван, 1984. – С. 38.
[63] *Гусейнова Б. М.* Расселение авароязычного населения в Восточном Закавказье в XVIII – первой трети XIX в. // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2008. – Вып. III. – С. 26.
[64] *Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р.* Указ. раб. – С. 108.
[65] *Петрушевский И. П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX века. – Тифлис, 1934; *Он же.* Указ. раб. – Махачкала, 1993. – С. 34.

Белоканский округ»[66]. Следует отметить, что Голода является термином, употреблявшимся в основном в XVI – начале XVIII в., когда политическим центром аварского государства в Закавказье являлось поселение Голода.

Наиболее употребляемым в настоящее время названием аваронаселенного региона в Закавказье среди местного населения, а также аварцев и лакцев Дагестана является *ЧIарахъ*[67]. Отсюда *чIарахъев* – «джарец, житель Джара»[68]. Кроме того, сами местные аварцы называют село *ЧIар* и *ЧIарахъ*[69]. Характерна такая форма и для аварцев Дагестана[70].

Рельеф местности Цора во многом определяется Главным Кавказским хребтом, который величественно окаймляет округ с северо-восточной стороны. Он спускается к реке Алазани крутыми скатами, давая истоки многочисленным протокам, образующим реки, впадающие в Алазани. Эта река (длина – 413 км, площадь водосбора – 16 920 кв. км) – является главной водной артерией Цора[71], население которого иногда называет его *Ралъад* – «море».

В топографическом отношении аварский Цор (Закатальский округ Российской империи) можно разделить на две части: северную – горную, представляющую собою южный склон Главного Кавказского хребта, и южную – низменную. **Горная** часть пересечена многочисленными ущельями и горными кряжами, покрыта альпийской растительностью и богата летними пастбищами для крупного и мелкого рогатого скота[72]. Южный склон ГКХ очень крут, образует множество скалистых и узких ущелий, покрыт лесами и дает начало многочисленным речкам, стекающим к Алазани, которые, разливаясь при таянии снегов в горах и дождях, образовывали в низменности ныне уже осушенные болота. Вместе с тем речки эти имеют важное ирригационное значение.

---

[66] *Услар П. К.* Указ. раб. – С. 20.
[67] *Асланов А. М.* Из топонимии Алазани // Ономастика Кавказа. – Махачкала, 1976. – С. 88; МагIарулазул халкъиял кIучIдул… – Гь. 274–275.
[68] *Жирков Л. И.* Указ. раб. – С. 33.
[69] *Саидова П. А.* Закатальский диалект… – С. 15.
[70] *Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Гасанов М. Р., Алиев Б. Г.* Материалы по хронологии и генеалогии // Источниковедение средневекового Дагестана. – Махачкала, 1986. – С. 162.
[71] Цифровые данные, см. Советский Азербайджан / под ред. М. М. Алиева. – Баку, 1958. – С. 106.
[72] Весь Кавказ (промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья) / составил и издал М. С. Шапсович. – Баку, 1914. – С. 465.

Орошение полей производится почти исключительно из небольших левых притоков Алазани, сама же река, протекающая в довольно высоких берегах, не имеет ирригационного значения. **Средняя** часть аварского Цора до Алазани и ее притока Айри-чая слегка наклонена к Алазани и представляет, в общем, ровную местность, отлично орошенную речками, стекающими с Главного Кавказского хребта[73]. Это самая благоприятная в природно-климатическом отношении часть округа. Кроме того, трудами местных аварцев многие горные ущелья были превращены здесь в цветущие сады[74].

Что касается **южной**, низменной части округа, то ее, в свою очередь, можно разделить на две части: северную, до реки Алазани, и южную, расположенную южнее нее. Первая слегка наклонена к Алазани, хорошо орошена стекающими с Главного Кавказского хребта многочисленными речками и богата растительностью, вторая – степная, летом представляет собой безводную, выгоревшую пустыню, но зимой дает подножный корм для скота. Климат в нагорной полосе умеренный, а в низменной, защищенной гигантской стеной ГКХ от влияния холодных северных и восточных ветров, жаркий. При этом в низменности вплоть до середины XX в. благодаря болотам и постоянно искусственно наводняемым рисовым полям свирепствовала малярия[75].

Кроме того, южная часть Кахского района, вдававшаяся клином между Шекинским районом АР и Дедоплисцкарским районом Грузии и расположенная по левую сторону Алазани к югу от впадения Айри-чая, представляет собой безводную, слегка волнистую, а местами ровную степь. Она почти не имеет населения и пригодна практически только для сезонного животноводства – зимних пастбищ. Таким образом, почти весь исторический Цор принадлежит к бассейну Алазани и расположен большей частью по левую ее сторону.

---

[73] *Бакрадзе Дм.* Заметки о Закатальском округе // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1892. Кн. XIV. Вып. 1. – С. 2–3.

[74] *Берзенов Н.* Краткий исторический и географический указатель достопримечательных местностей по Кахетии, Закатальскому округу и частию по Бакинской и Тифлисской губерниям. – Тифлис, 1864. – С. 18–19.

[75] Весь Кавказ… – С. 465.

§ 1.2. Ранние этапы этнической истории Цора

В историографии высказаны две точки зрения по вопросу о генезисе дагестаноязычного населения долины Алазани. Согласно одной из них, оно является поздним этническим элементом в регионе[76]. Так, по мнению Р. Гусейнзаде, «в условиях крайнего малоземелья в Хунзахе, как и вообще в горном Дагестане, аварцы еще в XVIII веке стали переселяться в соседний Северный Азербайджан»[77]. Эта точка зрения нам представляется необоснованной и бездоказательной. В то же время в современном кавказоведении большинство исследователей разделяет мнение о том, что дагестаноязычные народы являются коренным населением на западных и южных склонах Главного Кавказского хребта, в том числе и в Алазанской долине[78]. Данная

---

[76] *Алиева С. И.* Народы Северного Кавказа в истории северо-западного Азербайджана в XVIII в. // Труды института истории Азербайджана. – Баку, 2007. Т. XX. – С. 120.

[77] *Гусейнзаде Р.* Аварцы в Азербайджане // Журнал «İRS – Nasledie». – Баку, 2007. – №6. – С. 12–14.

Единственное указание на миграцию аварцев из Хунзаха в Алазанскую долину встречается у Н. Яковлева, согласно которому жители укрепленного аула на горе Чина-меэр, расположенной на Хунзахском плато, «после нападения арабов бежали в Закаталы» [*Яковлев Н.* Новое в изучении Северного Кавказа (Предварительный отчет о работах Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г. в Дагестане) // Журнал «Новый Восток». – 1924. – Кн. 5. – С. 244–245].

[78] *Джавахишвили И.* Введение в историю грузинского народа. Кн. I: Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. – 1950. – С. 248; *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959. – С. 120–125; *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. – М., 1979. – С. 23; *Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. с древнегрузинского, пред. и ком. Г. В. Цулая. – М., 1979. – С. 42; *Мусхелишвили Д. Л.* Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). – Тбилиси, 1982. – С. 17, 19, 24, 28; *Мусхелишвили Д. Л.* Город Уджарма (К историческим взаимоотношениям Иберии и Албании) // Сборник по исторической географии Грузии. – Тбилиси, 1964. Т. II. – С. 59–70; *Крымский А. Е.* Низами и его современники. – Баку, 1981. – С. 390; *Крымский А. Е.* Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании) // Сборник статей в честь С. Ф. Ольденберга. – Л., 1934. – С. 289–305; *Крымский А. Е.* Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании, Шеки) // Сборник, посвященный памяти академика Н. Я. Марра. – М.; Л., 1938. – С. 369–384; *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана (Историко-этнографическое исследование). – Баку, 1986. – С. 77–80, 83–85; *Джафаров Ю. Р.* О локализации «страны» чилбов и лбинов // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. – Махачкала, 1991. – С. 59; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). – М., 1972. – С. 33; *Халаев З. А.* Этнополитическая и культурно-религиозная история дагестаноязычных народов Алазанской долины в XVI–XVIII вв.: автореф. дис. … кандидата исторических наук. – Махачкала, 2009. – С. 13.

точка зрения имеет весомые доказательства, опирающиеся на данные археологии, нарративных источников, этно- и топонимии региона.

Тесные связи между горным Дагестаном и Алазанской долиной и шире – Закавказьем – прослеживаются с древнейших времен[79]. Археологи указывают на то, что из всех культур эпохи энеолита наиболее близкое сходство с культурой Дагестана обнаруживают энеолитические комплексы северо-восточных районов Грузии (Кахетии), что объясняется существованием в горной зоне Большого Кавказа (в частности современного горного Аваристана) пласта культуры, составляющего для них общую историко-культурную подоснову[80]. Для более позднего периода О. М. Давудов подчеркивает почти полное сходство керамики Восточной Грузии и Аварии в эпоху раннего железа и в античное время[81]. Он же говорит о сходстве и других сфер материального производства[82].

Археологические материалы подтверждаются и выводами лингвистов о том, что Восточное Закавказье издревле входило в сферу распространения северо-восточнокавказских (дагестано-нахских) языков[83]. Более того, носители куро-аракской культуры считаются принадлежащими к южнокавказскому и нахско-дагестанскому населению, связанному с хурритами[84]. Пределы распространения хурритов в III–II тыс. до н. э. территориально в основном совпадают с границами распространения куро-аракской культуры, что дало основание предположить, что создателями куро-аракской культуры были главным образом хуррито-урартские племена и носители северо-

---

[79] *Амирханов Х. А.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. – М., 1987. – С. 208; *Джапаридзе О. М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тбилиси, 1989. – С. 372; *Гаджиев М. Г.* История Дагестана. – Махачкала, 1996. – С. 43–44.

[80] *Гаджиев М. Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. – М., 1991. – С. 108.

[81] *Давудов О. М.* Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н. э. – IV в. н. э.). – Махачкала, 1996. – С. 101.

[82] Там же.

[83] *Меликишвили Г. А.* Указ. раб. – С. 121–124; *Алиев И.* История Мидии. – Баку, 1960. – С. 66–67.

[84] *Марковин В. И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура) // Советская археология. – 1990. – №4. – С. 107; *Дьяконов И. М., Старостин С. А.* Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. – М., 1988. – С. 165; *Дьяконов И. М.* Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока: (Материалы всесоюзн. науч. конф.). – Орджоникидзе, 1989. – С. 17.

восточнокавказских языков[85]. В эту канву ложатся результаты языковых исследований Я. Сулейманова, согласно которым в прошлом аварцы (в целом дагестаноязычные народы) были расселены и южнее современной их этнической границы[86].

Помимо вышеприведенных данных отметим и такую особенность сельского хозяйства горной Аварии, при которой население этого региона существовать без Алазанской равнины не могло[87], т. е. оба региона в прошлом являлись частями единой хозяйственно-экономической системы.

Раннее присутствие авароязычных групп в регионе подтверждается и исследованием топонимии Азербайджана, которое «уже теперь позволяет утверждать, что население древнейшего Азербайджана относилось к аборигенам, связанным с хуррито-урартским населением»[88]. В I тысячелетии до н. э. на территорию Восточного Кавказа и Ирана начинают проникать племена индоевропейского происхождения, а позднее и «тюркоязычного населения в гущу древнего кавказского и ираноязычного субстрата»[89].

Коренное население Алазанской долины и прилегающих склонов Главного Кавказского хребта упоминается еще в I в. н. э. у Плиния Старшего под именами лпинов и сильвов: «...С другой стороны, начиная от границ Албании по всему челу гор (живут) дикие племена сильвов, а ниже лупении (лубиении), затем дидуры и соды»[90]. Согласно концепции ряда азербайджанских исследователей, «наследниками племен лбинов и сильвов», живших в Кавказской Албании и составлявших одну из ее областей – Лпин, являются кавказские аварцы[91]. Сведения армянских историков раннего Средневековья

---

[85] *Дьяконов И. М.* Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III – I тыс. до н. э. // Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа: Тезисы. – Баку, 1966. Вып. 12. – С. 7–9; *Гаджиев М. Г.* О демографических и этногенетических процессах в Дагестане в первобытную эпоху // Алародии. – Махачкала, 1995. – С. 23.

[86] *Сулейманов Я.* Этимологические изыскания // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР (Серия филологическая). – Махачкала, 1964. Т. XIII. – С. 118.

[87] *Мочульский.* Война на Кавказе и Дагестан. 1844 г. // РГВИА. Ф. 846. Д. 6528. Часть II. Топографическая. Л. 167.

[88] *Алиев К.* Древнее население Азербайджана по данным топонимии // Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. – Баку, 1973. – С. 87–88.

[89] *Алиев К.* Указ. раб. – С. 87–88.

[90] Plinii Naturalis Historia. Liber VI, XI. – London, 1969. – P. 29.

[91] *Гейбуллаев Г.* К этногенезу азербайджанцев. – Баку, 1994. – С. 151–152, 154; *Сумбатзаде А. С.* Азербайджанцы – этногенез и формирование народа – Баку, 1990. – С. 82.

позволяют считать царство лпинов – Лпинк – одним из важных христианских государств Закавказья: царь этой страны получает послание Йездигерда II, так же как и армянский, иверский и албанский цари[92]. Во время восстания 450–451 гг. войско лпинов помогало персам подавлять движение армян и албанцев[93].

Следует отметить, что современное аварское население Алазанской долины по своему происхождению в основном делится на две группы (в прошлом племена), которые сейчас у аварцев называются *лъебелал* (тлебелы) и *хьванал* (хваны). Причем различия можно заметить в топонимии, преданиях, языковых особенностях разных групп аварцев Цора (Алазанской долины) и т. д.

В этой связи очевидно, что с тлебелами, скорее всего, следует идентифицировать племя лпинов[94]. В частности М. С. Гаджиев, автор специального исследования «Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность)» говорит о возможной связи аварских этнонимов *гьалби*, *гьалбал* и *лъебел* с этнонимом *лпины*, «учитывая их географическую близость при предложенной локализации (Лпинии. – *Х. Ш.*), тесные и древние горно-равнинные хозяйственно-экономические и иные контакты, древний аварский топонимический пласт в долине Алазани»[95]. Переход авар. «лъебел» в арм. «лпин» вполне допустим и объясним при допущении, что конечная «н» или «ни» – часто встречающийся суффикс места в аварской топонимии (к примеру, села в горном Дагестане: *Балахьуни*, *Рихьуни*, *ГъаракIуни* и т. д.). Азербайджанский исследователь Г. Гейбуллаев более определенно говорит о лпинах как предках части современных закавказских аварцев. «Этот этноним в древнеармянских источниках имеет форму «лбин» и «лпин». Местожительство «лбин» называлось «Лпинк». По мнению ряда исследователей, «лбины» жили на левобережье реки Алазань (на наш взгляд, более вероятно проживание их на правом берегу Алазани. – *Х. Ш.*)… Однако этническая принадлежность лбин до сих пор не определена. По нашему мнению, носителями этого этнонима являлись предки части современных аварцев северо-западного Азербайджана,

---

[92] *Акопян А. А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. – Ереван, 1987. – С. 85.
[93] Там же.
[94] О возможности такого отождествления: *Гаджиев М. С.* Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). – Махачкала, 1998. – С. 7–42.
[95] *Гаджиев М. С.* Лпиния… – С. 20.

а этноним лбин следует считать фонетической разновидностью этнонима hалби, которым аварцы именуются среди некоторых соседних народов Дагестанской АССР»[96].

Второй компонент или племя, которое участвовало в формировании современных аварцев Цора, это «хьваны», известные, возможно, в античных источниках как сильвы – этноним, который можно реконструировать как чилбы, цилбы, учитывая отсутствие данных фонем «ч», «ц» в греческом и их передачу через «с»[97]. В кавказоведении уже распространено мнение о связи античного этнонима «сильвов» с племенным или родовым названием «цIилбал», которое отражено в названиях аварских населенных пунктов Алазанской долины (селения *ЦIилбан* в Закатальском и *ЦIалбан* в Белоканском районах и т. д.)[98]. Опять же процитируем Г. Гейбуллаева: «Племя силв упоминает Плиний (I в.). По его сообщению, «силвы живут за пределами Албании по всему челу гор». Однако, судя по древнеармянским источникам, силвы входили в число албанских племен. В этих источниках данный этноним зафиксирован в различных фонетических формах: *шилб, шил* (вариант *шиб*) и *чилб*. Существует мнение, что силвы античных, чилбы (шилбы) древнеармянских источников обитали в верховьях Андийского Койсу. Что касается этнической принадлежности носителей этого этнонима, то, по нашему мнению, их следует считать предками части современных аварцев»[99]. Это мнение, на взгляд Г. Гейбуллаева, подтверждается тем, что чеченцы и ингуши называют аварцев *сули* или *соли*, а область верховий Андийского Койсу – *сулийн мохк*, т. е. «земли страны сули»[100]. Далее он же приводит данные В. Абаева, который упоминает о наличии осетинского названия аварцев – *солу* – и связывает его с жителями «одного из аварских

---

[96] *Гейбуллаев Г. А*. Топонимия Азербайджана. – Баку, 1986. – С. 84–85.

[97] В этой связи хочется отметить, что, на наш взгляд, в один ряд со многими другими топонимами, этимологизируемыми из «цилбского» (из которого, вероятно, произошли современные бежтинский, гунзибский и гинухский языки), можно поставить и гидроним «Алазани». В бежтинском языке «алазан» означает озеро, как и в родственных гинухском (*гIалазан*), цезском (*гIалзан*), а также в асахском диалекте (*гIалазан*) (*Халилов М. Ш.* Цезско-русский словарь. – М., 1999. – С. 105). Х. Халилов полагает, что эти слова образовались от названия реки Алазани (*Халилов М. Ш.* Грузинско-дагестанские языковые контакты. – М., 2004. – С. 77), однако более вероятно обратное, по примеру образования названия реки Алазани в закатальском диалекте аварского языка (*рахьад* – т. е. «море»).

[98] О связи названий этих селений с этнонимом «сильвы» см.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. – М., 1963. – С. 28; *Асланов А. М.* Из топонимии Алазани // Ономастика Кавказа. – Махачкала, 1976. – С. 91.

[99] *Гейбуллаев Г. А*. Топонимия Азербайджана… С. 84.

[100] *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. – С. 182.

вольных обществ в Дагестане»[101]. Подытоживая, Г. Гейбуллаев пишет: «Таким образом, *силв, солу, сули, сул* следует считать фонетическим вариантом одного этнонима, правильная форма которого, по нашим полевым данным, собранным среди аварцев северо-западного Азербайджана, – это *цилб»*[102].

Вышеуказанный тезис Г. Гейбуллаева, скорее всего, основан на мнении известного этнографа Н. Волковой, что этническое имя *силе*, *сули*, которым вайнахи обозначают аварцев, живущих в верховьях реки Андийское Койсу, звучит также в этнониме «сильвы», называемом Плинием Секундом[103]. Так как К. Тревер и ряд других исследователей локализуют сильвов в верховьях Андийского Койсу[104], а вайнахи называют созвучным термином это же население, то наше первичное предположение о цезоязычности (языки группы аварских субэтносов, в т. ч. бежтинцев, живущих в верховьях рек Андийское и Аварское Койсу) сильвов античных историков кажется вполне правдоподобным. Учитывая существование в Енисели (левобережье Алазани) еще в XIV в. селения Цинубани[105], которое отождествляется с Цилбаном (аварское село в 1 км к востоку от Джара), а также другие вышеуказанные данные, также не вызывает сомнений автохтонность сильвов в Джарском обществе и в целом на склонах Главного Кавказского хребта (в Алазанской долине, в Цунте, Анцухе и Бежте).

В связи с высказыванием Г. Гейбуллаева следует учесть и то, что живущие в Чародинском районе Дагестана арчибцы называют Закатальский округ «Цили»[106], а джарских аварцев называют «цили-ш-тту». В данном этнониме «цили» – корень этнонима, аналогия которого с этнонимами сильвы и «цилб» («-би» – в аварском и некоторых других кавказских языках суффикс множественного числа) более чем очевидна[107]. Те же сильвы в форме чилбы встречаются в армянских источниках V–VII

---

[101] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М., 1973. Т. II. – С. 131.
[102] *Гейбуллаев Г. А*. Топонимия Азербайджана… С. 84.
[103] *Волкова Н. Г.* Из северо-кавказской этнонимии // Ономастика Кавказа. – Махачкала, 1976. – С. 182.
[104] *Тревер К. В*. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. – М.–Л., 1959. – С. 192.
[105] Грузинские документы IX–XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР / пер. и ком. С. С. Какабадзе. – М., 1982. – С. 105.
[106] *Микаилов К. Ш.* Арчинский язык (Грамматический очерк с текстами и словарем). – Махачкала, 1967. – С. 65.
[107] Там же. – С. 204.

вв.[108] Интересно наличие аварского имени собственного *ЧIилбикI,* которое, кстати, фигурирует в средневековом аварском фольклоре: в сказке про Чилбика и Хартай, записанной в XIX в. Айдемиром Чиркеевским, он – главное действующее лицо[109].

Говоря о локализации лпинов, необходимо отметить, что М. С. Гаджиев достаточно веско и убедительно идентифицировал лпинов и эров грузинских источников[110], страна которых в «Картлис Цховреба» помещается между Курой и Алазани[111].

На мой взгляд, город лпинов, идентифицируемых с эрами, есть упоминаемый в «Картлис Цховреба» город Эрети или Хоранта у слияния рек Алазани и Иори, а страна чилбов – территория современного расселения закатальских аварцев с центром в современном селении Джар, который идентифицируется с албанским городом Цри. Последнее предположение ранее было высказано С. Сулеймановой, считающей, что «город Цри», который в «Истории албан» представляется как «большой город Албании в стране чилбов»[112], можно соотнести с «Цор» (аварское название Джара)[113]. По сообщениям авторов XVIII–XIX вв., Джар являлся крупным населенным пунктом и политическим центром всего региона, как защищенным естественными природными рубежами, так и имевшим мощные фортификационные сооружения. Согласно Мовсесу Каланкатваци, Цри являлся «городом-крепостью», «большим городом Албании» в земле чилбов[114].

Кроме того, следует учесть сообщение автора о расположении страны чилбов, а соответственно и их города, коим являлся Цри, «у склона великой горы»[115]. А Джар как раз расположен у подножия южных отрогов Главного Кавказского хребта. А если

---

[108] История Егише Вардапета. Борьба Христианства с учением Зороастровым в пятом столетии в Армении / пер. с арм. П. Шаншиева. – Тифлис, 1853. – С. 215; *Еремян С. Т.* Армения по «Ашхарацуйцу». – Ереван, 1963. – С. 64, 102 (на армян. яз.).
[109] Сказки и басни, собранные и переведенные с аварского Айдемиром Чиркеевским // ССКГ. – Тифлис, 1869. Вып. II. Отд. V. – С. 25.
[110] *Гаджиев М. С.* Лпиния… – С. 15–17.
[111] Картлис Цховреба (История Грузии) / под ред. Р. Метревели. – Тбилиси, 2008. – С. 14.
[112] *Моисей Каганкатваци.* История агван / пер. Патканова. – СПб., 1861. – С. 28, 30, 42, 56.
[113] *Сулейманова С.* Джаро-белоканские аварцы // Азербайджан в мире. – 2006. – № 4 (6). – С. 130.
[114] The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci / transl. by C.J.F. Dowsett. – London, 1961. – P. 22–23, 33, 51; *Мовсес Каланкатуаци.* Указ. раб. – С. 37–38, 45, 58.
[115] *Мовсес Каланкатуаци.* Указ. раб. – С. 123.

учесть, что на арчибском языке Джар и сейчас называется «Цили», а для аварского языка характерны звуковые переходы *ц-ч* и *цI-чI*, то налицо и связь названий «города-крепости Цри» с Джаром. Важным аргументом в пользу этой версии является обозначение современного Джара – *ЧIара* на картах XVIII века как «Цари»[116]. Другой исторический период, в связи с которым упоминается город Цри и чилбы, – это середина IV в.[117]

По М. С. Гаджиеву[118], дополнительным аргументом в пользу предложенной им версии служит наличие в этой зоне населенных пунктов *ЦIилбан* и *ЦIолбан* (правильнее *ЦIалбан*), названия которых сопоставлены В. Ф. Минорским с рассматриваемым этнонимом[119]. Однако оба эти селения являются аварскими, что входит в противоречие с версией о цахуроязычности чилбов. А наличие в городе наместника албанского царя, строительство здесь при Григорисе церкви и упоминание служителя этой церкви – «отрока чилба» – в процитированном источнике наводит на мысль о том, что Цри являлся столицей страны силвов (арм. *чилб-к,* лат. *silvi*). Следует также отметить наличие в сведениях Птолемея названия населенного пункта в Албании – Тилбида, который К. В. Тревер связывала с этнонимом силв[120]. В данном случае резонно предположить наличие связи топонима Тилбида с Цилбаном.

Исходя из наличия в Закатальском районе двух соседних населенных пунктов: *Лъебел-уба* (авар. «квартал лъебелов – лпинов») и *ЦIилбан* (от ЦIилб-убаниб – авар. «в квартале силвов»), а в Белоканском районе двух таких же населенных пунктов Билкан (авар. *бил* + «место»[121]; образовано по аналогии с *гудекIан*; этимологию его см. ниже) и *ЦIалбан* (см. Цилбан), возможно образование топонима Билкан от *Лъебел-кIан* (авар. «место лъебелов»). Дело в том, что самые крупные, коренные тухумы – роды Белокан:

---

[116] *Вахушти Багратиони.* Атлас Грузии… – С. 95; Карта «Азиатская Турция…».
[117] *Бузанд Фавстос*. История Армении / пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворкяна. – Ереван, 1953. – С. 15; The History of the Caucasian Albanians… – P. 22–23; *Мовсес Каланкатуаци*. Указ. раб. – С. 37–38.
[118] *Гаджиев М.С.* Миссия епископа Исраела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Материалы и исследования по археологии России. – М., 2001. Вып. 3. – С. 164–166.
[119] *Минорский В.Ф*. Указ. раб. – С. 28. Прим. 38.
[120] *Тревер К.В*. Указ. раб. – С. 142.
[121] В закат. диал. авар. яз. *кIан* – «ровная площадь», «плато», а также «доска для замешивания теста».

ХIалажал, Горгиял и *ГьарагIалилал* – имели общее название – *лъебелал*, а старая часть Белокан, в которой они были расселены, располагалась на правом берегу реки Билкан-ор. Напротив, через реку Билкан-ор, чуть выше по течению, располагалось древнее селение Цалбан, название которого наводит на мысль о возможности аналогии с названием племени сильвов.

С. Сулейманова, ссылаясь на исследования Г. Гейбуллаева, Ю. Юсифова, Н. Марра, Н. Трубецкого и У. Бехерта, приходит к выводу, что лпины и сильвы являлись предками аварцев Алазанской долины[122]. С версией о происхождении аварцев от сильвов и лпинов соглашается отчасти и автор монографии «Джаро-Белоканское джамаатство» Арзу Ашраф кызы[123]. Подводя итог некоторым отсылкам в историческое прошлое, нельзя не согласиться с выводом Г. Гейбуллаева, что «предки современных аварцев – силвы, лубены (лбины) – являлись коренными кавказоязычными племенами Кавказской Албании»[124]. В вопросах локализации этих двух племен исследователи не пришли пока еще к единому мнению, однако принято считать, что лпины жили ниже по течению реки Алазани, а сильвы – в верховьях этой реки. С. Т. Еремян, локализуя лпинов в долине реки Алазани, помещает чилбов (сильвов) к северу от них, вплоть до долины реки Тушетская Алазани[125]. На наш взгляд, лпины в массе своей жили на правом берегу р. Алазани, а сильвы – на западном. Отметим, что вплоть до прихода в Закавказье Российской империи джарские аварцы владели и правым берегом Алазани.

Резюмируя вышеизложенное, сложно согласиться с мнением, согласно которому аварцы являются в Цоре пришлым народом. Более реальным представляется, подтверждаемый историческими данными[126] вывод Р. Магомедова, который указал на имевший место в XVI в. отток аварского населения из Дагестана. Однако «спустившиеся с вершин горцы селились по соседству со старожилами-дагестанцами на

---

[122] *Süleymanova S.Ə.* Albaniyanın şimal-qerb sərhəd bölgəsi Lpiniya-Ereti // AMEA Tarix Institutu Elmi Əsərlər. 20-ci cild. – Bakı, 2007. – S. 59 (на азерб. яз.).
[123] *Arzu Əşrəf qızı.* Указ. раб. – S. 66–68.
[124] *Гейбуллаев Г.А.* Топонимия Азербайджана… – С. 85.
[125] *Еремян С.Т.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки Института востоковедения АН СССР. – М.–Л., 1939. – Т. VII. – С. 137.
[126] *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества… – С. 35.

левой стороне р. Алазани»[127], т. е. цорские аварцы, в основной своей массе – автохтонное население в долине Алазани.

§ 1.3. Этнокультурные процессы в Цоре в XVII–XX вв.

В начале XVII века (1616 г.) большая часть населения Алазанской долины была выселена в Иран войсками иранского шаха Аббаса I[128]. Особенно значительный ущерб понесла столица Кахети – город Загеми, располагавшийся на территории современного Закатальского района АР, недалеко от аварского с. Тала. Загеми являлся административным и торгово-ремесленным центром Кахети в XVI–XVII вв. и одной из резиденций кахетинских царей. Жители Загеми в количестве 3 000 семей были поселены в Мазандеране[129]. Большинство грузинских семей Мазендерана были расселены в Ашрафе, Сари и Фарахабаде. Эти данные исходят от миссионера Пьетро дела Валле, который посетил эту провинцию в феврале 1618 г. Правда, в отличие от грузин Ферейдана, эта часть грузин «быстро потеряла язык, религию и культуру»[130], что, возможно, объясняется тем, что сами они являлись ассимилированными аварцами.

Это население, по донесениям посланца Ватикана Пьетро делла Валле[131] папе Урбану VIII, было представлено «грузинами и черкесами, кои проживали в землях Теймураза I[132], от них (грузин. – *Х. Ш.*) неподалеку и стали уже его вассалами совместно с грузинами, с которыми жили они, породнившись...»[133]. «Черкесы» из Кахети

---

[127] *Магомедов Р.М.* История Дагестана. – Махачкала, 1961. – С. 148.
[128] *Малик Шах-Хусайн Систани*. Хроника воскрешения царей / пер. с персидского, пред., комм. и указатели Л. П. Смирновой. – М., 2000. – С. 392; *Берадзе Г. Г., Смирнова Л. П.* Материалы по истории ирано-грузинских взаимоотношений в начале XVII века (Сведения "Ихйа ал-мулук" о Грузии). – Тбилиси, 1988. – С. 90.
[129] *Bellan Lucien-Louis*. Chah Abbas I. – Paris, 1932. – P. 230.
[130] *Oberling P.* Georgians and Circassians in Iran // Studia Caucasica. – The Hague. 1963. №1. – P. 137.
[131] Жил в Иране в 1617–1629 годах.
[132] Царь Кахети (1606–1648) и Картли (1625–1632).
[133] *Жордания Г., Гамезардашвили З.* Римско-католическая миссия и Грузия. – Тбилиси, 1994. – С. 362–363.

преимущественно оказались расселены в Фарсе[134], где их поселения в 1621 г. проезжал Пьетро дела Валле. В 1627 г. о живущих здесь «черкесах» и грузинах пишет Томас Герберт[135].

Современные грузинские исследователи Г. Жордания и З. Гамезардашвили склонны понимать под «черкесами» кабардинцев[136]. Однако кабардинцы в значительном количестве на территории Грузии, особенно восточной, никогда не жили, да и в состав государства Теймураза не входили. Вместе с тем «Черкасией» и восточные, и европейские авторы в то время всегда называли весь Северный Кавказ с приморским Дагестаном, а черкесами – почти все население Северного Кавказа[137].

Таким образом, возникает необходимость уточнить этническую принадлежность «черкесов», которые оказались выселены из Алазанской долины в Иран. Их участь описывает историограф шаха Аббаса I – Искендер Мунши: «Одна группа племени энисели и группа грузин, которые находились в Загеми и его окрестностях, количеством в две-три тысячи семейств под страхом уничтожения, разорения и пленения согласились на переселение и решили поселиться в Доме безопасности – Мазандаране»[138]. В связи с этим сообщением необходимо сделать акцент на том, что население Загеми и его окрестностей было представлено грузинами и «племенем энисели», под которым, вероятно, подразумеваются аварцы, повергшиеся частичной грузинизации, т. е. потомки лупениев/лпинов и сильвов/чилбов, упоминаемых античными и древнеармянскими авторами в Алазанской долине[139].

Азербайджанский исследователь А. Дибиров предлагает небезынтересную интерпретацию названия «энисели». По его словам, это название на аварском следует читать как «энисел», а переводить – как «живущие на этой стороне [реки]». В этой связи *Энисел* следует рассматривать как «аналог» грузинского названия левобережья Алазани,

---

[134] *Pietro dela Valle*. Travels in Persia // Voyages and Travels / ed. Be John Pinkerton. – London, 1811. – Vol. IX. – P. 100–101.
[135] *Sir Thomas Herbert*. Some years travels into divers parts of Africa and Asia the Great. – London, 1677. – P. 152.
[136] Там же. – С. 389. Прим. 103.
[137] Путешественники об Азербайджане / сост. З. И. Ямпольский, под ред. Э. М. Шахмалиева. – Баку, 1961. Т. I. – С. 379.
[138] Сведения Искандера Мунши о Грузии / перс. текст с груз. пер. и пред. издал В. С. Путуридзе. – Тбилиси, 1969. – С. 109 (на груз. яз.).
[139] Об этом см.: *Хапизов Ш. М.* Поселения Джарского общества… – С. 10–15.

т. е. *Гагма-мхари*[140]. Интересно в данной связи, что в современных эпохе Вахушти Багратиони восточных документах, касающихся Джарского союза, и в исторических хрониках это название фиксируется как «Инисел» (например, в фирмане Османского султана Ахмада III от 26 февраля 1728 г.[141], выданном на имя Джарской «республики») и отождествляется с грузинским поселком Алиабад (Закатальский район) и его окрестностями (развалины Загеми находятся в 7 км от Алиабада).

Возможно, на месте будущего города Загеми в прошлом существовал небольшой населенный пункт, жители которого являлись представителями местных дагестаноязычных племен. Отмечу, что название Загеми И. А. Джавахишвили этимологизирует с помощью дагестанских («лекских») языков: по его предположению, название города восходит к ძოღაძ (*дзигъам*), что означает «кустарник ежевики»[142]. Эта версия в целом поддержана грузинскими историками[143].

Расцвет Загеми – одного из важных центров средневековой городской жизни Алазанской долины – есть заслуга гибкой внешней политики кахетинских царей XVI в., которые смогли избежать опустошительных вражеских нашествий и сделали город своей резиденцией[144]. В ноте грузинского посла конца XVI в. содержится информация о наличии в Загеми торговцев из разных государств и представителей различных национальностей и религиозных общин («жиды», «армене», «бусурмане» и «крестьяне»)[145]. То есть Загеми, как и всякий административный и торговый центр, являлся городом полиэтничным. В отчете послов М. И. Татищева и дьяка А. Иванова в Кахети и Картли (1604–1605 гг.) содержится информация о проживании в Загеми выходцев из горного Дагестана, которые якобы сбежали от русских войск, прибывших в приморский Дагестан («кумыцкие люди, от государевы рати збежав, живут блиско их

---

[140] Хроника войн Джара в XVIII столетии / Комм. Дибирова А. – Махачкала, 2009. – С. 20. прим. 2.

[141] *Сулейманова С.* Археографические документы XVIII–XIX веков из Закатальского историко-краеведческого музея // Известия Академии наук Азербайджана (серия истории, философии и права). – Баку, 1990. №4. – С. 54 (на азерб. яз.).

[142] *Джавахишвили И. А.* Историко-этнологические проблемы Кавказа и Ближнего Востока. – Тбилиси, 1950. – С. 50 (на груз. яз.).

[143] *Чилашвили Л. А.* Города Кахетии (XIV–XVII вв.)… – С. 282.

[144] *Кутелия Т. С.* Грузия и Сефевидский Иран (по данным нумизматики). – Тбилиси, 1979. – С. 14.

[145] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. – М., 1889. Вып. I: 1578–1613 гг. – С. 397.

земли у Загеми; а иные пришли в Загем з женами и з детми»[146]). Помимо Загеми, «кумыцкие люди» осели и в сельской местности на Алазанской равнине, в населенных пунктах, расположенных между городами Греми и Загеми («деревнишки меж Крыму и Базару… отданы кумыцким людем»[147]).

Исходя из объективных географических реалий (с Грузией общую границу из дагестанских народов имеют только аварцы), а также исторических и этнографических данных (см. ниже) можно предположить, что под общедагестанским для русских послов того времени этнонимом «кумыцкие люди» подразумеваются аварцы из горного Дагестана.

Чтобы подтвердить наше предположение, приведем и данные европейских источников, согласно которым Грузия имеет «с севера Кавказские горы и древнюю Албанию, теперь заселенную (черкесами)»[148]. Под черкесами (этноним, под которым нередко подразумевают в общем северокавказцев: в Турции до сих пор всех мухаджиров из Северного Кавказа называют черкесами) европейские источники, возможно, подразумевают, в данном случае, аварцев и шире – дагестанцев, которые проживают к северо-востоку от Восточной Грузии. В таком случае особый интерес представляют сведения делла Валле, который писал: «Многие черкесы еще издавна перешли из Черкесии на жительство в близкую к ней землю Теймураза, стали его вассалами, породнились с грузинами»[149]. В данном случае мы имеем явные аналогии с сообщениями русских послов о переходе на место жительства в Загеми и его окрестности «кумыцких людей».

Под этим этнонимом, на наш взгляд, следует понимать аварцев из общества Джурмут или Томур (у цорских аварцев – *КIумур, Къумур*). В этой связи интересно, что цорские аварцы называют место расположения Загеми *Къумур-Базар*, а выходцев из него, поселившихся в аварских селениях, – кумурцами (*кIумурхьи*) или базарцами

---

[146] Там же. С. 481.
[147] *Полиевктов М. А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640–1643 гг. – Тифлис, 1928. – С. 159.
[148] *Ватейшвили Д. Л.* Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений. XIII–XIX вв. – М., 2003. Т. I. Кн. 2: Грузия и Западная Европа, XIII–XIX вв. – С. 515.
[149] *Ватейшвили Д. Л.* Указ. раб. – С. 50.

(*базархьи*)[150]. Согласно преданиям джарцев, записанным в XIX в. А. Посербским, выходцами из Джурмута в Закатальском округе был образован тухум «Джурмутский», представители которого проживают в различных селениях Алазанской долины[151]. Его представителями, по полевым данным автора[152], являются, к примеру, представители тухума *Къалаял* (авар. – «жители крепости»), предки которых где-то в середине XVII в. переселились в Алазанскую долину, в поселение Кумур-Базар (примечательно в этой связи замечание Н. Г. Чубинашвили, который считает «Базар» и «Кумур-Базар» разными вариантами названия одного поселения[153]), а туда – из Томура (закат. диал. авар. *КIумур*), т. е. верховьев р. Джурмут в Тляратинском районе. По преданиям, после неоднократных нашествий войск Надир-шаха и его брата Ибрагим-хана Кумур-Базар был оставлен джурмутскими аварцами, которые перешли в предгорные, более укрепленные поселения (Джар, Белоканы, Катех и т. д.).

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что опустевшие в результате нашествия шаха Аббаса I земли Цора начали заселяться двумя миграционными потоками, шедшими из Грузии и Дагестана. Граница между аварцами и грузинами к началу XVIII века установилась западнее «Гавазской реки» и по реке Иори, что было зафиксировано в фирмане султана Османской империи Ахмеда III от 1728 года[154]. Миграция аварцев и цахур в Цор в XVII в. имела довольно значительный характер. Одновременно в северную часть левобережья Алазани из Пшави, Картли, Хевсурети, Тушети и других грузинских областей началась крестьянско-дворянская миграция. Видимо, в это время из верховьев реки Иори за Алазани мигрировали пшавы, которые, по преданию (об этом в Кварели рассказывали и автору[155]), заложили селение Кварели, ныне город и административный центр одноименного района. Согласно Н. Г. Волковой, кварельцы, в начале XIX в. жившие в заалазанской Кахети, за несколько веков до этого находились в верховьях реки Иори. В XIX в. эта группа в хозяйственно-культурном отношении полностью слилась с кахетинцами, однако длительное время кварельцы продолжали

---

[150] ПМА. Закатальский район АР. 2.08.2011 г.
[151] *фон-Плотто А.* Указ. соч. – С. 8.
[152] ПМА. Закатальский район АР. 2.08.2011 г.
[153] *Чубинашвили Г. Н.* Архитектура Кахетии (текст). – Тбилиси, 1959. – С. 459. Прим. 5.
[154] *Сулейманова С.* Археографические документы XVIII – XIX веков… – С. 53–54.
[155] ПМА. Кварельский район РГ. 12.08.2011 г.

ездить в Иорское ущелье на поклонение своему святилищу Лашари[156]. Автор XIX в. говорит о возникновении Кварели путем переселения сюда жителей населенного пункта Кориани[157].

Б. Гусейнова пишет, что «сохранились исторические сведения, позволяющие допускать возможность существования мелких аварских населенных пунктов на территории Кварельского и Лагодехского районов Грузии с начала XVIII века. Русские картографы того времени… называли нагорную часть нынешних Кварельского и Лагодехского районов территорией «гагмамхарских» или заалазанских аварцев. Они также фиксировали аварскую топонимию в самой верхней части западного («грузинского») склона Главного Кавказского хребта. Из их работ, на взгляд Б. Гусейновой, можно сделать вывод о существовании в указанной части Главного Кавказского хребта каких-то мест, ранее обжитых аварцами и обозначаемых на картах как «урочища»[158]. Такие поселения аварцев из Гунзиба, по преданиям старожилов[159], располагались в местностях *Гъолоаниб* (груз. *Гъолояни,* от *гъоло* – «разновидность травы»[160]; авар. *ЦIоронутон* – «вблизи холодного родника») и *Чадуниб* (груз. *Чадуниани* – «папоротниковое»; авар. *МахIлакатI*). Уже в конце XIX в. часть гунзибцев осела в местности *Урдалъ*[161], расположенной на северо-западной окраине современного сел. Ахалсопели Кварельского района, на берегу реки Шоро-хеви (Шара-ор[162]).

У анцухцев хутора имелись на очищенных от леса полянах, в верхней части хребтов в ущельях рек Аванис-хеви (Аван-ор) и Шоро-хеви. Об Анцухе русский офицер-разведчик писал в 1844 г.: «Большая часть (более 2/3) сего общества сходит на зиму со своими незавидными стадами на Алазанскую долину, где имеет свои мельницы

---

[156] *Волкова Н. Г.* Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 35; *Читая Г. С.* Грузинская советская этнография за годы послевоенной сталинской пятилетки // Советская этнография. – 1952. – № 3. – С. 181.

[157] *Зедгинидзе Е.* Село Кварели // СМОМПК. – Тифлис, 1893. Вып. 17. – С. 76.

[158] *Гусейнова Б. М.* Расселение авароязычного населения… – С. 25.

[159] ПМА. Кизилюртовский район РД. 23.03.2006 г.

[160] *Иванишвили Х. Г.* Из топонимии аварцев Кахетии // Дагестанская ономастика (материалы и исследования). – Махачкала, 1991. – С. 45.

[161] *Ризаханова М. Ш.* Гунзибцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2001. – С. 45.

[162] Название реки Шара-ор (Шорохи, Шоро-хеви), как и Сараора, главной реки в Анцухском ущелье Дагестана, происходит от названия «лисы» в анцухском диалекте, которое, как считает Ш. Микаилов, имеет два варианта: *сер* и *шер*, тогда как в литературном аварском – *цер* [*Микаилов Ш. И.* Очерки аварской диалектологии. – М., Л., 1959. – С. 123].

на ручье Шорохеви, над которой есть небольшая площадка в лесу с кочевыми шалашами, называемая Хазал адатль»[163]. По преданиям[164], туда переселились несколько семей из села *Гьело* в Гунзибской общине, после того как их селение было сожжено *ихъал* (тушинами), чей отряд был собран по всей Тушети. Туда же они увели уцелевшую часть населения *Гьело.* В момент нападения 3 большие семьи жили выше селения на летнем хуторе. Их потомство со временем осело в Ареши, в 1944 г. выселено в Чечню на место сосланных в Среднюю Азию и Казахстан чеченцев, а позднее, после возвращения чеченцев из мест высылки в 1957 г., вернулось в сел. Тхилисцкаро. Таким образом, если исходить из преданий гунзибских аварцев, в начале XVIII века их предки осели в двух поселениях на горных хребтах, спускающихся к Алазанской долине, а столетием позднее – в XIX веке – обосновались в Ареши.

Однако, в отличие от той части Алазанской долины, которая вошла в состав Азербайджана и где аварское население проживало оседло, в современной грузинской ее части аварское население было представлено в массе своей общинами, которые 8–9 месяцев в году жили в приалазанских селениях, а 3–4 месяца – в горных селениях на территории Дагестана. В горы обычно приезжали весной, засевали поля, снимали урожай и к осени, к первым снегам спускались в свои равнинные селения. Однако и в данном случае перекочевка не была полной, в обоих случаях был постоянно живущий на равнине или в горах значительный контингент населения. При этом селения, которые были расположены в долине Алазани, население воспринимало как свои хутора, а горные селения – как метрополии[165].

Образование этих населенных пунктов на левобережье Алазани, по мнению представителя руководства ДАССР Г. Мадиева, нужно отнести к «далекому прошлому, когда и Прикаспийская низменность ДАССР, и левобережная часть реки Алазани не были заняты постоянным населением. Неблагоустроенность в прошлом этих мест, жаркий болотный климат, комары, малярия не благоприятствовали образованию поселений. К тому же левобережная часть реки Алазани долгое время была ареной борьбы между народами Закавказья и племенами Дагестана, почему долго оставалась

---

[163] *Мочульский*. Указ. раб. – Л. 172.
[164] ПМА. Кварельский район РГ. 12.08.2011 г.
[165] ПМА. Кварельский район РГ. 13.08.2011 г.

незаселенной. Но отдельные смельчаки-горцы, скотоводы проникали сюда, главным образом в лесные районы и, захватив лучшие места, устраивали вначале «кутаны», а в периоды длительных перемирий и казмаляры (хутора – прим. Ш. Х.). Захваченные земли, очищенные от леса полянки для посева, устройство казмы (времянки – прим. Ш. Х.) составляли собственность захватчика. Причина выхода с гор на плоскость была, как и теперь, одна: недостаток кормов в зимний период в горах. Точных данных о времени возникновения казмаляров населения Бежтинского, Тляратинского и Шубахского с/советов Тляратинского района ДАССР в Кварельском районе Грузии нет. По преданию, народность аварского племени капучины считает территорию левобережной части реки Алазани своей»[166]. Однако такая система хозяйствования была нарушена с приходом Российской империи в Закавказье и началом войны с имаматом, этническую основу которого составляли аварцы и чеченцы.

Естественно, народ, который поставлял большинство представителей руководства и военного контингента, воюющего с империей имамата, особым расположением у нее не пользовался. Соответственно аварцы, воспринимавшиеся в Закавказье как минимум в качестве неблагонадежного элемента, начали испытывать на себе мощный прессинг госаппарата. Обернулся он в данном случае лишением большинства сельскохозяйственных угодий, которые начали присваивать в первую очередь представители грузинской аристократии, для которых прежде сдерживающим моментом являлось наличие сильного и организованного военного аппарата у аварцев, обычно управляемого нуцалом (наиболее яркой личностью из их числа можно назвать Умахана Великого, жившего в конце XVIII в.). В течение всего XIX века проводилась политика постепенного изъятия земель у аварцев и присвоение их большей частью офицерами царской армии. К примеру, были отобраны земли горных аварских обществ, использовавшиеся ими в качестве зимних пастбищ: у «капучинцев» – «местность выше кордонной линии от Аванис-хеви до реки Картубань»; у тлебельцев – «от Картубань до Мацимис-хеви», у Анцуха – «от Аванис-хеви до Леляшского поста и несколько десятин земли на левом берегу Аванис-хеви близ самого села Старый Гавази до Чапарского

---

[166] *Мадиев Г.* О назначении представителя ЦИК СССР в паритетную комиссию по рассмотрению вопроса об административном обслуживании жителей ДАССР в казмалярах Хочар-Хута, Инзеба, Находа, Келаки, Горбутль, Капучи, Тиви и Тебельджохи. 16 май 1933 г. // ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 21. Д. 28. Л. 118–120 (об).

поста»[167]. Такая политика проводилась и далее, с прицелом на земли, занятые самими поселениями, что вызвало протест со стороны аварских общин и обращения в официальные органы. Поверенные от обществ западного Дагестана к губернатору Дагестанской области писали следующее: «Земли, которые хотели отнять от нас, с давних времен находились и находятся в нашем пользовании. Еще до покорения Дагестана, при грузинских царях, мы имели на них селения, мечеть, многие предки похоронены там, чему могут свидетельствовать могилы их»[168]. Указываются и эти селения. Так, выше села Гавази при речке «Шорт-хеви» располагалось село Сипиани из «80 дымов и 4 мельниц». Далее Тебелджохи – из 50 дворов, Ареши – 31 двор, Бежаньяны, Тиви, Картубан и т. д.[169]

Для разрешения этого вопроса местные власти создали комиссию. По ее данным, жители аварских обществ Дидо, Анцух и Капуча имели здесь с давних пор свои стационарные поселения с определенным количеством постоянных жителей[170]. Однако проводимая политика не изменилась. По данным 1840-х годов, «в версте от Бежаньян (ныне сел. Ахалсопели), по дороге в укр. Кортубан, находится поселение капучинцев, анцухцев и джурмутцев, живущих в ауле, который обнесен палисадом. Их тут до 250 семейств»[171]. Этот «аул» «Бежаньяны» (на окраине современного села Ахалсопели) был создан в стратегических целях, по инициативе командования Лезгинской кордонной линии в 1848 г. Изначально здесь были поселены бежтинцы[172]. Но в начале 1850-х годов, чтобы освободить земли для вновь созданного села Ахалсопели, их переселили в другие селения, в том числе и в Ареши.

На «новых» землях начали возникать грузинские, осетинские и русские поселения. В частности таким регионом стал Лагодехский район, жители которого все без исключения являются потомками мигрантов не более чем 130-летней давности. Только за первые 10 лет XX века здесь образовались 11 поселений с общей численностью к

---

[167] ЦИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 250. Л. 13.
[168] Там же; ЦИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 260. Л. 8.
[169] ЦИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 208. Л. 49.
[170] Там же.
[171] Лезгинская кордонная линия // Справочный энциклопедический словарь. – СПб., 1853. Т. VII. – С. 126.
[172] *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. – Тифлис, 1888. – С. 196.

1909 г. 4 330 жителей[173]. Это шесть осетинских селений (1 810 человек), 3 русских (Графское, Дашковское и Илларионовка – 743 человека) и 2 грузинских (Баисубани и Кавшири – 1 780 человек), жители которых переселились из Имерети (Западная Грузия). Современный райцентр Лагодехи являлся на тот момент небольшим населенным пунктом, в котором проживало 339 человек, в основном русских. Большинство грузинского населения Лагодехского района является по происхождению выходцами из Имерети. Кроме имеретинских грузин в районе живут также рачинцы (в селе Рачисубани и других н. п.), кизикские, кахетинские и джавахетские грузины. Как пишет Н. Г. Волкова, из нижней Рачи (например, села Урави) до революции жители уходили в Кахети, на купленные у князей земли[174]. Всего на территории Лагодехского района на 1909 г. в 21 населенном пункте проживало 7 947 человек, из которых 1 949 – русских, 2 028 – осетин, 2 660 – имеретин, 870 – грузин (одно селение Шрома) и 440 – мусульман – аварцев, живущих в Кабали, но записанных, как обычно, «татарами»[175]. Таким образом, вплоть до конца XIX века, не считая хуторов белоканских и горных аварцев, других населенных пунктов в этом микрорегионе не имелось.

До конца войны с имамом Шамилем левобережье Алазани было малонаселенным, а самым крайним восточным грузинским населенным пунктом являлось селение Гавази. К примеру, в конце XVIII века на территории современного Кварельского района располагалось лишь 9 грузинских селений, которые, в свою очередь, находились в определенной форме зависимости от аварских общин. Как отмечал И. И. Норденстам, «деревни Сабуй, Шильда, Алмати и ещё 2 селения (Греми и Энисели) платили капучинцам..., а деревни Кварели, Гавази, Чикани и Кочетани платили подати анцухцам»[176]. Имевшиеся населенные пункты также переживали демографический кризис из-за постоянных стычек с горцами. К 1802 году относится сообщение, что «деревни Гавази и Дчикаани по причине неприятельских нападений живут в одном селении. Дворов в нем 150»[177].

---

[173] Кавказский календарь на 1910 г. – Тифлис, 1909. Ч. I. – С. 510.
[174] *Волкова Н. Г.* Этнические процессы в Грузинской ССР… – С. 11.
[175] Там же.
[176] *Норденстам И. И.* Описание Анкратля. 1832 г. // ИГЭД. – С. 323.
[177] АКАК. – Тифлис, 1869. – С. 207.

В XIX в., как и прежде, основным регионом проживания аварцев Цора являлись два государственных образования в юго-восточной части Алазанской долины. По данным источника XIX в., население Джарской «республики» и Елисуйского султанства состояло в этническом плане из «трех разнообразных частей: джаров, мугалов и ингилаев. Джары... владея некогда страною, красивы, богаты и хорошо вооружены, отличаются умом, отвагою, гордостью, доходящей до раздражительности; нравы их по преимуществу военные; ведя непрестанную войну с грузинами, они умели успехами своего оружия сохранить независимость и внушить уважение соседям. Мугалы (большей частью этнические тюрки – *Х. Ш.*), прежние данники джаров, большей частью мусульмане, выселившиеся или по страсти к приключениям и хищничеству, или уклоняясь от преследований правосудия. Ингилаи (грузины. – *Х. Ш.*)… образовались из военнопленных и переметчиков, давно подчиненных джарам»[178].

После вхождения Джарской республики в состав Российской империи здесь началось постепенное эволюционное изменение сословно-поземельных отношений. Эти изменения включали в себя и борьбу за усадебные земли (кешкели), обусловленную тем, что, «во-первых, кешкелевладельцами были авары, а кешкеледержателями – ингилойи и мугалы; во-вторых, что внутри самих аваров давно уже шла классовая дифференциация, в результате чего основная часть кешкелей сосредотачивалась в руках аварской тохумной (родовой) аристократии и частью у средней прослойки, заинтересованных в сохранении института кешкель; в-третьих, что среди ингилойев и мугал образовалась небольшая привилегированная группа, связанная с кешкелевладельцами – аварами»[179].

---

[178] *М-цев М.* О джарджах и лезгинских племенах на Кавказе. – СПб., 1858. – С. 4.
[179] *Алескеров, Ю. Ю.* Очерк социально-экономических отношений в Закатальском округе в XIX в. (до 1870 г.): Автореф. дис. … кандидата исторических наук. – М., 1953. – С. 10.

§ 1.4. Демографические и языковые процессы в Цоре (XX–XXI в.)

К периоду завоевания территории Восточного Закавказья Российской империей на территории современного Азербайджана жило около 520 тысяч человек, в том числе в Джарской республике и входившем в ее состав Елисуйском султанстве – 47 тысяч жителей (35 в Джаре и 12 в Елису)[180], то есть около 9% общего населения, жившего на территории современного Азербайджана на рубеже XVIII–XIX вв. Из 47 тысяч жителей, по данным 1826 г., «коренные магометане, составляющие 2/3 народонаселения во владениях Чарских… суть лезгины»[181], то есть численность аварцев составляла около 32 тысяч, или 6% населения территории современного Азербайджана.

К 1908 г. численность аварцев, по официальным данным, на Кавказе достигла 234 тысяч человек, в т. ч. в Закатальском округе – 47 тысяч человек[182]. После вхождения в 1920 г. Закатальского округа в состав АзССР численность аварцев «снизилась» более чем в два раза. Исследователи отмечают явное несоответствие официальных данных переписи 1926 г. реальным цифрам. А. Р. Махмудов пишет, что «статистика аварцев в Закатальском и Белоканском районах весьма неточна. Очень неточны, в частности, материалы переписи 1926 г.»[183]. По его утверждению, большинство аварцев записано азербайджанцами, что, впрочем, происходило и с другими автохтонными народами Азербайджанской ССР, исповедовавшими ислам.

Эта практика наблюдалась и позднее, что породило несоответствие между официальными данными переписей Азербайджана и реальной численностью народа. Если по официальным данным численность аварцев составляет около 50 тысяч человек, то по подсчетам исследователей численность знающих аварский язык и имеющих

---

[180] *Велили (Бахарлы) Мамедгасан*. Этнография Азербайджана // Азербайджан и азербайджанцы в мире. – Баку, 2009. – №2. – С. 11.

[181] *Коцебу М. А*. Сведения о джарских владениях. 1826 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева (ИГЭД). – М., 1958. – С. 263.

[182] Кавказский календарь на 1910 г. – Тифлис, 1909. Ч. I. – С. 548.

[183] *Махмудов А. Р.* Краткий грамматический очерк закатальского диалекта (фонетика, морфология, тексты с комментариями) // Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 56. – С. 4.

аварское самосознание в АР на данный момент составляет около 160–170 тысяч человек[184].

К примеру, в 2005 г., по официальным данным районного статкомитета, аварцы составляли 35% населения Белоканского района, а азербайджанцы – 63%[185]. В то же время, по данным переписей 1999 г. и 2009 г., аварцев – 29 и 28% соответственно. Более того, данные, полученные с мест, по неофициальным источникам, говорят о том, что аварцев в районе – более 70% населения[186].

Обратимся к вопросу национального состава и динамики его по отдельным населенным пунктам Цора. В разбивке по селениям и муниципалитетам картина будет выглядеть следующим образом. Согласно последним изменениям, внесенным в закон о территориях и землях баладиятов, принятым 29 мая 2009 года[187], в трех районах Азербайджана, на территории которых исторически проживали аварцы, имеются 71 баладият или муниципалитет (Белоканский – 22, Кахский – 20 и Закатальский – 29) и 181 населенный пункт (Белоканский – 59, Закатальский – 63 и Кахский – 59).

В Белоканском районе наиболее крупным по численности населения является, конечно, город Белоканы (авар. – *Билкан*). Исследователи (к примеру, В. Г. Гаджиев) отмечают, что «Белоканы – традиционно крупное аварское селение, один из центров независимой могущественной Джаро-Белоканской республики; ныне город в Азербайджане»[188]. Город Белоканы получил статус поселка городского типа в 1954 году, а в 1968 году он стал уже городом. Все дореволюционные источники указывают в Белоканах только аварское население. К примеру, по данным посемейных списков населения, составленных в 1886 г. царской администрацией на Кавказе, население

---

[184] *Алексеев М., Казенин К., Сулейманов М.* Дагестанские народы Азербайджана. М., 2006. С. 31; *Айтберов Т. М.* Закавказские аварцы // Народы Дагестана. – Махачкала, 2002. – №1. – С. 19; *Гусейнова Б. М.* Расселение дагестаноязычных и других народов… – С. 3–4.

[185] *Clifton J.M., Tiessen C., Deckinga G., Mak J., Lucht L.* The sociolinguistic situation of the avar of Azerbaijan. – P. 5

[186] *Саидова П. А.* Чарско-белоканские говоры аварского языка. – Махачкала, 1976. – С. 4 // Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 393. – С. 39; *Гусейнова Б. М.* Расселение дагестаноязычных и других народов… – С. 4;

[187] Закон АР, принятый 29 мая 2009 г. под номером №827-IIIQ (AR 29 may 2009-cu il tarixli, 827-IIIQ nömrəli Qanunu ilə təsdiq edilmişdir).

[188] *Хайдарбек Геничутлинский*. Историко-биографические и исторические очерки / пер. с араб. Айтберова Т. М., вступ. и комм. Гаджиева В. Г. – Махачкала, 1992. – С. 127.

Белокан составляло 7 019 человек, все аварцы[189]. Однако уже в Азербайджанской ССР большинство аварцев оказалось записано азербайджанцами. Так, например, по данным всесоюзной переписи 1926 г., в Белоканах жили 9 524 человека. Национальный состав указан следующий: «тюрок» – 7 873 человека, «авар» – 1 503 и армян – 9[190]. В дальнейшем такая тенденция только усилилась – по официальным данным районного статкомитета, в 1999 г. аварцы составляют только 14% населения города, а азербайджанцы – 85%[191]. В то же время наши полевые данные и опрос жителей города говорят о том, что до начала 1970-х годов азербайджанцев в Белоканах было менее 5%, и представлены они были в значительной степени прикомандированными из других районов чиновниками и членами их семей[192]. По приуменьшенным данным последнего времени, в городе аварцы составляют 35–40% населения[193], хотя, по нашим сведениям, их доля в населении города доходит до 65–70%.

Вторым по численности населения в районе является Катихский муниципалитет, включающий селения Катих и Берет-росу. Катих является древним селением. Впервые Катих упоминается в грамоте католикоса Грузии Мелкиседека от 1020 г.[194], хотя наверняка история его насчитывает не менее полутора тысяч лет. До включения Цора в состав Российской империи Катих являлся одной из шести аварских вольных общин в Алазанской долине[195]. Как и в случае с Белоканами, Катих в дореволюционных источниках упоминается как исключительно аварский населенный пункт, а уже с образованием АзССР в нем «появляется» азербайджанское большинство населения. В 1886 г. в Катихе жили 2 457 человек, все аварцы, а в соседнем населенном пункте Карахажиял, который позднее вошел в состав Катиха, – 414 человек, также все

---

[189] Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. – Тифлис, 1893. Отд. VIII. – С. 1–2.
[190] Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г. АзЦСУ // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. № 482.
[191] *Clifton J.M., Tiessen C., Deckinga G., Mak J., Lucht L.* Указ. раб. – P. 5.
[192] ПМА. Белоканский район АР. 04.08.2011 г.
[193] *Гусейнова Б. М.* Расселение дагестаноязычных и других народов… – С. 47.
[194] Грузинские документы IX–XV вв. … – С. 16; *Какабадзе С. С.* Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. – М., 1967. – С. 329–330.
[195] *Mustafazadə T. T.* Son orta əsrlərdə Azərbaycanın Şəki-Zaqatala bölgəsində sosial-iqtisadi və siyasi münasibətlərin səciyyəvi xüsusiyyətləri // AMEA Tarix Institutu Elmi Əsərlər. 20-ci cild. – Bakı, 2007. – S. 19 (на азерб. яз.).

аварцы[196]. По данным «азербайджанской» переписи 1926 г., в Катихе жили 588 семей, из которых аварскими являлись 310, «тюркскими» – 274 (плюс 1 семья «кумыков» или, точнее, кумухских лакцев, поскольку кумыков в селении никогда не было)[197]. По переписи 1999 г. в селении 70% населения представлено азербайджанцами, 28% – аварцами и 2% – другими национальностями. Однако все исследователи подчеркивают, что в селении главным образом проживают аварцы[198]. По данным лингвиста Г. Ибрагимова, побывавшего в селении летом 2006 года, 82% населения Катиха составляют аварцы, 15% – азербайджанцы и 3% – цахуры. По его словам, «цахурские семьи, можно сказать, на 70–80 процентов смешались с аварскими семьями, весьма высок процент межэтнических браков, молодежь в основном общается на аварском языке… А так в селе доминирующим остается аварский язык»[199]. По нашим полевым данным, 92% населения Катиха представлено аварцами, 6% – азербайджанцы, прибывшие из Грузии, Шекинского и других районов АР, и 2% – цахуры, рутульцы и лезгины, приехавшие для работы на Катихском лесокомбинате в 1940–50-е годы[200].

Приблизительно сходная с Катихом этническая ситуация наблюдается и в муниципалитетах Кортала и Пуштатала (в общем около 5,5 тысячи населения), населенные пункты которых образованы за счет роста населения бывших катихских хуторов. При этом Пуштатала, Пучакара и Малачил-росу – чисто аварские селения, а в селениях Кортала, Горахажиял, Карал-али, Лачинтала, Нуциб и Кодочиб есть незначительное количество азербайджанского населения, которое начало прибывать сюда в 1940-х годах из Шеки[201].

В скоплении населенных пунктов, известном как Кабахчолибская зона, сконцентрировано около трети населения Белоканского района. Зона включает в себя следующие муниципалитеты: Кабахчолиб, Кехросу, Рохоб, Умалиб, Шарип, Шамбул, Халатала и Мачабхим. В начале 2000-х годов население Кабахчолибской зоны

---

[196] Свод статистических данных о населении Закавказского края… – С. 1, 2, 38.
[197] Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г.
[198] *Гюль К. К., Гулиев А. Н., Надиров А. А*. Азербайджан. – М., 1971. – С. 201; *Paşayeva M*. Avar xalqının etnik tarixindən // Millı Folklor. 2008. Y. 20. – S. 80, 65 (на азерб. яз.); *Саидова П. А*. Диалектологический словарь аварского языка. – М., 2008. – С. 27.
[199] *Ибрагимов Г., Ибрагимова Я.* Катех // Газета «Нур». – Махачкала, 25.08.2006 г.
[200] ПМА. Белоканский район АР. 05.08.2011 г.
[201] ПМА. Белоканский район АР. 06.08.2011 г.

составляло 30 тысяч человек, из которых, по официальным данным, аварцев – 92%[202]. Численность населения зоны варьируется от 23 (по официальным данным) до 35 тысяч человек. К примеру, согласно справочнику «Кабахчол и кабахчолцы», население здесь превышает 30 тысяч человек[203], а в цахурской газете «Нур» авторы репортажа из Белоканского района пишут, что «по численности населения село Кабахчол превосходит город Белоканы: население Кабахчола превышает 25 тысяч человек, все аварцы»[204]. В 1886 году население Кабахчолиба составляло 2 757 человек, все аварцы[205]. По данным переписи 1926 г., здесь жило уже 5 653 человек. Из них аварцев – 5 535 человек, «тюрок» – 63 человека и армян – 20 человек[206].

Предметом интереса группы американских лингвистов стала ситуация в Кабахчолибской зоне. Судя по результатам их исследования, аварский является главным языком общения дома и в обществе для 97% аварцев, дети дошкольного периода этой группы знают только аварский язык. В 3% семей ситуация аналогичная, за исключением того, что они также разговаривают и на азербайджанском языке на работе и на улице, а дети этой группы наряду с аварским знают и азербайджанский язык[207]. Согласно нашим полевым данным, аварцы составляют немногим более 97% населения Кабахчолибской зоны. Азербайджанцы из Гейнукской зоны Шекинского района (поселились в конце 1940 – начале 1950-х годов в муниципалитете Мачабхим) и Грузии (в конце 1980 – начале 1990-х годов в остальных муниципалитетах) составляют менее 3% населения[208].

В крупных пригородных муниципалитетах Толиб и Тулуял большинство населения составляют аварцы, перешедшие на азербайджанский язык. Кроме них здесь поселились азербайджанцы из Грузии. Наряду с государственной политикой это было основной причиной перехода аварского населения на азербайджанский язык общения вне дома. Сейчас аварский язык в этих селениях знает главным образом старшее поколение, в то время как большая часть молодежи и среднего поколения разговаривает на

---

[202] *Clifton J. M., Tiessen C., Deckinga G., Mak J., Lucht L.* Указ. раб. – P. 5.
[203] Qabaqçöl və qabaqçöllülər / Ə.O. Hüseynovun ümumi redaktəsi ilə. I hissə. – Bakı, 2002. – S. 11 (на азерб. яз.).
[204] *Ибрагимов Г., Ибрагимова Я.* Белоканы // Газета «Нур». – Махачкала, 15.09.2006 г.
[205] Свод статистических данных о населении Закавказского края… – С. 1, 2, 37.
[206] Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г.
[207] *Clifton J. M., Tiessen C., Deckinga G., Mak J., Lucht L.* Указ. раб. – P. 12.
[208] ПМА. Белоканский район АР. 04.08.2011 г.

азербайджанском языке. Аварский язык в этих селениях стал языком преимущественно домашнего общения. К примеру, крупное (515 хозяйств) аварское селение *ХIетовал* (авар. «Хетовы»: *ХIетов* – аварское мужское имя, означающее в переводе «рыжий» или «блондин») постепенно стало аваро-азербайджанским, хотя большинство здесь составляют аварцы[209]. Основали селение на рубеже XIX–XX вв. представители тухума (рода) Хетовал, которые при паспортизации были переделаны на азербайджанский лад – в Сарыевых (азерб. *сары* – «желтый», «рыжий»). Селение Тулуял основали в XIX веке переселенцы из селения Тала Закатальского района. Первоначально это был квартал на нижней окраине Белокан, выросший постепенно до размеров крупного поселения, в которое сейчас входит 886 хозяйств[210].

Несколько отличается ситуация в муниципалитетах Колоб, Ханапи и Поштбина, в которых аварцы, разговаривающие на родном языке, составляют большинство. Как писала в 1970-х годах лингвист П. Саидова, «в поселках, близких к райцентру», в частности в Колобе и Ханапи, живут аварцы, в большинстве своем записанные азербайджанцами[211]. В первом много аварцев, переселивших в 1930–1940-х годах из Грузии, а во втором и Поштбина – из Дагестана. В селении Колоб, насчитывающем 6 тысяч жителей, потомки грузинских аварцев составляют до 25% населения. К примеру, к ним относятся представители фамилий Сарамановы, Теллиевы, Гойляровы (все три по 4% жителей села) и т. д. Значительная часть жителей села – до 30% – является представителями тухума *ЧIурмутIал*, которые в XVI–XVII вв. переселились из села Журмут (ныне селение Чорода Тляратинского района). К ним относятся Эмчиевы, Новрузовы (по 3%), Насибовы (2,5%) и представители других фамилий[212]. Территория современного селения Колоб до переезда грузинских аварцев была занята преимущественно садами билканцев. Коренными в Колобе считаются древние билканские тухумы *Алгъаял* (около 5% жителей села), *ХIалажал* (до 3%), *Гъараял*, *Калтаял* (по 2,5%), *НастIакIалал* (3%) и т. д. Наряду с ними есть и относительно

---

[209] *Пашаева М.* Указ. раб. – С. 65; *Гусейнова Б. М.* Расселение дагестаноязычных и других народов… – С. 47.
[210] ПМА. Белоканский район АР. 03.08.2011 г.
[211] *Саидова П. А.* Чарско-белоканские говоры… – С. 39.
[212] *Дибиров Д.-ХI.* МагIарулалъул къисмат // Газета «ХIакъикъат». – МахIачхъала, 21.03.1986 г. (на авар. яз.).

крупные фамилии азербайджанцев – Эмралиевы (1%), Бехрамовы (1%), Ибадовы (1,5%), являющиеся в большинстве своем выходцами из Шекинского района. С конца 1980-х годов в селение активно переселяются азербайджанцы из Грузии. В целом азербайджанцы составляют около 15% жителей Колоба. В селении Ханапи азербайджанцы составляют немногим более 10% жителей села. До 20% жителей села являются потомками аварцев из Дагестана, а 2/3 – коренные, т. е. цорские аварцы. Наряду с этим стоит отметить довольно сильную языковую ассимиляцию аварцев в этих двух муниципалитетах. Азербайджанский язык на улицах этих селений можно услышать так же часто, как и аварский. Исключение составляет только муниципалитет Рочахмад, упраздненный 29 мая 2009 года и присоединенный к муниципалитету Ханапи. В этом небольшом муниципалитете (около 400 жителей) аварцы составляют почти 100% населения, соответственно лучше и положение с сохранностью родного языка[213].

В муниципалитетах Махамал-росу и Гарагиб ситуация с использованием родного языка намного отличается – более 95% населения в них составляют аварцы, соответственно и на улицах он занимает доминирующее положение. Селение Мазумкара, разоренное в 1740-х годах войсками Надир-шаха, снова было заселено лишь через полтора века после разорения, в 1880–90-х годах. В нем все жители – аварцы. В муниципалитете Кациб, который образован из двух бывших хуторов Махамал-росу (Кациб и Каражазух) в начале XX века, в конце 1980 – начале 1990-х годов наблюдался наплыв азербайджанцев из Грузии. Часть из них уехала в дальнейшем в Баку и другие регионы, но большая часть осталась, образуя около 11% населения муниципалитета.

По всем имеющимся данным, вплоть до 1863 г., когда было образовано селение Оциязух (Ититала) путем переселения 50 семей из села Алиабад Закатальского района, на территории Белоканского района жили только аварцы. Переселение грузин на территорию Белоканского района было организовано уроженцем Алиабада Иби-кевха по предварительному предложению, сделанному ему представителями джарского тухума Оциял (авар. «Быковы»)[214].

---

[213] ПМА. Белоканский район АР. 03.08.2011 г.
[214] ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 11–19.

Единственный муниципалитет, в котором азербайджанцы не только по самосознанию, но и по происхождению составляют большинство – это селение Рогноб (авар. *Рогьноб*), или по-азербайджански Казма. По нашим полевым данным, в данном муниципалитете аварцы (частично ассимилированные в языковом отношении) составляют 40–45%, а азербайджанцы – 55–60%. По официальным же данным, в Рогнобе азербайджанцы составляют более 90% населения. Однако эти данные опровергаются происхождением конкретных родственных групп – тухумов, из которых состоит население Рогноба. Из Хетовал только носящих фамилию Сарыевы в муниципалитете Рогноб более 250 человек – около 4% жителей. Чтобы доказать аварское происхождение Сарыевых, достаточно привести характерные для них имена: Муса сын Чеэрова (авар. «черный») 1936 г. р.; Умархаджи сын Исмаила 1938 г. р., Яци (авар. «сестра») дочь Алисултана 1940 г. р.; Муминат дочь Абдуллы 1934 г.р.; Марьям дочь Муртазали 1930 г. р.; Месед (авар. – «золото») дочь Муртузали и т. д. Столько же живет в Рогнобе и представителей фамилии Шиндиевых, для которых характерны аварские имена *ЦIетIай* (авар. «голубоглазая»), *Берцинай* (авар. «красивая»), *КъурамахIама*, *ХIетов* (авар. «рыжий») и т. д. Около 3% населения Рогноба являются представителями фамилии *Гьукъалал* (авар. «укальцы»; Укал – аварское селение в Тляратинском районе). Около 2% *Эменал* (от авар. *эмен* – «отец»: потомки *ТIинова* (авар. «младший»)). Также живут в Рогнобе *Къебедал* (авар. «кузнецы») – 1,5%, *Кандаевы* – 1,5%, *ЦIогьорал* (авар. «грабители») – 1%, *Хьанлал* (от авар. *хьванал* – «бежтинцы») – 2,5% (потомки Ханла-хаджи, старший в роду – Паша сын Ахмадилава, 1936 г. р.)[215].

В Закатальском районе есть муниципалитеты, в которых и по официальным, и по реальным данным почти все (95–100%) жители являются аварцами, и основной язык и дома, и на улице – аварский. Это муниципалитеты Джар (около 5 тысяч жителей в селениях Джар, Тлебел-уба, Цилбан, Ахвах-дара), Динчи (более 7 тысяч жителей в селении Динчи), Макав (5 тысяч жителей в селениях Макав, Пашан, Гоабтала, Вохрабтала, Нухбик, Абаали), Эхеди Чардах (2,3 тысячи человек в селении Эхеди Чардах), Бехе Чардах (1,5 тысячи жителей в селениях Бехе Чардах и Халатолиб, в последнем хуторе много азербайджанцев и цахур), Мацих (2,2 тысячи жителей в

[215] ПМА. Белоканский район АР. 03.08.2011 г.

селениях Мацих, Кебец, Жагнаб, Берет-росу), Халабтала (700 жителей в селении Халабтала).

Вместе с тем аварцы составляют около 90% в муниципалитетах Эхеди Тала (8 тысяч жителей в селениях Эхеди Тала, Чимчар (37 семей цахур), Чудулоб и Лагадух) и Гугам (4,2 тысячи жителей в селениях Гугам, Чукак, Дартуказ и Сумали, в последнем много азербайджанцев). Соответственно аварский язык является главным языком внутрисельского общения, однако, по официальным данным, большинство населения здесь составляют азербайджанцы. Почти такая же ситуация и в муниципалитете Битди Тала (2,2 тысячи жителей в 7 селениях, из которых более 70% – аварцы), с той, однако, разницей, что процесс ассимиляции в языковом отношении здесь зашел дальше[216].

Аварцы, правда, ассимилированные в языковом отношении и в плане самосознания, составляют не менее половины и в муниципалитетах Бехе Тала (6,5 тысячи жителей), Мухах (7,5 тысячи жителей), Загам (0,8 тысячи жителей). В многонациональном поселке Аракиб (около 600 жителей) аварцы составляют более 40% населения. Наряду с ними живут турки-месхетинцы (до 20%), цахуры (до 20%), азербайджанцы (менее 10%), иранцы, терекемейцы, русские и другие этнические группы. Такой же многонациональный состав населения характерен и для поселка Чайдиб (около 800 жителей), который расположен на западной окраине города Закатала. Правда, здесь доля азербайджанцев и цахур в структуре населения выше, а аварцев – ниже, чем в Аракибе.

Около 20% населения аварцы составляли в советские времена в селении Кандах (1,6 тысячи жителей), правда, сейчас доля аварцев упала здесь почти до 10%. До 10% населения они составляют и в муниципалитете Щобдакули (селения Щобдакули, Кумур, Базар). По 2–5% аварцев – в остальных равнинных селениях. Во всех них аварцы в большинстве своем являются потомками переселенцев из Дагестана.

Грузины-мусульмане составляют по 95% населения в селениях Алиабад (9 тысяч жителей), Мосул (3 тысячи жителей) и Инхиан (1,3 тысячи жителей). Правда, в последнем главным языком внутрисельского общения является азербайджанский, а функции грузинского ограничиваются внутрисемейным общением менее половины хозяйств.

---

[216] ПМА. Закатальский район АР. 06.08.2011 г.

Более 95% населения азербайджанцы составляют только в селениях Муганлы (2,5 тысячи жителей) и Фалдарлы (1,8 тысячи жителей). В муниципалитете Верхиан (4,4 тысячи жителей в селениях Верхиан и Курдамир), а также в селении Легвиан (другое название – Капанакчи, 1 тысяча жителей), азербайджанцы также составляют около 95% жителей, однако в обоих селениях большинство – это ассимилированные в начале XX века грузины.

Цахурскими (более 90% жителей) можно назвать муниципалитеты Сувагил (4,6 тыс. жителей в селении Сувагил), Гудбарах (1,9 тыс. жителей в селении Гудбарах), Мамрух (2,2 тыс. жителей в селениях Мамрух, Джимджимах и Аласкар: во всех трех селениях есть аварские тухумы, а в Джимджимахе главным языком является азербайджанский) и Битдиб (другое название – Али-Байрамлы; 2,8 тыс. жителей в селениях Битдиб, Калал, Каркай и Азгил, в последнем, правда, главным языком является азербайджанский).

Половину населения цахуры составляют в муниципалитете Лагич, в котором проживает около 2 тысяч жителей. В том числе 1,7 тыс. жителей живут в сел. Лагич, в котором цахуры составляют около 30% и около 300 человек в сел. Сабунчи, которое является чисто цахурским населенным пунктом. До 1/3 населения цахуры составляют в Мухахе, Загаме и Чайдибе. Около 20% их в Халатолиб и Аракиб. Около 10% цахур в муниципалитете Щобдакули. До 5% (ассимилированные аварцами или азербайджанцами) – в муниципалитетах Эхеди Тала, Бехе Тала, Битди Тала, Гугам. В городе Закаталы с 20-тысячным населением аварцев, по нашим данным, – 58%, азербайджанцев – 22%, цахур – 15%, грузин – 2%. В целом в Закатальском районе аварцы также составляют чуть больше 50% населения, тогда как азербайджанцев здесь – 25%, цахур – 14% и грузин – 11%.

В Кахском районе аварцы проживали в основном в горной и предгорной зонах, где они составляли основное население, в равнинных селениях почти нигде аварцы в XIX–XX веках большинства населения не составляли. Как пишет исследователь Б. Гусейнова, «в пределах Кахского района АР (1494 кв. км, 51 тыс. чел.) дагестаноязычное древнее население, говорившее, как указывают русские по происхождению источники, на аварском языке, подверглось к середине XX в. практически полной ассимиляции в форме азербайджанизации… В 80-е же годы позапрошлого (XIX в.) столетия

авароязычные «лезгины» были там, что небезынтересно, самой крупной этнической общиной – численностью примерно в 12,5 тыс. душ (54%) при 6 400 душ «татар», то есть азербайджанцев»[217]. В 1886 г. аварцев в районе было 2 130 дворов, «адербейджанских татар» – 1 246 дворов и грузин – 627 дворов[218].

Согласно официальной информации, предоставленной районным статкомитетом, в городе Ках из 12 000 населения цахурами являются 500 жителей. Всего в Кахском районе, по тем же данным, 51 000 жителей, из которых цахур – 800 человек, 84% азербайджанцы и 14% – грузины[219].

Одним из наиболее крупных в прошлом аварских селений является Джиних или Гюллюк. В прошлом это центр Джинихского джамаата – одной из шести аварских «вольных общин» в Алазанской долине[220]. По описаниям 1859 и 1871 гг., жители селения являлись «лезгинами», т. е. аварцами и отчасти цахурами[221]. В 1886 г. в селении жили 1 422 человека, из которых 921 аварец и 501 «мугал» (скорее всего, цахуры из горного Дагестана)[222]. В 1926 г. в селении фиксируется 265 семей, из которых 102 цахурские, 161 «тюркская» и 2 аварские[223]. «Тюрки» в данном случае являются аварцами, записанными тюрками. Тем более что в начале XX века, по сведениям известных авторитетных исследователей, данное селение фигурирует как «Джиник, на картах – Джиних, аварское селение километрах в 15 к юго-востоку от Джара»[224]. Также и в примечаниях к сочинению Аббас-Кули-ага Бакиханова «Гюлистан-и Ирам» данное селение названо «Джиник – аварское сельское общество на северо-западе бывшего Закатальского округа». После антиколхозного восстания 1930 г. и вплоть до 1960-х годов в селение прибыла масса мигрантов, в частности парсоязычных цыган-боша из Геокчая, азербайджанцев из Шекинского района, продолжалась и миграция цахур из

---

[217] *Гусейнова Б. М.* Расселение дагестаноязычных и других народов… – С. 4–5.
[218] Там же. С. 40.
[219] *Clifton J. M., Tiessen C., Deckinga G., Lucht L.* The sociolinguistic situation of the tsakhur of Azerbaijan. SIL International, 2005. – P. 6, 8.
[220] *Mustafazadə T. T.* Указ. раб. – S. 19; *Папуашвили Т. Г.* Очерки истории Саингило… – С. 272.
[221] В. Н. Население Закатальского округа по народной переписи 1871 года // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис, 1872. Вып. VI. Отд. III. – С. 55–57.
[222] Свод статистических данных о населении Закавказского края… – С. 3–4.
[223] Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г.
[224] Хроника войн Джара в XVIII столетии / пер. П. К. Жузе, прим. Е. А. Пахомова, пред. В. Хулуфлу. – Баку, 1931. – С. 55.

Дагестана. В результате Джиних (вместе с прилегающим поселением Капучай / Калтубан, образовавшимся при кирпичном заводе) стал многонациональным тюркоязычным селением, в котором аварцы (*Гьудулал*, *Лъебелал*, *Хьанаял* и т. д.) и цахуры вкупе составляют около 15% населения. Около 15% населения представлено цыганами (в массе своей – выходцы из Грузии, носящие соответствующие фамилии – Вейсалидзе, Сусанидзе, Деканадзе и т. д.), а остальная часть – азербайджанцами[225]. Официально азербайджанцев в селении более 90%.

Несколько иная ситуация характерна для предгорного селения Кашкачай, которое сохранило свое население, но тюркизировалось в языковом отношении. Как пишут авторы коллективного труда «История Азербайджана», аварцы «окончательно утвердились» в Кашкачае в начале XVII века[226]. Этнограф и историк начала XX века М. Велили (Бахарлы) пишет, что «авары продолжают жить и поныне» в селении «Кашкар-чай»[227]. К 1960-м годам селение стало многонациональным, жили «в селе Кашкачай – аварцы и азербайджанцы»[228]. Такая же ситуация в историческом центре района – селении Елису, а также населенных пунктах Агчай, Сарыбаш/Цараки, Амбарчай и Амирхан. В них, по дореволюционным данным, в основном проживали аварцы, хотя и тюркизированные в языковом плане. Сейчас же аварцев там осталось менее 10% населения. В Джалаире (переселенческий поселок, образованный выходцами из села Сарыбаш/Цараки на равнине Кахского района) аварцы представлены фамилиями *Халаял*, *Къаралал*, *Къумухал* и т. д., в Амирхане – *КIудаял*, в Зарна – *МачIаял*, в Загаме – *ЧIанкIалал*, в Лалало – *Дибирал*, в Киндирга – *ГIарабал*, в Марсане и Лалапаша – *БахIарчиял*, в Шотаваре – *Дибирал* и *ГIумарал,* в Тангите – *НастIакIалал* и т. д. Значительная часть из них представлена также потомством мигрантов из Дагестана – как, например, потомство Керимова Дибира Рамазан оглы 1938 г. р. и Керимова Хури Хажияв кызы 1937 г. р. в селе Шотавар. Многие из вышеперечисленных аварских фамилий в той или иной степени тюркизированы[229].

---

[225] ПМА. Кахский район АР. 06.08.2011 г.
[226] История Азербайджана. – Баку, 1958. Т. I. – С. 266.
[227] *Велили (Бахарлы) Мамедгасан*. Указ. раб. – С. 15.
[228] *Гейбуллаев Г. А.* О топонимах иберийско-кавказского происхождения в Азербайджане // Известия АН АзССР (серия истории, философии и права). – Баку, 1978. – № 1. – С. 74.
[229] ПМА. Кахский район АР. 06.08.2011 г.

Цахуры в нагорной зоне жили к западу от Каха в муниципалитетах Лекит и Кум, являясь в массе своей переселенцами из Дагестана середины XVIII века. Как пишет автор XIX века, «с занятием Кахской провинции и с разделением занятых земель между лезгинскими группами цахурцам было отведено, между прочим, пространство, на котором выходцы их основали сел. Малах; затем, лет 150 назад, Зарна, и 50 лет позже – сел. Лякит-Малах. Поэтому и земли этих селений также входили в состав бывших в общественном пользовании всей цахурской группы. Цахурцы спускались на плоскость временно, только для обработки земель; впоследствии же некоторые из них остались там на постоянное жительство»[230]. Это подтверждается также родословными конкретных исторических личностей и эпиграфикой[231].

К настоящему времени во всех селениях Лекитского муниципалитета основным языком общения стал азербайджанский, жители считают себя азербайджанцами. На цахурском языке разговаривают лишь отдельные представители старшего поколения. В Леките наряду с цахурами живут и аварцы (в основном из фамилий *БахIарчиял* и *ГIарабал*).

Чуть лучше сохранился цахурский язык в Кумском муниципалитете, состоящем из селений Кум, Чинар, Сускан и Фистихло. В третьем и четвертом селениях живут азербайджанцы, хотя по происхождению среди них много грузин, цахур и аварцев. В Чинаре почти все население – цахуры, и цахурский язык там сохранил свои позиции, но в Куме ситуация хуже. Там, в верхней части селения, цахурский язык еще используется, но средняя и особенно нижняя часть селения – азербайджанские. Всего в муниципалитете, по официальным данным, живут 2 757 человек, из которых цахур – 558. Как следует из результатов исследования американских лингвистов, в Куме азербайджанский является главным языком во всех сферах жизнедеятельности человека. Те цахуры, которые используют свой родной язык, ограничивают сферу его употребления пределами дома. Только некоторые используют его и на улице[232].

---

[230] *Линевич И. П.* Указ. раб. – С. 11.
[231] *Неймат М. С.* Указ. раб. – С. 97, 123, 155; *Mahomedova Z.* Abd al-Rahman-Haji al-Sughuri – advocate of sufi ideals and ideologue of naqshbandi tariqa // Islam and sufizm in Daghestan. – Helsinki, 2009. – P. 61.
[232] *Clifton J.M., Tiessen C., Deckinga G., Lucht L.* Указ раб. – P. 8, 10.

Наряду с этими двумя муниципалитетами цахуры в результате миграции из Рутульского района оказались широко расселены во многих селениях района. Полевые материалы Г. А. Сергеевой свидетельствуют о значительных (в рамках региона) объемах миграции цахур из Дагестана (в основном из селений Цахур, Джиных, Кальял, Сюгют, Курдул) в Кахский район. К примеру, до 1952 г. цахурские колхозы имели в Кахском районе Азербайджана пастбищные земли и посевные участки, на которых позднее было образовано селение Агязы. Наиболее значительное в советское время переселение цахуров в Азербайджан было в 1969–1975 гг. (только из селения Цахур уехало 70–80 хозяйств)[233].

В целом по Кахскому району азербайджанцы составляют 65% населения, грузины-христиане и цахуры – по 15% и аварцы – около 5%.

Этнодемографическая ситуация в населенных пунктах Кварельского и Лагодехского районов Грузии в XX–XXI вв. отличалась не меньшей сложностью. На начало XX века на территории современной Грузии располагались аварские населенные пункты, жители которых подпали под учет населения в Телавском уезде.

1. Калаки. На 1907 г. в нем числилось 95 жителей. Располагалось в Арешской долине, на левом берегу речки, в ее верховьях. Их потомки живут в сел. Чантлискуре и в Дагестане.

2. Ареши. На 1905 г. в нем числилось 115 жителей. Располагалось в Арешской долине, на правом ее берегу. Сейчас их потомки живут в сел. Стальское, а до этого жили в сел. Тхилисцкаро.

3. Тиви. На 1907 г. – 236 жителей. Располагалось на современном месте, но ближе к горному склону.

4. Тебелджохи. На 1907 г. – 239 жителей. Располагалось к юго-западу от Тиви, в межгорной котловине к северу от автодороги Лагодехи – Кварели, между селами Тиви и Чантлискуре. Сейчас их потомки живут в сел. Тиви и в Дагестане.

5. Сипиани. На 1907 г. – 137 жителей. Располагалось на правом берегу реки Шоро-хеви, выше села Ахалсопели.

---

[233] *Сергеева Г. А.* Из истории этнографического изучения народов горного Дагестана. Научный отчет начальника дагестанского отряда Г. А. Сергеевой об экспедиционной работе, проведенной в 1977 г. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2003. – М., 2005. – С. 250.

6. Нахада. На 1908 г. – 54 жителя. Располагалось в Арешской долине. Сейчас их потомки живут в сел. Сарусо.

7. Гарбутль. На 1908 г. – 144 жителя[234]. Располагалось в Арешской долине. Сейчас их потомки живут в сел. Сарусо. Были и другие селения, но опять же зачастую учету они подлежали лишь в Дагестане.

Аварцы во время переписи 1926 г. в Грузии были записаны «лезгинами». Всего таких «лезгин», по переписи 1926 г., в Телавском уезде оказалось 2 795 человек (2,7% населения уезда). Практически все они (2 658 человек) проживали в своих населенных пунктах, входящих в теми (сельсовет) Дзвели-Гавази (ныне Ахалсопели), в котором они составляли 32,5% населения. В городе Телави проживал 21 аварец, в Кварели – 8, Енисели – 40, Шильда – 17 и т. д. Также они проживали и в Сигнахском уезде, в массе своей на территории теми, вошедших позднее в состав Лагодехского района. Всего в Грузии на 1926 г. проживало более 3-х тысяч аварцев – в массе своей сельских жителей.

К 1940-м гг. аварцы остались в Тиви, Тебелджохи и долине Ареши, где располагались селения бежтинцев и гунзибцев. 18 мая 1944 г. вышло постановление Совнаркома СССР №546 «О переселении в Дагестанскую АССР дагестанцев, проживающих в Грузинской ССР», в соответствии с которым Совнаркому Грузинской ССР было разрешено переселить из Кварельского района в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР отошедшие (в феврале 1944 г. после ликвидации ЧИАССР и депортации чеченцев) к Дагестанской АССР хозяйства дагестанцев, проживающих в Кварельском районе Грузинской ССР. По документу переселение должны были закончить в июле-августе 1944 г. Фактически оно осуществлялось в период с 28 июля по 20 сентября 1944 г., когда многие семьи кварельских аварцев в административном порядке были переселены в Ритлябский район ДАССР (Саясановский район бывшей ЧИАССР)[235]. Всего было переселено 516 хозяйств, 1 808 человек, по другим данным –

---

[234] Кавказский календарь на 1910 г… – С. 268, 252, 379, 377, 365, 332 (ошибочно указано, что Нахада располагается в Гунибском округе наряду с «материнским» селением Гарбутль, которое действительно располагалось в этом округе и на ту же дату имело 140 жителей; «Гарбутль» располагается в Гунибском округе наряду с «материнским» селением Гарбутль, которое действительно располагалось в этом округе и на ту же дату имело 140 жителей).

[235] *Рамазанова Д. Ш.* Обреченные на переселение: Кварельский вопрос в решениях властей в советский и постсоветский периоды // Известия ДГПУ. – Махачкала, 2011. – № 2. – С. 60–69; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6114. Л. 43–47.

633 хозяйства, 2 035 человек. Избежали насильственного переселения лишь те, которые бежали в Белоканский район Азербайджана, в населенные пункты Кабахчолибской зоны, села Поштбина, Колоб и т. д.

Оказавшись в новых климатических условиях, многие переселенцы погибли от тифа и малярии. Еще в 1946 г. около 400 семей кварельских аварцев хотели вернуться на прежнее место жительства, но им не позволили. В 1956–1957 гг. реабилитированные чеченцы стали возвращаться на родину и требовать, чтобы кварельские аварцы покинули их земли. В связи с этим последние обратились к руководству Грузии с просьбой разрешить им вернуться на свои земли (кроме сел. Тиви) в населенных пунктах в Кварельском районе. Их просьба была удовлетворена, но земли не были возвращены. Аварцы были поселены на болотистые пустыри, которые 15–20 лет им пришлось осушать и облагораживать. Их распределили по необжитым местам – в колхозы Чикаани, Ахалсопели, Балгоджиани. После объединения колхозов К. Маркса и Чикаани образовались 4 населенных пункта: Тиви, Чантлискуре, Сарусо и Тхилисцкаро (в последнем аварцы уже не живут)[236].

В настоящее время аварцы в Грузии компактно расселены в трех селениях и одном городе. Селения эти **Тиви** (аварское название *Гургин-росу* – «круглое селение»), **Чантлискуре** (аварское название *Росохъ* – «в лощине», царское аварское *росо* или общеаварское *раса*, дословно означает «корыто», однако вместе с тем по аналогии широко распространено в топонимии как обозначение долины, межгорной котловины или равнинного пространства между двумя горными отрогами, спускающимися в данном случае к Алазанской долине) и **Сарусо** (аварское название *Хъаладухъ* – «у крепости», поскольку царские войска здесь имели укрепленный пост для блокирования спускавшихся с гор Дагестана мюридских отрядов)[237].

Перед распадом СССР в Кварельском районе имелось четыре компактных поселения этнических дагестанцев. Однако после создания независимого грузинского государства большая часть их жителей вынуждена была выехать в Дагестан, а одно селение было полностью покинуто **(Тхилисцкаро)**.

---

[236] *Рамазанова Д. Ш.* Указ. раб. – С. 60–69.
[237] См. *Хапизов Ш. М.* О прошлом и настоящем кахетинских аварцев // Труды Географического общества Республики Дагестан. 2010. №38. – С. 103–107.

В самом крупном селении Тиви в 1991 году проживало до 512 семей, в школе обучалось до 714 учеников. Летом 2009 года здесь насчитывалось только 172 семьи, а учеников в школе было менее 100. На окраине Тиви, которая начала активно застраиваться молодыми семьями, при Гамсахурдиа было разрушено около 10 домов. В дальнейшем власти между этой окраиной и собственно Тиви прорыли глубокую канаву, заселили сюда грузин-мусульман из Аджарии и основали поселок экомигрантов – Мтисубани. Однако большинство аджарцев не прижилось, и сейчас в Мтисубани около 30 хозяйств, из которых около 20 – это грузины из Ахалсопели, 6–7 семей аджарцев и 3 аварские семьи. В самом Тиви живут только аварцы[238].

В селении Сарусо в настоящее время чуть более 100 хозяйств, хотя до начала выезда в Дагестан здесь проживало около тысячи человек. В 1989 г. значительная часть домов была выкуплена государством, и в Сарусо въехало до 50 хозяйств грузин. В 1990-х гг. многие из них уехали, осталось только 8 хозяйств, семьи из них являются выходцами из близлежащего селения Ахалсопели и одна – из райцентра Кварели.

В селении Чантлискуре, по последним данным, 147 хозяйств, из которых 138 – аварские, 7 – грузинские, 1 – армянское и 1 – кистинское. Грузины появились в Чантлискуре в начале 1990-х гг., они – жители близлежащего селения Чикаани (6 семей) и города Гурджаани (1 семья).

В селении остаются в основном жители рода *ЧIинтилал*, которые на 2009 г., по полевым материалам автора, составляли около 61% жителей села, в то время как представители других фамилий – *ХIасакIолал* (14%), *СекI-кьибил* (12%), *ЧIахъал* (4%) и выходцы из села Бежта (7%) выезжали из селения. Объяснение этому, по всей видимости, в том, что, в отличие от других фамилий, которые имеют своих сородичей в селе Тлядал, Чинтилал считаются коренным в Цоре тухумом[239].

Город Лагодехи, согласно материалам Закатальской сословно-поземельной комиссии 1870-х годов, был основан на месте хутора белоканских аварцев, чьи земли были заняты царскими властями в 1850-х годах для основания военного лагеря. Согласно данным Закатальской сословно-поземельной комиссии, «прежде, лет 27 тому назад (документ составлен 24–25 мая 1869 г. – *Х.Ш.*), за Мазым-чаем у джарцев были

---

[238] ПМА. Кварельский район РГ. 02.08.2011 г.
[239] ПМА. Кварельский район РГ. 01.08.2011 г.

зимовники. Потом правительство письменно отнеслось к джарцам с вопросом, сколько они могут дать земли для штаб-квартиры Тифлисского сначала батальона, потом полка… Кутаны джарцев были там до образования шт. квартиры и теперь есть в живых старики, которые пасли зимою там своих овец. Окончательно пользование этой землей прекратилось (так в тексте. – *Х.Ш.*) после бегства (измены) Елисуйского султана (1844 г. – *Х.Ш.*), когда набеги горцев увеличились. Когда джарцы и белоканцы имели там свои кутаны, грузины с разрешения джарцев имели зимовники только на Чауре, где в незначительном количестве пасли они овец и свиней. После комиссии о разграничении земель Закатальского округа с Сигнахском уездом в 1864 г. грузины стали пользоваться и прочими джарскими землями за Мазым-чаем, и у них там появилось много кутанов (зимовников)»[240]. В 1867 г. присвоенные военными земли современного Лагодехского района были изъяты из состава Закатальского округа и присоединены к Сигнахскому уезду Тифлисской губернии, что повлекло нарушение частных прав на землю белоканских и джурмутских (верховья реки Джурмут в современном Тляратинском районе Дагестана) аварцев[241].

В дальнейшем, кроме штаб-квартиры Тифлисского полка, в Лагодехи обосновались и гражданские, среди которых большинство составляли русские. Среди дагестанцев были представлены лакцы-ремесленники, в основном из Казикумуха, и местные аварцы. В 1944 году большинство дагестанцев из Кахети было выселено в Чечню и Дагестан, что коснулось и Лагодехи. В 1980-х годах в Лагодехи проживало более 100 аварских семей. В 1990-х гг. большинство аварцев уехало. Всего в Лагодехи проживают чуть менее 50 хозяйств аварцев.

В 1940-х годах в Лагодехи из Тляратинского района (из обществ Тлебел и Тлянада) начали переезжать аварцы, которые со временем составили основное население так называемой Калиновки – окраинного со стороны Белокан микрорайона Лагодехи, состоящего из трех улиц (Мегобробис, Кавкасионис и Ахалгазрдобис) и их переулков. В настоящее время аварцы (40 хозяйств) составляют около 20% населения этого квартала, в котором также проживают грузины, русские (в том числе старообрядцы) и

---

[240] *Думбадзе М.* Архивные документы о Джаро-Белоканах // Исторический вестник. – Тбилиси, 1950. Вып. 4. – С. 493 (на груз. яз.).
[241] Государственный исторический архив Азербайджана (ГИАА). Ф. 866. Оп. 2. Д. 3. Л. 6.

представители других национальностей. Вместе с тем на улице Чолокашвили (и прилегающей – Евдошвили) проживают 6 аварских семей (3 – из села *Рохь-Кьанада*, 2 – из региона *тIомурал* и 1 – *лъебелал*; все они расположены в Тляратинском районе). Кроме того, еще два аварских хозяйства расположены в самой верхней части Лагодехи, на улице Агмашенеблис[242].

В Грузии компактно в одном селении Зинобиани (в советское время называлось Октомбери или Октябрьское) живут также представители дагестаноязычного народа – удинов. Они переселились сюда в 1921–22 годах из Варташена (ныне город Огуз Азербайджанской Республики)[243]. Ушли в Грузию только православные удины – из села Варташен. К 1922 г. в Варташене было свыше 1 500 хозяйств, в т. ч. 700 хозяйств армян, 500 хозяйств евреев, 300 хозяйств православных удин и 7 хозяйств «лезгин»[244].

В остальных населенных пунктах Кахети насчитывается не более 10 хозяйств аварцев. Однако в Лагодехском районе находится азербайджанский анклав из четырех селений: Кабали, Караджала, Ганджала и Узунтала, из которых первые два населены в массе своей уже ассимилированными аварцами. Надо отметить, что население Кабали и Караджала представлено суннитами-шафиитами, в то время как тюркоязычные сунниты в Закавказье – все без исключения ханафиты. Шафиитами же в Закавказье являются дагестанцы или потомки дагестанцев. Кабали является первым, а до советского периода единственным населенным пунктом Кабальской зоны. Возник он на рубеже XIX–XX веков и в силу благоприятного расположения начал быстро расти в размерах.

Основателями селения Кабали были братья Иса и Раджаб и их односельчанин Хаджимухаммад из сел. Хидиб (точнее, хутор Анъада в обществе Таш), а также родственники и земляки из горных обществ Анцух и Таш (северная часть современного Тляратинского района). В частности мечеть (первое общественное здание, обычно располагающееся в историческом центре села) построена в 1896 г. Исой-апанди (ум. в 1920 г.) на принадлежащей ему же земле. В 150–200 метрах от мечети находится фамильное кладбище потомков Исы-апанди и его брата, которые стали основателями села. Далее к нему присоединились выходцы из селений Гарбутль, Нахада, Кутлаб и

---

[242] *Хапизов Ш. М.* О прошлом и настоящем кахетинских аварцев… – С. 103–107.
[243] *Волкова Н. Г.* Этнические процессы в Грузинской ССР… – С. 25.
[244] *Волкова Н. Г.* Удины Грузии // Полевые исследования Института этнографии 1975. – М., 1977. – С. 110 (Прим. 4).

других аварских селений, есть даже выходцы из Ботлиха. Теперь в Кабали всего несколько десятков лиц, в основном преклонного возраста, владеют аварским языком, хотя люди, интересующиеся своим прошлым, помнят о своем аварском происхождении. Автору удалось поговорить с шестью из авароязычных представителей Кабали, которые хорошо владели как своим диалектом, так и литературной формой аварского. Всего в Кабальской зоне проживает чуть более 10 тысяч человек, из них около 3,5 тысячи имеют аварские корни[245].

Здесь необходимо отметить, что вся местность, которая ныне занята 4 селениями Кабальской зоны, даже во времена Кавказской войны все еще считалась принадлежащей аварским горным общинам Тляратинского района и кабахчолибским аварцам современного Белоканского района. Такое представление жило в памяти горцев и в XX веке[246]. Выше мы уже приводили русский архивный документ, датируемый XIX в.[247], и турецкий фирман 1728 г.[248], которые также свидетельствуют в пользу принадлежности этих земель Джарской республике.

В Лагодехском районе до развала СССР был еще один населенный пункт, в котором значительную часть населения составляли аварцы. Это *БешкIен* (от закат. диал. авар. *бекIен* – «огород, сад»), а точнее селение Ульяновка, в котором до 1988–1990 гг. насчитывалось около 80 хозяйств аварцев. В основном (на 80%) это выходцы из села Хашархота Бежтинского участка Дагестана. В Бешкене они поселились в 1944 г., укрываясь здесь от выселения в Чечню. Приехали сюда они из селения Ареши (ныне Мтисдзири). Кроме Бешкена жители Ареши ушли также в 1944 г. в аварские селения Белоканского района. В 1988–90-х годах, как и другие аварцы, бешкенцы начали выезжать в Дагестан. Здесь они поселились в Кизлярском районе, в селениях Красный Восход и Малая Арешевка, а также по нескольку семей и в других селениях. Только в 1989–1990 гг. из села Ульяновка в село Красный Восход переехали 102 человека (46 в

---

[245] ПМА. Кварельский район РГ. 02.08.2011 г.
[246] *Ясулов Гамзат*. Хунзахские предания о Хаджимураде / подгот. к изданию аджамский текст Д. М. Маламагомедов. – Махачкала, 2009. – С. 70–71 (на рус. и авар. яз.).
[247] *Думбадзе М.* Архивные документы о Джаро-Белоканах… – С. 493.
[248] *Сулейманова С.* Археографические документы XVIII–XIX веков… – С. 53–54.

1989 г. и 56 в 1990 г.: Чангиевы, Махтиевы, Шахбановы, Махмадовы, Маламагомедовы, Израиловы и Исаевы)[249].

Наряду с левобережьем Алазани есть и еще один регион Восточной Грузии, где живут (правда, на спорных территориях площадью 2 600 га, правовой статус которых еще не урегулирован между Россией и Грузией) аварцы. Это исторический регион Тушети, ныне входящий в состав Ахметского района. Здесь на приграничной с Цумадинским районом территории расположены хутора *Чеpo* (авар. – «зерновое») и *Инцухъ* (авар. «у родника»), а также частично – *Кивони* (этимология не ясна). В Черо сейчас живут 5 хозяйств, состоящих из 15 членов семьи, в Инцухе – 4 семьи из 9 человек и в Кивони – 7 семей из 16 человек. Всего в Хушетской сельской администрации Цумадинского района Дагестана, к которой относятся эти хутора, насчитывалось на 2008 г. 199 хозяйств, состоящих из 801 человека.

Отметим, что в середине XIX в. эти земли были предметом спора между хушетскими аварцами и тушинскими грузинами. Поземельная комиссия, расследовавшая этот вопрос, пришла к выводу, что «урочище Черо и гора Хай, раньше принадлежавшие хушетинцам, составлявшие бесспорную собственность их, землемер отдал в использование жителям Дикло и Шенако»[250].

---

[249] ПМА. Лагодехский район РГ. 02.08.2011 г.
[250] ЦИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 208. Л. 30.

Глава II. Поселенческая культура дагестанцев Цора

§ 2.1. Генезис и эволюция

В качестве основного фактора, влияющего на «тип заселения»[251], т. е. процесс формирования и развития поселений, следует рассматривать природно-экологические условия. В литературе неоднократно отмечалось, что различные элементы культуры этносов несут на себе печать, с одной стороны, природной среды их обитания, а с другой – этнической традиции, которая не во всех случаях определяется природными условиями. Сельские поселения относятся к тем элементам этнической культуры, основные формообразующие характеристики которых в наибольшей степени детерминированы средой обитания, конкретно – спецификой рельефа местности их расположения[252]. Р. Г. Кузеев показывает это на примере территории расселения башкир, где в зависимости от природных условий расселения определенных этнографических групп коренным образом различаются типы поселений, жилищ и в целом материальной культуры[253].

Это обстоятельство обусловлено тем, что вне зависимости от культурных традиций того или иного народа при основании сельских поселений население руководствовалось чисто прагматическими, жизнеобеспечивающими соображениями, которые заключались в выборе местности, по возможности оптимальным образом отвечающей их потребностям в пригодной для обработки земле, в источниках воды, в здоровом климате и т. д. Также очевидно, что каждый народ имел свободу выбора удобного места заселения в пределах ограниченной территории. В этом смысле можно говорить о наибольшей (по сравнению с другими элементами культуры) «отчужденности» поселений от людей – носителей данной культуры в смысле отсутствия в них этноспецифической

---

[251] Термин из: *Витов М. В.* О классификации поселений // Советская этнография. – 1953. – №3.

[252] Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. – Ереван, 1983. – С. 113.

[253] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа (этнический состав, история расселения). – М., 1974. – С. 93–100.

маркированности[254]. К такому же выводу приходят и авторы коллективной монографии «Материальная культура даргинцев», которые отмечают, что различия в материальной культуре, связанные с проживанием в разных природно-экономических зонах, оказались гораздо существеннее различий этнических. Проживание в одной зоне порождает у разных этнических групп большую степень общности, и это особенно относится к поселениям и жилищу. Соответственно материальная культура обнаруживает большее единство и гораздо менее дробна, чем язык, причем эта дробность больше связана с природно-экономическими зонами, чем с этническими группами[255].

Однако наряду с природными условиями не меньшее влияние на эти процессы оказывают и уровень социально-экономического развития общества. Как подчеркивает Ю. Саушкин, характер изменения человеком отдельных его элементов, данных природой (рельефа, климата, растительности, почв и т. д.), и связей между ними зависит от уровня развития производительных сил общества, а также общественных отношений между людьми в процессе производства[256]. К примеру, К. Т. Каракашлы на примере западного Азербайджана доказывает, что основной причиной разбросанности и разобщенности немногочисленных групп населения по отдаленным друг от друга замкнутым ущельям являются натуральные формы хозяйства при господстве экстенсивного пастбищного скотоводства без заготовления запасов сена, требовавшего лесов, пастбищных угодий и больших участков девственной природы[257]. При данном способе хозяйствования главным условием являются большие необитаемые пространства. Такая форма экономики и обусловленная ею система расселения была характерна для большей части современного Азербайджана, исторически населенного собственно тюркоязычным населением – той основой, на которой позднее сформировался азербайджанский народ.

---

[254] Культура жизнеобеспечения и этнос... – С. 113.
[255] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 65.
[256] *Саушкин Ю. Г.* Культурный ландшафт // Вопросы географии. – М., 1946, Сб. I. – С. 100.
[257] *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа (историко-этнографическое исследование). – Баку, 1964. – С. 37.

Поэтому, хотя поселения этнических дагестанцев в Цоре имеют много общего с поселениями Дагестана, у них есть немало отличий, обусловленных прежде всего природными условиями. В то же время природные условия, и в частности рельеф местности, в Цоре тоже не однотипны. В этом отношении всю заселенную часть Цора можно разделить на три зоны: горную, называемую местным населением часто *Гъолода* (авар. «на склоне, хребте»; одновременно и название самого крупного в прошлом горного поселения Цора); предгорную – *Эхеди* (авар. «вверху») и равнинную – *БитIди* (авар. «на плоскости»). Расселение в Голоде имеет прямую аналогию с горным Дагестаном. В частности горные селения Закатальского округа ничем от населенных пунктов горного Дагестана не отличались. В плане характеристики скученности поселений и наличия садов и огородов при жилых строениях в зависимости от рельефа местности в Закатальском округе интересно следующее высказывание: «Селения в верховьях ущелий, как-то: Сувагиль, Кас, Сарубаш, Елису и Кашкачай, расположены весьма тесно: в них не только нет садов, зелени, но и почти нет при домах дворов и курухов (лужаек. – *Х. Ш.*). Далее, по мере спуска с гор, начинает появляться растительность, преимущественно тутовые сады и отдельные фруктовые деревья, но все это в таких малых размерах, что на целые селения: Ашага-Малах и Юхари-Малах требуется в год менее одного фунта шелковичных семян, затем на Каркай и на Азгилли хватает на каждое по одному фунту, на Калал и на Кетукло – по три фунта и т. д.; по мере спуска на плоскость размеры тутовых садов все более и более увеличиваются, так, что уже в сел. Ках некоторые сады занимают пространство тагара[258] на два посева»[259].

Вплоть до середины XX в. равнинная часть Цора была известна как малярийный край, пребывание в котором в летние месяцы считалось опасным для здоровья. Также не очень благоприятной была для заселения и горная зона, в которой зимой снежный покров из-за влажности климата в разы превышал аналогичные показатели в южных аварских районах современного Дагестана. Слабое развитие производительных сил ограничивало воздействие человека на

---

[258] Мера веса для зерновых культур. Тагар пшеницы равен 7,25 пуда, ячменя – 6 пуд., риса – 5,5 пуд. И проса – 7 пуд.

[259] Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского наибства Закатальского округа // ССКГ. – Тифлис, 1873. Вып. VII. – С. 2.

природную среду и делало его зависимым от естественных факторов. А они в Цоре наиболее благоприятны в предгорье, там, где отроги Главного Кавказского хребта переходят в равнину и наиболее крупные реки региона выходят из узких ущелий на простор Алазанской равнины. Поэтому вполне закономерно расположение большинства населенных пунктов Цора именно у подножья гор. Одновременно и в этой зоне большинство населенных пунктов (а если говорить о населенных пунктах, возникших до начала XIX века, то почти все) расположено на приречных террасах, конусах выноса и делювиальных шлейфах. В этой зоне населенные пункты расположены на высоте 300–600 м над уровнем моря.

Кроме того, размещение в предгорье основной массы населения обусловлено и тем, что большинство крупных и средних по размерам поселений Цора приурочены к транспортным коммуникациям, в особенности межрегиональным: из Закавказья в горный Дагестан и из низовий реки Алазани и Куры в ее верховья. И наконец, важно было расположение на труднодоступных местах или местах, которые приурочены к естественным рельефным границам: берегам рек, крутым горным склонам и обрывам и т.д.[260] Такое положение облегчало проведение искусственных фортификационных работ и увеличивало обороноспособность поселения. Именно этим объясняется расположение почти всех крупных поселений Цора в ущельях рек, при выходе их из гор на равнину. Ведь последнее обеспечивало контроль как над дорогами из горного Дагестана в Закавказье, так и над горизонтальными – из низовий Алазани к ее верховьям. В то же время с одной – двух или даже трех сторон имелись естественные природные рубежи. Находясь в узких ущельях, будучи покрыты густой сетью межсадовых стен и укрепленных жилищ, цорские поселения представляли для неприятеля крепкий орешек. Немаловажное значение имели также морально-волевые качества джарцев, которые являлись военной элитой закавказских аварцев. Ведь не зря генерал-майор

---

[260] *Давудов О. М.* Указ. раб. – С. 64; *Халилов Дж. А., Бабаев И. А.* О городах древней кавказской Албании // Советская археология. – 1974. №4. – С. 98–109; *Гусейнова Л. Г.* Раскопки на античном городище Кабала // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974). – Баку, 1975. – С. 43–46.

генштаба Российской армии Р. Фадеев (1824–1883 гг.) дал им следующую характеристику: «джаро-белоканцы, храбрейшее племя в лезгинском народе»[261].

Несмотря на изначально широкую хозяйственно-экономическую освоенность равнинной части Цора, вплоть до 1830-х годов постоянные, стационарные населенные пункты коренного населения здесь практически не встречались. Здесь имелось в основном пришлое население, поселенное в качестве социально зависимого сословия на землях, которые не привлекали в таком качестве коренное население, проживавшее в подгорных и горных населенных пунктах.

В то же время материалы археологических раскопок говорят о наличии густой сети населенных пунктов в этой зоне Алазанской долины в раннесредневековую эпоху. Во время предварительных разведок 1979–80 гг., проведенных Алазанским отрядом Кабалинской археологической экспедиции, было отмечено большое количество памятников разных эпох. На берегу Алазани, у слияния ее с Курой, собран подъемный материал эпохи поздней бронзы и раннего железа. Памятники эпохи бронзы и античного периода зафиксированы в предгорной и горной полосе Алазанской долины. Выяснилось также, что у устья каждой реки, впадающей в Алазани, находились поселения, площадь которых в ряде случаев достигала 7 га. Раскинуты они на холмах компактно и часто среди местного населения известны как «земляные крепости» (авар. *Ракьул хъала*; азерб. «Торпаг-гала»). Одно из них, расположенное у слияния рек Алазани и Агричай, исследовано в 1950–60-х гг. Р. М. Ваидовым. На поверхности холмов приалазанских поселений собрана ялойлутепинская керамика[262].

Переходя непосредственно к поселенческой структуре, которую можно охарактеризовать как пространственную форму организации общества, стоить отметить, что, как считает М. Агларов, дагестанской общине – джамаату – была свойственна трехчастная модель хозяйственного освоения принадлежащей ей территории. Ядро территории составляло поселение («росу») с отселками и хуторами («мархьу», «кули»). Сразу за поселением во всех направлениях, если благоприятствовал ландшафт, следовали пашни и сады («мегъ»). На окраинах

---

[261] *Фадеев Р. А.* О Закатальском восстании // 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. – М., 2007. – С. 541.
[262] *Керимов В. И.* Храм Зейзит Кавказской Албании. – Баку, 2008. – С. 53.

территории обычно располагались сенокосы (частично) и пастбища[263]. С некоторыми оговорками, не имеющими принципиального характера, такая структура освоения окружающего пространства характерна и для аварских поселений Алазанской долины. Здесь земли поселений разделялись на четыре категории. Данное разделение можно проследить на примере села Джиних. По данным закатальской сословно-поземельной комиссии, «джинихские земли разделены на следующие разряды: 1-е – горы (горные летние пастбища. – *Х. Ш.*), 2-е – сельские дачи (приусадебные земли. – *Х. Ш.*), 3-е – земли ниже сельских дач (пашня. – *Х. Ш.*), 4-е – кешкельные земли (земли, находящиеся в аренде у других общин. – *Х. Ш.*). Земли сельских дач состоят из усадеб, пашен и лесистых предгорьев»[264] А. Ашраф кызы к ним добавляет также прикутанные земли, часто располагавшиеся на другом – правом – берегу Алазани[265]. В то же время в мугальских и ингилойских (азербайджанских и грузинских) селениях Цора земли общины делились только на три части: усадьбы, леса вокруг селений и пахотные земли[266].

Гораздо больше различий в форме освоения жилого пространства – поселения. Прежде всего это касается стационарных поселений. К примеру, если для аварского селения в Нагорном Дагестане вопрос экономии пригодных к сельскохозяйственному использованию земель стоял очень остро, то в Цоре вопрос этот только в редких случаях имел сколько-нибудь важное значение. Обеспеченность земельными ресурсами здесь была высокой, и потому мы не наблюдаем такой скученности поселения, которая характерна для Нагорного Дагестана. Как правильно замечает А. Исламмагомедов, в горном Дагестане пахотной земли мало и имеющиеся пригодные для обработки участки представляли большую ценность. Горец вкладывал очень много труда на создание этих участков – террас на склонах гор, и они были основными источниками его существования. В условиях острой нехватки земли селения здесь размещаются на непригодных для возделывания участках. Выбирали для этого обычно скальный

---

[263] *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М., 1988. – С. 36.
[264] ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 38. Л. 17–17а.
[265] *Arzu Əşrəf qızı.* Указ. раб. – S. 81.
[266] Там же. – S. 82.

выход, сланцевый участок, выступ скалы[267]. Как указывает М. Агларов, «необходимость обороны и экономии земли послужили причиной тенденции аулов располагаться в самых невероятных условиях»[268].

Кажущееся неудобство такого рода выбора места для поселения компенсировалось целым рядом преимуществ. Во-первых, большая компактность почти исключала использование под жилую застройку пахотных земель. Во-вторых, строительство жилых строений на твердой основе обеспечивало большую их устойчивость, прочность и долговечность. В таких селениях почти не было грязи, а также исключалась возможность подтопления. Кроме того, расположение на склоне горы обеспечивало ступенчатость застройки, позволяющую наиболее полно использовать солнечное тепло.

Последнее обстоятельство, а именно желание застроиться с возможностью максимального использования естественных источников тепла, было также очень важным обстоятельством, влиявшим на место выбора поселения в горном Дагестане. С учетом климатических особенностей субтропиков Цора на равнине этот фактор не имел существенного влияния на выбор места поселения. Скорее можно говорить о желании избежать строительства поселения на чрезмерно жаркой приалазанской равнине, служившей летом источником многочисленных инфекционных болезней и прежде всего – малярии. Как следует из материалов журнала Закатальской сословно-поземельной комиссии 1869 г., поздние поселенцы «подгорных селений: Катех, Мацих, и проч., выселились из Таначей, где вследствие слишком жаркого лета и влажной почвы существовали и теперь существуют убийственные лихорадки, почему присутствие там человека в летние месяцы положительно невозможно»[269]. Однако в то же время для части предгорных и почти всех горных поселений Цора, в массе своей покинутых жителями после опустошительных походов Надир-шаха в 1734–41-х гг., необходимость концентрации солнечного тепла имела важное значение.

---

[267] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы (историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XIX в.). – Махачкала, 2002. – С. 136–137.
[268] *Агларов М.* Поселение и жилище андийской группы народов в XIX – начале XX в. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН ССР. – Махачкала, 1966. Т. XVI (серия общественных наук). – С. 372.
[269] ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 113–129, 137–148, 151–155.

Почти все эти заброшенные поселения находятся на обращенных к солнцу склонах. Таково, например, расположение селения Голода, которое было построено на южной стороне вершины хребта Гумзул-гор. Аналогично, к примеру, и положение заброшенных поселений Буцрах, Цилтаб, Галаван, Сахилаб и Гветбан, которые расположены на солнечных склонах горных массивов в бассейне реки Билкан-ор. Что касается ныне существующих поселений, то, если они находятся в верхней, горной части Цора, мы опять же видим желание при основании селения расположить его в местности с наибольшей аккумуляцией солнечного света. К примеру, из ныне существующих и заброшенных 10 поселений в ущелье реки Дибир-ор 8 расположены на южных склонах хребтов, и только два поселения (Кас и Аласкар) расположены на теневых участках горного хребта, отделяющего ущелье Дибир-ора от Алазанской равнины. Примерно из 30 поселений (в т. ч. заброшенных), расположенных в горной зоне Цора, данный фактор, т. е. необходимость расположения на солнечном склоне, не учтен только при основании 6 поселений (Кас – северный склон, Аласкар – северо-западный, Джимджимах – западный, Дурус-уба – западный, Елису – северный, Кашкачай – северо-западный). Но и те расположены в ущельях на относительно ровных приречных террасах. В то же время все поселения Цора, расположенные на горных склонах, находятся именно на солнечной стороне. Помимо благоприятных климатических условий это обстоятельство в горах Цора, славящихся, в отличие от сухих гор горного Дагестана, обильными снегопадами, облегчало транспортное сообщение с приалазанской равниной и позволяло избежать снежных обвалов. «Хроника войн Джара» говорит о подобных сильных снегопадах, когда поселения Цора оказывались в снежном плену: «выпал неожиданно снег высотой в две с половиной зиры[270], так что никто из жителей не мог ничего сделать, ни двинуться куда-нибудь»[271].

Как правильно отмечает М. М. Мехбалиев, экспозиция влияет на тепловой, световой, снеговой (накопление и таяние) и водный режимы, влажность почв, выбор участков для выращивания различных сельскохозяйственных культур,

---

[270] Зираъ (араб. – «локоть») – мера длины. В Цоре применялся классический персидский зира, равный 49,8 см.

[271] Хроника войн Джара в XVIII столетии / комм. А. Дибирова. – Махачкала, 2009. – С. 8.

распространение сельскохозяйственных вредителей и болезней. Наиболее благоприятными являются склоны южной экспозиции. По сравнению с другими экспозициями на склонах южной экспозиции редко наблюдаются оползни, обвалы, камнепады и другие экзодинамические процессы, отрицательно влияющие на населенные пункты и объекты, связанные с ними[272].

Одним из существенных факторов, влияющих на специфику сельских поселений, является внешняя социокультурная среда и военно-политическая обстановка. Так, при определении места поселения в неспокойное время (конец XVII – начало XIX вв.) в Цоре важное значение придавалось оборонительному фактору. Вдобавок к искусственным, созданным человеческой рукой укреплениям, заметно старание расположить поселения в таких местах, где сама природа помогала бы при обороне от неприятеля. Значительные изменения в сельском расселении в Цоре произошли после неоднократных нашествий отрядов Надир-шаха в 1730–40-х гг. В этот период были разрушены почти все населенные пункты, некоторые из которых так и не были после этого восстановлены. К числу таковых относится и самое крупное на начало XVIII в. поселение в Цоре. Известно, что основное население Голоды переселилось в Джар. П. Саидова справедливо отмечает, что «Голода после разрушения Надир-шахом больше не застраивался»[273]. Одно из последних упоминаний о наличии населения в Голоде – это указание на то, что в этом селении в 1141 г. хиджры (1729 г.) некий Урдаш переписал книгу «Джами ал-усул»[274]. 16 марта 1741 г. афганские отряды войск Надир-шаха под командованием Кани-хана Кандагарского и Мухаммадгули-хана поднялись на гору, вершину которой занимало селение Голода. Три дня шел бой, результатом которого стало разрушение Голоды. Ее жители бежали в аварские селения Тляратинского, Чародинского и Рутульского районов[275]. Даже в некоторых аварских селениях северной части Горного Аваристана есть тухумы, образованные голодинцами, ушедшими из родного селения после его разрушения. Например, в

---

[272] *Мехбалиев М. М.* Выбор месторасположения населенных пунктов в зависимости от морфометрических показателей рельефа (на примере ключевого участка южного склона большого Кавказа) // Известия Бакинского университета (серия природных наук). – Баку, 2007. №1. – С. 157.
[273] *Саидова П. А*. Чарско-белоканские говоры… – С. 4.
[274] *Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р.* Указ. раб. – С. 110.
[275] ЦIоралъул аваразул рагъазул тарих... – Гь. 75.

селениях Аргвани Гумбетовского района и Буртунай Казбековского района есть тухумы *Гъолодесел*, т. е. голодинцы. Согласно устной традиции, предки этих людей пришли туда после разрушения Голоды Надир-шахом. После этого Голода превратилась в джарский хутор. После 1740-х гг. голодинцы, переселившиеся в Джар, имели двойное самосознание. Характеризует таковое, к примеру, указание переписчиком одной рукописи себя как «Мухаммада ибн Абдаллах ал-Голоди ал-Джари» (дата переписки: раджаб 1171 / март-апрель 1758 г.)[276].

Именно оборонительным фактором объясняется то, что во второй половине XVIII в. почти все население Цора было сконцентрировано в предгорье, тогда как вроде бы удобная для поселения равнина оказалась застроена только временными хуторами земледельческого и скотоводческого характера, а также поселениями зависимых сословий: мугалов (социальный в корне своем термин, которым обозначали зависимое население из Дагестана и различных закавказских ханств, поселившееся на землях джарских аварцев) и ингилойцев (местных грузин-мусульман). Как пишет офицер Российской империи Н. Колюбакин, являвшийся в середине XIX в. начальником Закатальского округа, аварцы расселены здесь «отдельными деревнями из камня, в крепких местах, преимущественно у входов в ущелья. Мугулам же и энгилойцам они оставили места низменные и плодородные, но не представляющие к защите никаких удобств и где нет камня для постройки домов»[277]. Поселения горного Дагестана располагались в крайне труднодоступных местах. Порой стремление к неприступности превалировало над другими факторами. Так, например, часто встречаются селения, расположенные на гребне горы, тогда как вода есть только в речке или роднике далеко внизу, у подножия горы[278]. Цор в этом отношении обнаруживает больше аналогий с северными предгорными аварскими районами, в которых, как замечает А. Исламмагомедов, поселения тяготеют к речным долинам и занимают пологие склоны и ровные участки[279]. Однако и здесь оборонительный фактор играл важную роль.

---

[276] *Саидов М. С.* Описание арабских рукописей сектора востоковедения ИИЯЛ им. Гамзата Цадасы на 1980 г. // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6936. Л. 87.
[277] *Колюбакин Н.* Указ. раб.
[278] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Указ. раб. – С. 78.
[279] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 135.

Аварские поселения в Цоре, располагаясь в предгорье, в ущельях рек, занимали выходы рек из гор. Характерно для аварских поселений Цора расположение его политического и экономического центра – Джара. «Селение Джары, главное в своем обществе, расположено или, лучше сказать, разбросано, по южной покатости хребта при выходе из ущелья небольшой речки, впадающей в Катеху»[280].

В то же время, как уже было указано выше, заселенные грузинами и мугалами «подвластные джарские селения расположены ниже по реке Алазани и впадающим в нее речкам»[281]. Объясняется последнее обстоятельство помимо обороноспособности тем, что «климат в Джарских владениях по отлогостям гор весьма здоровый, но на самой реке Алазани, как и на прочих низких местах по берегам больших рек Закавказского края, в продолжение лета вредный здоровью и в людях, к оному не привыкших, порождает упорные перемежающиеся лихорадки, желчные горячки и другие сему краю свойственные болезни, хотя и не в столь сильной степени, как в Имерети, на понизовьях Куры и Аракса»[282].

Аварцы Цора старательно укрепляли поселения: строили крепостные стены вокруг поселения, башни внутри самого села, укрепляли каждое жилище в отдельности. Кстати, последнее обстоятельство (наличие башен, особая неприступность поселений и индивидуальных жилищ), по мнению А. Исламмагомедова, характерно для кавказских «республик» или так называемых вольных обществ, в то время как в ханствах и княжествах стремление к индивидуальной недоступности каждого поселения в отдельности выражено меньше[283].

Чрезвычайно тяжелыми для населения Цора были последствия нашествий иранских завоевателей – шахов Аббаса I, Тахмасп-Кули (Надир-шах), его брата Ибрагим-хана. Каждый раз оказывались полностью разрушенными поселения, вырубались и сжигались сады, тутовники и другие многолетние насаждения, зачастую с лица земли стирались всяческие следы человеческой деятельности. Часть местных жителей погибала в неравной схватке с врагом, часть – вырезалась

---

[280] *Яишников Т. Н.* Указ. раб. – С. 301.
[281] Там же.
[282] Там же. – С. 302.
[283] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 139.

после взятия поселений, других уводили в плен. Лишь немногим удавалось спастись, спрятавшись в неприступных лесистых ущельях. Но и там в холодные зимние месяцы люди сотнями гибли от холода и голода. Так, например, описывает А. Бакиханов последствия одного из походов войск Надир-шаха в 1741 г. на земли закавказских аварцев: «Вся провинция была опустошена до такой степени, что не осталось почти никаких признаков бывшего народонаселения. Сами персияне, возвращаясь с гор, потеряли от сильной зимней бури 200 человек»[284]. Часто население укрывалось в аварских селениях горного Дагестана. Там даже появлялись небольшие населенные пункты, образованные «политэмигрантами» из Цора, решившими остаться в укрепленных горных поселениях. Особенно это характерно для Самурской долины, верховья которой входили в состав Джарской республики. Как пишет автор XIX в., «некоторые хутора сих обществ расположены также за хребтом в долине реки Самура, где они имеют свои летние пастбища и убежища в случае наступления…»[285]. Из числа селений, расположенных в долине Самура, Кусур входил в состав Тальского общества, Мухах и «Калал» входили в состав Мухахского общества, Аттал, Джиних, Корш и половина Мишлеша относилась к Джинихскому обществу, а другая «половина последнего селения принадлежит Джарам», т. е. входит в состав Джарского общества[286].

В этих условиях жителям приходилось всемерно укреплять свой населенный пункт, чтобы его нельзя было взять приступом, а позволить себе долговременную осаду враги, как правило, не могли. Похожие процессы, когда после опустошения целых областей оставшиеся в живых концентрировались в более крупных населенных пунктах, происходили и в других регионах Кавказа. Монголо-татарские нашествия XIII–XV вв. окончательно разорили и разрушили эти поселки и вызвали группирование отдельных родовых поселений (очень часто их остатков) в более далеких, укромных местах, менее доступных для завоевателей. Необходимость решительной борьбы с последними, покушения феодалов на независимость сельских общин привели к тому, что новые селения, образовавшиеся уже на территориальной основе, были гораздо больше по

---

[284] *Аббас-Кули-Ага Бакиханов*. Гюлистан-и Ирам. – Баку, 1926. – С. 120–121.
[285] *Яишников Т. Н.* Указ. раб. – С. 301.
[286] Там же. – С. 301.

размерам, хорошо укреплены, но располагались несколько ниже, чем родовые поселки, и с большей последовательностью тяготели к речкам[287]. В начале второго тысячелетия н. э. в горном Дагестане происходит массовое укрупнение населенных пунктов путем слияния мелких, которое связано в основном с социально-экономическим развитием края. С изменением характера расселения происходит двуединый процесс: теряется некоторая естественная труднодоступность аула и строятся оборонительные сооружения, укрепляются крупные поселения[288].

Переход от родового поселка к территориально-тухумному поселению как основному типу населенного пункта в горном Дагестане датируется XIII–XV вв. и связывается в основном с общественно-политическими процессами. Причем в качестве важного обстоятельства, способствовавшего урбанизации населения, концентрации его в более крупных населенных пунктах, называются монголо-татарские нашествия этого времени[289]. Соглашаясь отчасти с авторами монографии, отметим и то, что такие процессы были характерны и для периодов социально-экономического подъема, увеличения товарности сельскохозяйственного производства. Большая часть авторов склонна увязывать образование территориально-тухумного поселения в XI–XIV вв. с ослаблением родовых (тухумных) отношений, изменением зональной хозяйственной специализации (когда в горах наметился крен к специализации на скотоводстве – с XIII–XIV вв.), изменением структуры сельскохозяйственных угодий и соответственного перераспределения фондов угодий (в т. ч. по их назначению)[290].

Не исключена возможность, что оборонительный фактор этого времени уже не был постоянно действующим, а имел большей частью только значение противодействия внешним пришельцам, завоевателям. Может быть, именно этим и

---

[287] *Атаев Д. М.* Средневековые памятники центральной Аварии // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2532. Л. 44–45; *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Указ. раб. – С. 78.

[288] *Исламмагомедов А. И.* Отражение феодальных отношений в характере поселений // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция. Тезисы докладов. – Махачкала, 1980. – С. 71.

[289] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Указ. раб. – С. 81.

[290] *Османов М. О.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. – Махачкала, 1988. – С. 13; *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Указ. раб. – С. 83–89.

объясняется тот факт, что население вновь возникших аулов не столько пряталось высоко в горах, сколько выбирало естественно укрепленные места в долинах рек, ущельях, у важнейших перевалов, как бы закрывая и контролируя пути проникновения в собственные земли. Характерно, что остатки многих средневековых поселений указывают на большое значение, которое придавалось укреплению поселения со стороны плоскости, закрытию проходов в горы[291]. В качестве примера приводится самое крупное даргинское селение Губден, закрывающее проход с прикаспийской плоскости на Левашинское плато и далее в горный Дагестан. Поселение образовалось в этот период и было защищено со стороны плоскости оборонительными сооружениями. Крепостная стена протяженностью около 10 км (высота стены – 2,5 м, ширина – 1,5 м) закрывала со стороны плоскости проход в горы и имела 3 ворот[292].

Кроме укрепленности населенного пункта важное значение играла и многочисленность его защитников. Данное обстоятельство явилось одной из причин урбанизации населения в XVII–XVIII вв. и возникновения в предгорьях Цора крупных поселений, часто насчитывавших по нескольку сот дворов. Ф. Гене в 1830-х гг. отмечает, что «дагестанцы живут большими селениями, тесно построенными… Обыкновенно имеют в селениях крепкие от природы места, кои нередко обороняются башнями или стенами; таким образом, каждая деревня составляет крепость, представляющую весьма крепкую оборону»[293].

М.-З. Османов на примере даргинских селений говорит о том, что разложение родовых отношений и иноземные нашествия обусловили гибель множества родовых поселений в XIII–XV вв. и появление крупных населенных пунктов в естественно укрепленных местах в долинах, ущельях, у важнейших перевалов, проходов[294].

---

[291] *Путинцева Н. Д.* Поселения эпохи раннего средневековья на Сулаке // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2591. Л. 11; *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Указ. раб. – С. 77.

[292] *Гаджиев Г. Р., Мутаев Г. Д.* Губден. История и культура. – Махачкала, 1999. – С. 251–252.

[293] *Гене Ф. И.* Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. – С. 346.

[294] *Османов М.-З.* Поселения даргинцев в XIX–XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1962. Т. X. – С. 218–219.

В качестве примера можно привести концентрацию населения мелких населенных пунктов Белоканского ущелья (Буцрах, Сахилаб, Цилтаб, Гветбан) в самом Билкане, расположенном у входа в Билканском ущелье и представлявшем собой крупный населенный пункт, состоящий из нескольких сотен дворов. Одно из мелких тухумных поселений Билканского ущелья – Гветбан – располагалось на горе *ХъахIлъимал* (авар. – «белые воды») и являлось тухумным поселением рода *Лекъав Исакъа* (в документе назван также Чолах Исааком и Ахсах-Исааком), который позже обосновался в сел. Билкан. В 1831 г. большая часть членов тухума поселилась в Кабахчолибе, в сел. Халатала, хотя несколько семей и сейчас проживают в сел. Гарагиб – бывшем квартале Билкана, сейчас превратившемся в самостоятельное селение[295]. Как пишут жители селения Кабахчолиб Исаказул Махама-Алил Умар и Исаказул Муртузалил мола Хабибулла в прошении на принятие их в состав бекского сословия от 4 сентября 1901 г., их предки жили «сначала на горе под названием Ахкимал, что около сел. Белоканы», а потом их предок Исак якобы чуть ли не во времена Абумуслима (XIII в.) «спустился на равнину и образовал селение Белоканы. Из рода названного Чолах Исаака в настоящее время образовалось 120 дымов, из коих 3 дыма в сел. Белоканы и 117 дымов – в сел. Ковахчоль»[296]. Надо отметить, что претензии Исаковых на основание ими сел. Билкан, конечно же, безосновательны, так же как и попытки их доказать свое происхождение от елисуйских султанов. Дело в том, что прошение имело целью доказать знатное происхождение фамилии и ее значимость в истории Билкана с целью получения конкретных материальных благ, и потому в этой части сведения Исаковых не заслуживают доверия.

Некоторые населенные пункты в предгорной зоне Белоканского района, покинутые в начале XIX в., были заново заселены в XX в. К таким поселениям относится *ЧIедерхъев* (авар. диал. – «узкое ущелье») к западу от райцентра, жители которого в 1830 г. были переселены в Кабахчолиб, а позднее сюда снова заселились билканские аварцы, которые стали называть поселение *Наязухъ* (авар. –

---

[295] ПМА. Белоканский район АР. 04.08.2011 г.

[296] ЦИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 302 («По прошениям жителей Закатальского округа о сословно-поземельных их правах». 1901 г.). Л. 118.

«у пасеки»). Сейчас здесь живут около 25 семей аварцев (*Тинатиял*, *Парашал*, *Халилал*), но официальным статусом поселения оно не обладает[297].

Эти крупные населенные пункты, формировавшиеся у выходов из горных ущелий Цора, одновременно являлись и частью оборонительных комплексов, охранявших входы в ущелья, по которым шли дороги в горную Аварию и другие части Дагестана. Это видно на примере Катиха, Джара, Мухаха, Елису и других населенных пунктов. К примеру, полковник царской России М. Коцебу в 1826 г. пишет о четырех главных дорогах, связывающих Цор с горным Дагестаном[298]. Первая, и на его взгляд, лучшая, проходит через Мухахское ущелье, закрываемое в самом узком месте между селениями Мухах и Эхеди Чардах каменной стеной. Вторая – через Джарское ущелье, закрытое «столицей» и самым укрепленным населенным пунктом Цора – Джаром. Третья – через Катихское ущелье, закрытое Катихом и Мацихом. И, наконец, четвертая дорога проходит через Билканское ущелье, закрытое самими Белоканами.

Многие авторы XIX в. говорят о каменной стене, закрывавшей со стороны Алазанской равнины проход в Джарское ущелье. «Местоположение селений Чары и в особенности Закаталы, которое занимает верхнюю часть Чарского ущелья, чрезвычайно затруднительное по причине густых садов и каменных заборов, наполняющих все ущелье, по обеим сторонам коего горы крупные, покрытые лесом; сверх сего Закаталы отделены от Чары укреплением каменным, за которым число вооруженных в соединении с глуходарами (аварцами Тляратинского, Чародинского и отчасти Цунтинского районов Дагестана. – *Х. Ш.*) простираться может до 10 000 человек. Все другие селения не имеют столь крепких мест, чтоб войска наши не могли оными завладеть во всякое время и маловажною потерею, а Закаталы в неоднократно предпринятые русскими экспедиции остались невредимыми; сие подало чарцам и глуходарам повод думать, что место сие есть неприступное и непобедимое, и потому-то глуходары, вызываемые тысячами, за весьма умеренную цену приходят из ущельев своих защищать Чары и Закаталы, но единственное сии селения, а отнюдь не другие»[299].

---

[297] ПМА. Белоканский район АР. 04.08.2011 г.
[298] *Коцебу М. А.* Указ. раб. – С. 262.
[299] *Ган К.Ф.* Указ. раб. – С. 63.

На границе территорий Лагодехского и Белоканского районов расположено ущелье реки Мазум-ор. Дорогу из Цора в горный Дагестан, проходящую через ущелье, да и само ущелье в древности прикрывала крепость Тох (Мачис-цихе). Крепость, по мнению К. Мелитаури, предусматривала отражение противника с юга, юго-востока и юго-запада. Природные условия облегчали оборону крепости и надежно оберегали осажденных[300]. Эта крепость также известна как «Мазым-кала»[301] и «укрепление Макабели или Нохпато, ныне Пери-кала»[302].

Также широко известна и Закатальская длинная стена, остатки которой в XIX в. были заметны от Джиниха до Белокан. А. Посербский считал, что эта стена была построена Александром Македонским и простиралась от Каспийского моря и до Дарьяльского ущелья, что, конечно, является анахронизмом: «Она заметна на протяжении верст 70, а в некоторых местах даже довольно прочно сохранилась, и как будто в том виде, как она была построена или, согласно с одним преданием, исправлена. Высота ее до 8 и ширина до 3 футов. На протяжении ее много было построено оборонительных башен; вход во многие из них был в отверстии, сделанном в стене на такой высоте от земли, что без лестницы войти было нельзя; теперь эти башни представляют одни развалины. Наилучше сохранившаяся есть в с. Катехах. Местами же части сохранившейся стены до того поросли вьющимися растениями, что летом походят на земляные насыпи – могилы исполинов… И действительно, это памятник людям, пролившим пот над кладкой стены и деспотизму, заставлявшему исполнять эту египетскую работу»[303]. Ее краткое описание есть и у других авторов[304]. Согласно данным Закатальской сословно-поземельной комиссии, собранным в сел. Загам (ныне Кахский район АР), жители его в древние времена «подчинялись отцу той царицы Пери бича, которая провела здесь стену вокруг своих владений»[305]. По этим же данным «по ту сторону стены, воздвигнутой Пери бича, были лезгины, которые по временам делали нападения на

---

[300] *Мелитаури К. Н.* Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии (Уджарма, Цихисдзири, Мачисцихе, Бочорма, Хертвиси, Шхепи, Турисцихе, Кохта). – Тбилиси, 1971. Ч. II. – С. 27.
[301] *Посербский А*. Очерк Закатальского округа… – С. 53.
[302] *Бакрадзе Дм*. Указ. раб. – С. 6.
[303] *Посербский А*. Очерк Закатальского округа… – С. 50.
[304] *Коцебу М. А*. Указ. раб. – С. 262–263; *Зубарев Д*. Указ. раб. – С. 556.
[305] ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 22. Л. 60.

этот край (грузинские селения у р. Алазани – Х. Ш.) и разоряли его. Так продолжалось, пока Умахан вместе с джарскими лезгинами не овладел окончательно этим краем и не обложил их» данью[306].

Наличие источников питьевой воды также являлось необходимым условием при выборе места поселения. В достаточно влажном климате предгорий Цора соблюдение этого условия не являлось сколь-нибудь серьезной проблемой. Все оно изрезано руслами мелких речек, но на равнине источники качественной, пригодной для питья воды встречались редко. Однако, если здесь поселения приурочивались к естественным источникам воды, то в горах такое было невозможно по целому ряду факторов, из числа которых стоит упомянуть хотя бы необходимость учитывать оборонительный фактор и зачастую отсутствие удобных участков для застройки в узких, скалистых и заросших лесом ущельях Цора, которые к тому же значительную часть года были завалены сугробами.

Поэтому в горах, не довольствуясь редким наличием открытых источников воды, население возводило сложные комплексы для переброски и хранения воды. Особую важность это обстоятельство имело при осадах. В укрепленном поселении *Парил-гьен* (авар. – «замок Пари», т. е. «замок феи»), которое, видимо, играло роль убежища для жителей Белокан, при осмотре внутреннего пространства в юго-восточной части заметна емкость (радиусом 3 м и такой же глубиной), предназначавшаяся для хранения воды. Если в поселения, расположенные на речных террасах, провести воду из протекающей рядом речки особой сложности не представляло, то в укрепленные поселения на горных вершинах, утесах и прочих возвышенностях для проведения воды кроме приложения физического труда немалого количества людей приходилось применять сложные технические конструкции. Чаще всего в такие укрепленные поселения на горных склонах воду проводили по желобам из обожженной глины. В частности следы подобного водопровода заметны близ развалин поселения *СахIилаб* в верховьях реки Билкан-ор. Водопровод тянется более 3 км от правого притока реки Цилтик-ор до остатков поселения. Местное предание, правда, верит, что водопровод был протянут якобы для транспортировки молока от скотоводческой фермы феодала до его замка, каковым, по преданию, являлся Сахилаб (в 1920-х гг. на его развалинах

[306] Там же.

уроженцами сел. Герел Тляратинского района был построен хутор, который назывался по имени старшего из герельцев – *Дибирил кули*)[307]. Но, учитывая маршрут водопровода и реалии экономического развития данной зоны, с подобным утверждением вряд ли можно согласиться.

Из числа изученных укрепленных поселений как размерами, так и совершенством специального водохранилища отличается уже упомянутое поселение-крепость Тох в верховьях Мазум-ора. Внутри крепостной ограды находится подземное сооружение – цистерна размерами 8,1 х 5,6 м со стенами толщиной 68 см, а также с тремя арками на двух круглых столбах. Все помещение разделяется на два нефа перекрытыми сводами. Высота цистерны равна 3,4 м; два люка в сводах выходят на поверхность. Через них наливали и выливали воду[308]. Усердное оштукатуривание известковым раствором цистерны, сохранившейся до нас почти без изъяна, да и всего здания в целом, говорит о выполнении работ с большим усердием. Учитывая размеры и конструкции здания, цистерна могла вместить 140 тысяч литров воды. От цистерны к востоку в 7,5 м находится прямоугольное здание 9,7 х 5,9 м, которое вкопано в землю на глубину 2 м. Этот открытый бассейн, который вмещал около 200 кубометров воды, служил, видимо, хозяйственным целям, в воде для которых нужда в укрепленном поселении была не меньшей[309].

Привлечение археологического материала лишь подтверждает сделанные нами выводы. Археологические исследования всех аспектов возникновения поселений в период Кавказской Албании, составной частью которой являлся и Цор, показывают, что расположение поселений зависело от целого ряда факторов. Наиболее важным можно считать наличие благоприятных физико-географических условий для развития всех видов экономики, особенно земледелия, скотоводства и разных видов ремесел. К ним относятся удобные для возделывания земли, хорошие сенокосные луга и пастбища, при этом они одинаково удобны для эксплуатации как зимой, так и летом. Особое внимание обращено на близость к водным источникам – родникам и речкам. Наряду с оборонительным фактором важное

---

[307] ПМА. Тляратинский район РД. 23.07.2008 г.
[308] *Мелитаури К. Н.* Указ. раб. – С. 25.
[309] Там же. – С. 25–26.

значение, определяющее характер заселения или место выбора для поселения, имел фактор экономический. Наличие на данной территории достаточного количества пахотной земли и пастбищ для скота было главным условием для основания поселения[310].

М.-З. Османов считает, что в расселении даргинцев главную роль играли такие факторы, как близость воды, пашен, пастбищ, солнечная ориентация, безземелье, оборонительный фактор, особенности рельефа и пр., причем действие их, влияние неодинаковы, как сравнительно между собой, так и в разные исторические эпохи[311]. Те же факторы учитывались и при основании поселений у аварцев: экономический, защищенность, водоснабжение, солнечная ориентация, экономия земли[312]. При этом невозможно согласиться с тем, что якобы строительство домов фасадов к югу было обусловлено религиозными соображениями, дескать, они были направлены лицом к Каабе[313].

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что цорские поселения XVII – начала XIX в. располагались в основном на пологих склонах, чаще всего являющихся речными выносами. Тыльная часть поселения обычно была прижата к довольно крутым склонам отрогов Главного Кавказского хребта, а передняя – направлена в сторону юга или Алазанской долины и укреплена башнями и каменными стенами. Это – основной тип заселения вплоть до 1830-х гг., когда начинается массовое заселение бывших хуторов цорских аварцев, расположенных в низменной части региона. Таким образом, в расселении цорских дагестанцев, топографии их поселений важную роль играли следующие факторы: близость источников воды, пахотных земель, пастбищ, оборонительный фактор, климатические условия и особенности рельефа.

---

[310] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 136.
[311] *Османов М.-З.* Поселения даргинцев в XIX–XX вв… – С. 220.
[312] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 177.
[313] *Летифова Э.* Указ. раб. – С. 164.

§ 2.2. Типолого-классификационная характеристика

Дагестанские этнографы у аварцев XIX в. выделяют три типа поселений: селение, отселок и хутор. **Селение** («росу») являлось основным типом населенного пункта, в котором проживало большинство населения. **Отселок** («кули») – небольшой населенный пункт, где постоянно проживало небольшое количество семей, вышедших из определенного селения. **Хутор** («махьи», «кули») – база для определенной хозяйственной деятельности, где люди жили в период сезонных работ или постоянно проживало небольшое количество людей[314]. А. Исламмагомедов подчеркивает, что в своем историческом развитии аварское селение прошло долгий путь от небольших поселений, заселенных, по всей вероятности, одним небольшим родственным коллективом – тухумом, ведущим свое начало от родового коллектива, через территориально-тухумную и территориальную сельскую общину до современного аула[315]. Основной тип поселения – «росу» – исторически подразделяется на два подтипа: тухумное и территориально-тухумное, которые отражают разные этапы селообразования. Первый подтип представлен небольшим поселением, населенным одной родственной группой и прослеживаемым по археологическим и этнографическим материалам еще с эпохи энеолита (IV тыс. до н. э.). Объединение нескольких близлежащих мелких тухумных поселений чаще всего происходило, видимо, вследствие их «прежней политической, а иногда и хозяйственной связи»[316].

М. Османов в своей специализированной статье, обозначив в начале работы, что предложенная им типологическая схема «селение – отселок» была с определенными вариациями принята другими дагестанскими исследователями (С. С. Агаширинова, М. А. Агларов, А. Г. Булатова, А. И. Исламмагомедов и др.), в дальнейшем фактически разделил дагестанские поселения на три вида: селение, отселок и хутор[317]. Из них отселок и хутор не имеют четкого названия. «В их обозначении, – пишет М. Османов, – наблюдается смещение терминов «кули» и

---

[314] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 147.
[315] Там же. – С. 146.
[316] *Агларов М. А.* Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX века) // Советская этнография. – 1987. – № 4. – С. 55.
[317] *Османов М. О.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в… – С. 6, 10–19.

«махьи». Но и сквозь это смещение видно, что единый ряд трех видов существовал у всех народов Дагестана»[318].

Азербайджанские этнографы отмечают наличие в предгорьях Главного Кавказского хребта трех основных типов населенных пунктов: *кенд* (стационарное поселение), *оба* (первоначально временное месторасположение родственных групп скотоводческого населения, которое впоследствии превращалось в постоянное поселение) и *бина* (населенный пункт временного, сезонного характера, жители которого заняты животноводством)[319]. Как видно, на типологию азербайджанских поселений в этой зоне оказывает влияние прежде всего хозяйственная ориентация населения, главным образом занятого в кочевом скотоводстве. Кроме вышеуказанных типов с животноводческой направленностью хозяйства азербайджанского населения связаны и другие названия видов населенных пунктов: *йурд*, *сыгырхана* и *йатаг*.

Полевые наблюдения автора позволили выявить в лексиконе закавказских аварцев следующие обозначения населенных пунктов в зависимости от их рельефного положения и хозяйственно-экономической специализации: *росу* (стационарное поселение), *тала* (поселение, обычно хутор, возникшее первоначально в лесу, на очищенной от деревьев площади), *къара* (поселение, расположенное в лощине, межгорной котловине), *тахида* (поселение, расположенное на небольших водораздельных плато), *кули* (земледельческий хутор в горной и предгорной части Цора), *мархьу*, *махьу* (хутор в горах и предгорье, где содержатся овцы и козы), *бина* (хутор, возникший на зимних пастбищах, местный аналог дагестанского термина *хъутан*). К средневековым городам и торговым центрам местные аварцы наряду с общеаварским *шагьар* обычно применяют обозначение, состояшее из названия самого населенного пункта, с добавлением -*базар*. К примеру, Джар (ныне город Закатала) старшее поколение даже сейчас называет *ЧIар-базар*, а средневековое городище Загеми – *Къумур-базар.*

М. Османов дает довольно четкие критерии, позволяющие отличить, на его взгляд, селение – *росу* – от отселков и хуторов. Обязательным признаком *росу* (названного им «аул») является наличие крепкой сельской территориальной

---

[318] Там же. – С. 13.
[319] См. *Летифова Э.* Указ. раб. – С. 157.

общины. «В ауле с такой полнокровной общественной жизнью большое место должны были занимать общественные места. Прежде всего это место сельского схода, затем соборная мечеть (Джума-мечеть), свойственная именно аулу (настолько, что может служить отличительным признаком для аула по сравнению с махьи и отселком). Другой четкий признак аула – сельское кладбище; в отселке или *махьи* заводить кладбище не разрешалось, что связано, возможно, со стремлением «аула» гасить центробежные тенденции (что угрожало потерей людского, военного и экономического потенциала) привязыванием к могилам предков»[320]. Аварское *росу* М. Агларов склонен связывать с даргинским *ши* и лакским *ша* (оба означают селения) и возводить к единому корню («решение», «согласие»). Андийское *рошо* тогда, на его взгляд, не просто «слово», но и «согласие», «мнение». В этом контексте в ассоциирующихся словах легко увидеть старинное название общины или общества «росо», вытесненное арабским «джамаат»[321].

Поселение второго типа – отселок – по своему происхождению явление вторичного порядка. Причиной образования отселка чаще всего являлась хозяйственная целесообразность. Основание его вызвано развитием производительных сил, усилением товарности сельского хозяйства, разложением родового строя, необходимостью освоения новых сельхозугодий, расселения разросшегося населения, безопасностью расселения на прежде подверженных нападениям врагов землях, изменением политической обстановки. В основном процесс образования отселков в Цоре протекал в XIX – начале XX вв. Постепенно разрастаясь, многие из отселков превращаются в полноценные поселения, которые мало чем отличаются от основного типа (ни размерами, ни формой, ни численностью населения). Как подчеркивает А. Исламмагомедов, для существования и нормального функционирования каждого населенного пункта необходимым условием является наличие вокруг него достаточного количества пахотной земли и пастбищ. И если это равновесие между хозяйственной потребностью населения и способностью занимаемой им земли обеспечить хотя бы

---

[320] *Османов М. О.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в... – С. 12.
[321] *Агларов М. А.* Андийцы (историко-этнографическое исследование). – Махачкала, 2002. – С. 133. Прим. 1.

минимум потребности нарушится (то ли естественным ростом населения, то ли переселением людей из других мест), то происходит обязательное расселение части населения на другое место. Так образуются отселки – хутора, новые населенные пункты вдали от первоначального аула[322].

При определенных благоприятных условиях сезонные хутора превращались в отселки, а затем в поселения. Сначала это были хозяйственные общины без статуса самостоятельного джамаата, затем они могли получить этот статус или навсегда остаться отселками в зависимости от хода развития общественных отношений и взаимоотношений внутри общины[323]. Обычно отселок – часть старого поселения – метрополии, которая часто пыталась не допустить ухода отселка из-под своего влияния. Общество препятствовало вычленению территории вновь образовавшегося поселения, оставив во владении новообразовавшегося поселения лишь окрестные пашни (*мегъ*), не дробя общую территорию[324].

На взгляд А. Комарова, «отселки – это хутора, на которых уже постоянно живут, но еще не отделившиеся от своих селений»[325]. Этот же автор указывает на хутора как основной источник образования отселков: «В местах особых удобств владельцы остаются на постоянное житье, но подчиняясь во всем управлению своего селения, до тех пор, пока население хутора увеличивалось до того, что строило у себя мечеть, выбирало старшин… и совершенно отделялось от коренного селения»[326].

М. Агларов также указывает на то, что хуторские поселения имели тенденции к отделению от «метрополий» и превращению в самостоятельные поселения с постоянным населением и территориальной сепарацией. Однако реализация этих устремлений зависела от множества факторов. И прежде всего от решений джамаатов, экономического и политического ядра общины[327].

---

[322] *Исламмагомедов А. И.* Поселения и жилища цахуров в XIX–XX вв. // Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 1974. Вып. 1. – С. 71–72.
[323] *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане… – С. 39.
[324] Там же.
[325] *Комаров А. В.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. – Тифлис, 1869. Т. I. – С. 30.
[326] Там же. – С. 29–30.
[327] *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане… – С. 60–61.

Поэтому М. Османов называет отселки промежуточным между хутором и полноценным селением звеном. На его взгляд, отселок, даже выросший до размеров селения, отличается от него тем, что известно, выходцами из какого аула он основан, а также связью с материнским селением рядом взаимоотношений хозяйственного и общественного характера, показывающих его определенную зависимость от этого селения[328]. М. Агларов наглядно показывает особенности этого процесса на базе Тиндинского общества. Селение Акнада, став самостоятельным поселением еще к XVII–XVIII в., юридически не обрело своей территории и политически в большинстве вопросов было связано с «метрополией»[329].

Это утверждение полностью находит свое подтверждение в Цоре. Здесь мы имеем крупное, часто с многотысячным населением материнское поселение в предгорье и несколько его бывших отселков, превратившихся в полноценные поселения, связанные множеством связей с метрополией, наряду с которыми имеются отселки и хозяйственные хутора, так и не ставшие полноценными поселениями. Эти селения чаще всего расположены на равнине, мало отвечают оборонным целям или вовсе их игнорируют, в отличие от старых поселений. Здесь отчасти соблюдается потухумное расселение.

В числе особенностей такого рода поселений следует также отметить меньшую скученность застройки, более свободную планировку поселений. В этом отношении Белоканский и Закатальский районы (за исключением восточной его части) можно четко разделить на вертикальные зоны – территории бывших обществ, в верхней горной части которых расположены летние пастбища, ниже – в предгорье – метрополии, окруженные садами и пашнями, а на равнине – сезонные хутора, отселки и селения – филиалы подгорных поселений. На самом западе расположено Белоканское общество (метрополия – Белоканы, селения – бывшие отселки – населенные пункты Кабахчолибской зоны, Рочахмад), далее на восток – Катихское общество (метрополия – Катих, бывшие отселки – Кортала, Пучкара, Горахажиял, Пуштатала, Кодочиб), Мацихское (метрополия – Мацих, бывшие отселки – Халабтала, Беретросу, Ханжарита), Джарское (метрополия – Джар,

---

[328] *Османов М. О.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в. … – С. 15.
[329] *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане… – С. 61.

бывшие отселки – Динчи, Макав, Пашан, Нухбик), Тальское (метрополия – Тала, бывшие отселки – Домбабина, Боциб, Махцараб, Хасанбина).

Современное селение Нухбик Закатальского района было основано в форме постоянного поселения, как и все прочие селения Макавского муниципалитета, в 1830-м году[330]. До этого Нухбик был джарским хутором. Однако, говоря об историческом прошлом селения, невозможно обойти вниманием следующее обстоятельство. Согласно данным хроники «Жизнь Вахтанга Горгасала», картлийский князь Арчил (VIII в.) развил на левобережье Алазани активную деятельность, в т. ч. христианизировал «нухпатийцев»[331], которые в примечаниях к переводу хроники указаны как «племя в древнем Дагестане». Также «Жизнь Вахтанга Горгасала», включенная в состав «Картлис Цховреба», повествует о строительстве Арчилом церкви «в Нухпати, между двумя речками»[332]. Этот Нухпати грузинскими учеными отождествляется с городом Нуха (в 1960-х гг. переименован в Шеки) на северо-западе современного Азербайджана, который тогда был населен дагестаноязычными племенами. На основании этого факта делается вывод о вхождении в VIII в. Шеки-Закатальской зоны в состав грузинской государственности.

Азербайджанские коллеги, возражая против подобной трактовки, заявили о том, что «Нухпати является грузинской передачей старого топонима Нухбид – это название современного аварского села Йолайрыдж (Нухбид – на аварском, Йолайрыдж – на азербайджанском языке означает «развилка дороги»)» в Закатальском районе[333]. Кстати, Г. Гейбуллаев там же неправильно разместил Нухбик «на границе с Белоканским районом» между речками Билкан-ор и Катих-ор, тогда как на самом деле селение расположено между речками Тала-ор и Катих-ор. Тем не менее тезис об идентичности Нухпати современному Нухбику не лишен логики. Не исключено, что на месте Нухбика еще в VIII в. было аварское поселение, которое впоследствии в ходе одного из иноземных нашествий было разрушено, а его население укрылось в городе-крепости Джаре, продолжая

---

[330] ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 113–129.
[331] *Джуаншер Джуаншериани*. Жизнь Вахтанга Горгасала / пер., пред. и коммент. Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1986. – С. 108.
[332] Картлис Цховреба. – Тбилиси, 1955. Т. I. – С. 243–244 (на груз. яз.).
[333] *Гейбуллаев Г. А*. Топонимия Азербайджана… – С. 138; *Гейбуллаев Г. А*. К этногенезу азербайджанцев... С.141.

использовать свои родовые земли в качестве сельхозугодий, а место прежнего поселения – как сезонный хутор. В таком случае поселение здесь в 1830-м году некоторых джарских тухумов мы можем рассматривать как возобновление селения, а не как его основание. Тем более что поселились в 1830-м году в Нухбике именно те тухумы, которым эта земля и постройки на ней принадлежали издревле. Эти тухумы до 1830-х гг. жили в селении Цилбан Джарского муниципалитета.

В истории Дагестана мы не раз сталкиваемся со случаями, когда жители какого-либо поселения продолжали пользоваться брошенными ими землями в качестве сельхозугодий, а бывшим поселением – в качестве сезонного хутора. Так, например, ахтынцы приняли жителей некоторых окрестных поселений, расположенных в менее защищенной от военной опасности местности. Они продолжали пользоваться этой землей и хозяйственными постройками, но постоянно поселиться там не представлялось возможным из-за набегов жителей соседних селений и возможных нападений иноземных завоевателей. Впоследствии, при изменении политической ситуации, переселенцы вернулись на свои земли[334]. Похожие процессы первоначальной концентрации с последующим расселением жителей из большого поселения на хутора были характерны и для Дагестана, в частности Цудахара[335]. Если вначале политическая нестабильность и необходимость иметь в одном месте все наличные военные силы вынудили цудахарцев собраться в одном укрепленном месте, т. е. в своей метрополии, то в дальнейшем, со снижением уровня угрозы и в связи с необходимостью освоения земель и охраны их от соседей, сама община стала инициировать процесс заселения окраин Цудахара[336].

Одной из разновидностей связей между материнским селением и его отселками можно назвать то, что «в большие праздники, во время уразы и по пятницам все мужчины обязаны собираться» в мечети главного селения[337]. В самом деле, на примере бывших джарских отселков на равнинных землях близ Алазани мы видим, что, хотя еще в 1830-х годах они стали стационарными поселениями,

---

[334] См. *Маршаев Р. Г.* К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1957. Т. III. – С. 106–122.
[335] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Указ. раб. – С. 85.
[336] *Османов М.-З.* Поселения даргинцев в XIX–XX вв… – С. 221–222.
[337] *Комаров А. В.* Указ. раб. – С. 72–73.

Джума-мечети в них были построены только в конце XIX – начале XX вв. В Динчи, к примеру, мечеть появилась в 1872 г.[338], в Макаве – в 1875 г.[339], в Гоабтала – летом 1899 г.[340], в Пашане – в 1899 г.[341] и т. д.

Другим привязывающим бывшие отселки к метрополии фактором были родовые кладбища, на которых похоронены предки жителей отделяющегося «филиала». По словам А. Комарова, «отселки, весьма значительные по числу дворов и имевшие по нескольку мечетей, не имели права хоронить мертвых иначе, как на кладбище главного селения»[342]. Хотя этот принцип проявляется в Цоре в меньшей степени, нежели в горном Дагестане (сказывается обилие земельного фонда, распространенность тухумных, а не общесельских кладбищ), но он все же дает о себе знать. Так же как и строительство Джума-мечетей, первые захоронения в бывших джарских отселках значительно (на 30 и более лет) отстают от перехода их от сезонного к стационарному поселению. К примеру, наиболее раннее захоронение на кладбище селения Нухбик датируется 1279 г. хиджры (1862–63 гг.)[343] и принадлежит гази Джалилу. Она, как и другие ранние могилы, принадлежит уроженцам метрополии Нухбика – селения Джар (к примеру, Мусал Мухаммаду и Давудил Мухаммаду из Джара[344]).

Еще один признак полноценного поселения – это наличие в нем места заседаний сельского общества. Учитывая, что в Цоре обычно таковые располагались в огороженном дворе при Джума-мечети, то соответственно строительство ее влекло за собой становление независимого органа управления поселением. Характерно, что в законоположениях джарских аварцев (собраны и записаны в 1752 г.) площадь перед Джума-мечетью указана и как место исполнения приговоров. В частности казнь лиц, уличенных в совершении прелюбодеяния, как указано в законах, производится после пятничной молитвы,

---

[338] *Неймат М.С.* Указ. раб. – С. 130.
[339] Там же. – С. 134.
[340] Там же. – С. 161.
[341] Там же. – С. 151.
[342] *Комаров А. В.* Указ. раб. – С. 55, 13.
[343] *Неймат М. С.* Указ. раб. – С. 125.
[344] Там же. – С. 137–138, 160.

«прямо перед Джарской соборной мечетью или же на месте сбора жителей этой страны»[345].

Учитывая особенности общины, полноту прав и функций, неполные права землевладения, целесообразнее отселок именовать субобщиной, входящей в материнскую общину на правах квартала. Последний имел свободу только во внутренних делах, в основном хозяйственного направления, а во внешних вопросах полностью подчинялся метрополии и считался ее составной частью.

Таким образом, признаками отселка являются: малодворность, разбросанное расселение (с элементами скученности), субобщина с ограниченными правами, определенная ограниченность земельных угодий, наличие мечети, отсутствие общего сельского схода, Джума-мечети и кладбища[346].

Третий тип расселения – хутора. Возникали как базы для ведения определенного рода хозяйственной деятельности, населенные в определенный период года и никогда не имевшие самостоятельных поселенческих функций. Хронологические рамки его возникновения – самые широкие. С самого образования селений на отдаленных от населенного пункта сельхозугодьях возникали хутора, которые служили временным жилищем, хлевом, хранилищем сельхозпродукции, полученной в результате хозяйственной деятельности на близлежащих к нему землях. Г. А. Сергеева указывает, что хутора возникали, «как правило, или на участках выпаса скота, или вблизи удобных земельных участков»[347]. Этот вид поселения являлся опорным пунктом для определенной хозяйственной микрозоны. Зарождаясь как хозяйственное поселение, оно в процессе хозяйственного освоения новых земель и роста населения становится постоянным, переходя в разряд отселка[348] и, возможно, в дальнейшем самостоятельного поселения.

Не все, конечно, хутора в Цоре стали самостоятельными селениями. Большинство их так и остались хуторами, а некоторые даже были в дальнейшем заброшены. В особенности это касается хуторов, расположенных в ущельях и

---

[345] *Айтберов Т. М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 1999. Ч. I. – С. 54.
[346] *Османов М. О.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в. ... – С. 17.
[347] *Сергеева Г. А.* Арчинцы. – М., 1967. – С. 74.
[348] *Османов М. О.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в. … – С. 13.

прочих микрозонах, в которых существуют естественные ограничения для роста, препятствующие возникновению здесь более или менее крупного поселения. Кроме того, часто хутора являлись частной собственностью одной семьи или более крупной родственной группы – *рука* (авар. – *рукъ*). По свидетельству Н. Дубровина, в поселениях Цора «почти у каждого сколь-нибудь зажиточного поселянина есть особый хутор, в котором зимою содержится его рогатый скот. Вблизи хутора заготовляется и корм для скота. Хутора располагаются преимущественно по ущельям, неподалеку от ручьев, речек, родников и покосов. Некоторые строят при хуторах особую комнату для летнего помещения хозяина и устраивают внутри ее резервуар, наполняемый холодною, как лед, родниковою проточною водою. Часть такой комнаты занята широким каменным диваном, заменяющим собою стулья и кровати. Подобная комната служит единственным и приятным убежищем от палящего летнего зноя и составляет необходимость для каждого туземца»[349].

Помимо хуторов крупных предгорных поселений Цора имелись здесь и сезонные населенные пункты горных аварских общин. В частности, согласно данным Закатальской сословно-поземельной комиссии, «в ущелье Маклакан – над Катехом, по дороге к Белокани в ущельях Джиджихна и Хелмах. Последние по сю сторону Цуар-каца. В этих зимовниках есть постройки кейсерухцев, в которых живут зимою пастухи. Летом там никого не бывает…»[350].

Кроме того, следует отметить наличие у аварцев и цахур горного Дагестана особого вида хозяйственной активности, когда они имели дома, сельхозугодья и в горах, и на равнине. Особенно долгое время, вплоть до коллективизации сельского хозяйства в 1930-х гг. (отдельные пережитки сохранялись чуть ли не до 1998 г., когда был ужесточен пограничный режим между Россией и Азербайджаном), присутствовала эта оригинальная система хозяйствования у цахур. Зафиксировано наличие двуединого джамаата, когда одна часть жителей села более или менее постоянно живет в горном Дагестане, а другая – в долине Алазани. Раздельное проживание касается и больших семей. Характерный пример приводит М. Агларов на примере селений Мишлеш и Мамрух. К примеру: старший брат с женой и

---

[349] *Дубровин Н.* Указ. раб. – С. 538.
[350] ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 83об.

детьми в селении Мамрух, тогда как глава семьи и младший брат с семьей живут в горном селении Мишлеш. Семьи имущественно разделены, но сохраняют взаимные обязательства – выполнение работ или присмотр за хозяйством по ту и другую сторону хребта, в зависимости от сезона. Например, летом родственник из селения Мамрух отгоняет свой скот на альпийские луга в окрестностях Мишлеша, где за скотом присматривают его мишлешские родственники, а получаемые от него продукты отправляются в Мамрух. В то же время мишлешцы засевают поля в Мамрухе, где в течение всего лета они ухаживают за посевами. Урожай осенью перевозится в Мишлеш, а скот целиком перегоняется в Мамрух, и вместе со скотом уходят все взрослые трудоспособные члены семьи[351].

Интересно проследить историю одного такого поселения. Селение Бехе Гочота (или Кусур-Динчи) Закатальского района, по преданиям, состояло в начале XIX века (до 1852 г.) из 4 хуторов, стоявших на некотором отдалении друг от друга[352]. Кстати, эти полевые данные о существовании 4 хуторов, которые в 1852 г. при насильственном переселении жителей из горного Кусура были объединены в один, подтверждаются и современниками, которые говорят, что «кусурцы имели 4 хутора, один и сейчас существует (Комурди-уба. – *Х. Ш.*), от 3 остальных остались следы»[353]. Хутора эти были следующие:

1. *КIомурди-уба* (авар. – «квартал Томурал», т. е. джурмутцев). Самый крупный хутор, в который были заселены жители остальных трех хуторов. Здесь же располагалась сельская Джума-мечеть. В этом квартале жили тухумы: *КIомурал*, *Тониял*, *КIотIошал*, *Шихмаял*, *НацIал*.
2. *Мотокъ-уба* (авар. – «квартал Мотоковых»). Здесь якобы было около 25 домов, в основном принадлежавших тухуму *Мотокъал*.
3. *Исмазул-уба* (авар. – «квартал Исмаевых»).
4. *Огболизул-уба* (авар. – «квартал Огболиевых»)[354].

Кусурцы, по словам их поверенных, «9 месяцев живут здесь», т. е. в Бехе Гочота, а «3 месяца – в горах» – горном Кусуре[355]. В материалах ЗСПК при этом

---

[351] *Агларов М. А.* Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 207.
[352] Омарова Хава (1931 г. р.), жит. сел. Кусур Рутульского района.
[353] ЦИАГ. Ф. 1585. Оп. 1. Д. 5. Л. 76об.
[354] ПМА. Рутульский район РД. 16.08.2007 г.

довольно подробно обрисован сезонный характер хозяйствования кусурцев, живущих на хуторах близ Алазани: «При наступлении жаров кусурцы с семействами перебираются в горы [в Кусур] и, устроивши их там, возвращаются для уборок созревших ржи и ячменя. Потом возвращаются в горы; в конце августа мужчины опять спускаются в хутора и убирают просо; некоторые остаются там уже до весны, а большая часть возвращается за семьями и спускается уже в середине сентября. Тогда производится молотьба снятого хлеба и распашка полей для нового посева»[356]. Впрочем, «переселяются в Таначи не все кусурцы, в прошлом (1870-м. – *Х. Ш.*) году оставались (в Кусуре. – *Х. Ш.*) два полных семейства и 9 семейств без мужчин. Все эти семейства смотрят за тем, чтобы не налетал снег на крыши, и за очистку его получают по 1 рублю за каждую крышу. Кроме того, им оставляют несколько коров, которых они кормят своим сеном, а если свое сено выйдет, то берут оставшееся у других жителей по умеренной цене»[357].

Интересен и график традиционной перекочевки стад кусурцев. В апреле стада выступают с зимних пастбищ, расположенных в долине реки Иори, где у кусурцев – еще до прихода русских в Закавказье – находилось 5 пастбищных мест, и с Самуха – местности, расположенной вдоль реки Кура ниже впадения в нее Алазани, в районе современного города Мингечаур. Путь из долины Иори в Динчи занимает 4 дня, а с Самуха – 8. Апрель и май, до 20-го числа, кусурцы проводят в Динчи, т. е. на своем хуторе Бехе Гочота. Числа 20 мая, выйдя из Динчи, стада начинают постепенно перегонять на летние пастбища в долине реки Самур, т. е. вокруг старого селения Кусур. Из Динчи через перевал Динди сюда приходят на 11-й день[358].

Вплоть до начала XX в. Бехе Гочота не имел официального статуса, считаясь временным поселением кусурцев. В 1901 г. Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края военного народного управления запустила процесс признания приалазанского поселения кусурцев самостоятельным поселением и перевода его жителей под юрисдикцию

---

[355] ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 70.
[356] Там же. Ф. 1585. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.
[357] Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 9. Л. 28об.
[358] Там же. Л. 27об.

администрации Закатальского округа. Управление округа, «считая целесообразным» передать из ведения Самурского округа под их управление селения Джимджимах и Агдамкалал, отмечало: «вместе с тем, кроме вышеозначенных поселков, проживают в Закатальском округе жители других селений Самурского округа, а именно: 1) селения Кусур в числе 101 дыма, они с давних времен образовали в местности Таначи особый поселок «Кусур-Таначи», в коем имеют полное крестьяне обзаведение и проживают здесь в течение 9 месяцев в году и только на 3 летние месяцы уходят в горы, в свое селение Самурского округа»[359]. На основе вышеизложенного руководство Закатальского округа считает целесообразным и их «причислить» к Закатальскому округу. Процесс этот затянулся вплоть до июня 1907 г.[360]

Кроме вышеуказанных видов хуторов (сезонные переселенческие поселки – кутаны аварцев и цахур) в Цоре существовали и сезонные летние хутора коренных джарских аварцев, расположенные на альпийских пастбищах. В частности на ответвлениях хребта Гумзул-гор к северу от сел. Джар находятся летние пастбища и сезонные хутора селений джарского общества. Летний стан селения Тлебел-уба называется *Мусал гуд* (зак. диал. авар. яз. «холм Мусы»). Стан расположен на высоте около 1 840 м, в 1 км к северу от голодинского кладбища. Летний стан селения Джар называется *Гъуриял авахIал* (авар. «глубокие пустоши» или «пустоши, расположенные в ущельях»). Расположен он в 700 м к северо-востоку от горы Каликатнаб-меэр, на высоте 2 050 м над уровнем моря. Их же стан *Хунзсвернакь* расположен также на хребте Гумзул-гор в 300 м к северу от вершины Хунзсвернаб-меэр. Между двумя джарскими станами около 2,5 км. Летний стан селения Мацих называется *Къайзахъ* (авар. «в стойбищах»). Расположен в 1,5 км к западу от горной вершины Гумзул-гор и в 5 км от Голода, на высоте 1 800 м. Летний стан селения Динчи расположен в 1,5–2 км к востоку от горной вершины Хунзсвернаб-меэр, на высоте 2 150 м. На восточной окраине голодинского кладбища по дороге к горе Каликатнаб-меэр расположен летний стан жителей селения Ахвах-дара под названием *ГIахьахъ-паж* (авар. – «ахвахцев пастушеский

[359] ЦИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 281. Л. 22.
[360] Там же. Л. 42.

домик»). В 300 м к востоку от Хунзсвернаб-меэр на высоте 2 250 м есть также животноводческий стан *Динчилъул паж* (авар. «динчибцев пастушеский домик»)[361].

Кроме того, у голодинцев были хутора на обширных горных пастбищах вокруг их селения, использовавшиеся также в качестве укрытий для женщин и детей во время нашествий Надир-шаха и других завоевателей. К примеру, к северу от Голода на горном хребте Веркетел располагался один из таких хуторов. Кроме хозяйственных целей он, по всей видимости, использовался и как убежище. К примеру, во время второго похода отрядов Надир-шаха на Цор в 1738 г. хиджры джарцы и уроженцы других сел Цора, пришедшие в Голода в поисках убежища для своих семей, «решили отправить свои семьи на самую вершину горы Веркенид, а мужчин вернуть в деревню для ведения войны»[362]. Этим обусловлено появление топонима «Веркетель-бина»[363] (авар. *бина* – «постройки» или «хутор»; происходит от арабского *мина* – «дом», «строение»). Веркетелский стан расположен у верхнего края леса, на хребте Веркетел-гвел, на высоте 2 050 м. Напротив него расположен стан Гуриял-авахал – их разделяет ущелье реки Веркетел-ор. В 3 км к юго-западу от него расположено городище Голода. В 1,5 км к северо-востоку от Веркетелского стана, на высоте почти 2 400 м. расположено стойбище *Кьилида-паж* (авар. «на седле – пастушеский домик»). Исторически принадлежит джарцам, но последние годы используется пастухами цахурского селения Али-Байрамлы. И, наконец, в верховьях реки Калада-ор, притока Веркетел-ор, находится небольшое горное плато, на котором расположен летний стан джарцев – *КIаладухъ* (авар. «у ущелья»). Здесь же – егерский дом Закатальского заповедника (*КIаларокъ*) и в 200 м к северо-западу от него – кладбище *КIаладухъ-хобал* (авар. «у ущелья – кладбище»)[364].

На определенном этапе исторического развития на смену небольшим родственным поселениям пришли крупные территориально-родственные селения. Глубоко зашедший процесс разложения патриархально-родовых отношений, развитие производительных сил, образование крупных политических объединений

---

[361] ПМА. Закатальский район АР. 27.06.2009 г.
[362] Хроника войн Джара в XVIII столетии... – С. 23–24.
[363] *Гаджиев В. Д., Алекперов Х. М., Эфендиев М. Р., Мустафаева Р. К.* Закатальский заповедник. – М., 1985. – С. 9.
[364] ПМА. Закатальский район АР. 27.06.2009 г.

вызвали ослабление родственных связей, распад больших семей, большую индивидуализацию личности и постепенное разрушение принципа компактного тухумного поселения. Эти общественно-экономические изменения привели к образованию новой поселенческой структуры на территории Аварии и существенно изменили характер расселения. Начался процесс постепенной урбанизации – исчезновения мелких поселений, расположенных в менее укрепленных или выгодных с хозяйственной точки зрения местах и укрупнения удобно расположенных поселений, в которые подселяются жители «неперспективных» населенных пунктов. Этот процесс ускоряли иноземные вторжения, которые приводили к разрушению множества мелких населенных пунктов, жители которых в дальнейшем предпочитали селиться в более укрепленном и крупном поселении, которое лучше может гарантировать сохранение жизни и имущества его жителей.

Отчасти вышеуказанные тезисы подтверждают сведения средневековых арабских авторов, согласно которым царство Сарир, расположенное между аланами и Дербентом, «заключает в себе 18 000 сел; Арран – первое царство в Армении, и в нем 4 000 сел; а большая часть их – села Сахиб-ас-Серира»[365]. Эта цитата говорит о том, что в состав аварского государства Сарир входил и Цор, который географически считался частью Аррана. Более того, в составе 18 тысяч преимущественно мелких населенных пунктов Сарира насчитывалось и не менее 2 тысяч поселений, расположенных в Цоре.

Однако в некоторых регионах горной Аварии, как и в отдельных ущельях Цора, сохранилась средневековая система расселения, для которой характерна дисперсность проживания населения на множестве родовых хуторов. В горной Аварии наглядным примером может служить Куядинское общество, которое, будучи расположено в небольшой горной котловине размерами 8 на 3 км, состоит из более чем 40 хуторов. В Цоре примерами такого расселения служат поселения на небольших возвышенностях в Ахвахском ущелье к западу от Джара. В небольшом горном ущелье здесь расположены 5 родовых поселений: Джини-тахида, Куса-тахида, Кара-тахида, Лачин-тахида, Лачин-хев. Такие мелкие

[365] Из книги о странах, Ибн-ал-Факиха ал-Хамадания. Повествование о Адербейджане // СМОМПК. – Тифлис, 1902. Вып. 31. Ч. I. – С. 23.

поселения есть и в других ущельях, так, например, в Джарском ущелье Тарих и Акаван. Поселение со схожим названием (*АхIмал-тахида*) есть и в ущелье реки Гимбул-ор (авар. – *Гьимбул-гIор*), выше сел. Гарагиб. Официальным статусом оно не обладает, но здесь живут около 15 семей – уроженцев сел. Гарагиб (*Тосал*, *Джинихал*, *ГIумарал*, *ГIариштIиял* и 1 семья *Лъебелал*, т. е. уроженцев Тляратинского района)[366].

Приводя мнения дагестанских этнографов по вопросам типологии поселений, конечно же, невозможно согласиться с характерными для некоторых авторов советского периода тезисами о выделении наряду с образцами поселений «свободных общинников» поселений «крепостных крестьян классических феодальных государств»[367]. Дело здесь и в том, что, в отличие от других регионов мира, где государства и их правители обладали мощным репрессивным аппаратом, в Дагестане и Цоре у правителей таких возможностей не было, и при здешней степени феодальной эксплуатации невозможно говорить о формировании отдельного типа поселений, как то имело место, к примеру, в Малой Азии в первых веках нашей эры[368]. Другое дело, что система феодальных отношений не могла не отражаться на характере поселений, на что обратил внимание А. Исламмагомедов. В частности он видит взаимосвязь между стремлением к сохранению обороноспособности в поселениях с особенностями развития феодализма в горных областях, слабостью государственных образований, большой ролью сельской общины в политической жизни общества[369]. Также к числу проявлений феодальных отношений в расселении у аварцев стоит отнести появление на рубеже I–II тысячелетий на труднодоступных вершинах гор, лишенных элементарных условий жизни, многоэлементных сооружений, в комплекс которых входят и башни. Эти сооружения связываются в народной памяти, и, думается, не без оснований, с местными владетелями – наместниками нуцала. Подобное расселение – выделение в обособленное поселение (укрепленные замки) феодальных

---

[366] ПМА. Закатальский район АР. 28.06.2009 г.
[367] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Указ. раб. – С. 104.
[368] *Голубцова Е. С.* Сельская община Малой Азии III в. до н. э. – III в. н. э. – М., 1972. – С. 19–20.
[369] *Исламмагомедов А. И.* Отражение феодальных отношений в характере поселений… – С. 71.

владетелей – отражает, как считает А. Исламмагомедов, социальную дифференциацию и классовую борьбу в этих районах[370].

Также нельзя не отметить, что во всех предложенных дагестанскими этнографами вариантах поселенческой типологии не нашло отражение городское поселение. Дело в том, что исходная единица такого деления – человеческое поселение – делится на городские и сельские поселения. Уже далее, в городских поселениях различаются город и городской поселок, а в сельских – поселения несельскохозяйственного профиля и села[371]. Исследователи поселенческой культуры дагестанских народов (в частности А. Исламмагомедов, касаясь вопроса типологии поселения на территории горной Аварии[372], или М. О. Османов, обращаясь к аналогичному вопросу в рамках всего Дагестана[373]) вообще не рассматривают город как один из типов традиционного дагестанского поселения. Имеется лишь одно комплексное обобщающее исследование М. С. Гаджиева[374], посвященное проблеме древнедагестанского города (в албано-сарматский период), акцентируется внимание на необходимости рассматривать административно-политические центры Дагестана, именуемые в письменной и устной традициях термином *шагьар,* в качестве городов.

Между тем наиболее крупные городища, занимавшие выгодное положение на торговых магистралях и в рамках общинных союзов – «горских республик», могут быть рассмотрены в качестве протогородов. Обычно под этим термином понимается некая зачаточная форма собственно города, отличающаяся от его более зрелых, окончательно определившихся форм не столько качественно, сколько количественно, т. е. по степени выраженности одних и тех же признаков или в более редких случаях – по полноте их «ассортимента». Эти так называемые протогорода выступают экономическими, политическими и идеологическими

---

[370] Там же. – С. 71–72.
[371] *Алаев Э. Б.* Экономико-географическая терминология. – М., 1977. – С. 82–83.
[372] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 147.
[373] *Османов М. О.* К вопросу о типологии поселений Дагестана (XVIII – первая половина XIX века) // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию основания ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2004. – С. 211–215.
[374] *Гаджиев М. С.* Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. – М., 2002. – С. 246–247, 250.

центрами определенного района, округа[375]. Их население в основной своей массе оставалось членами поземельных общин и продолжало заниматься земледелием и скотоводством. Согласно М. С. Гаджиеву, археологические данные свидетельствуют о тесной связи раннего города Дагестана и Кавказской Албании с сельским хозяйством, которое являлось его экономической базой наряду с ремеслом и торговлей. Они же говорят о незавершенности процесса «общественного разделения труда между земледелием и ремеслом, который приводил к возникновению противоположности между городом и деревней»[376].

Показателем города разные ученые называют различные признаки. В. М. Массон, например, определяет город как крупное укрепленное поселение с населением не менее 5 тыс. чел., являющееся центром сельскохозяйственной округи и центром ремесла и торговли[377]. И. М. Дьяконов для междуречья Тигра и Ефрата II тыс. до н. э. определяет город как центр сельскохозяйственной округи и общинных органов самоуправления и резиденцию государственной администрации и религиозно-идеологический центр[378]. В настоящее время получило распространение определение города, основанное на численности жителей поселения свыше 5 тыс. человек, помимо наличия монументальной архитектуры и письменности (или наличия производственных центров) и ядра города – цитадели[379].

Такие региональные или более крупного масштаба центры, которые можно назвать городами, постепенно трансформировались из ранних форм города на территории Кавказской Албании (и собственно Алазанской долины), как можно полагать на основании археологических данных и свидетельства Клавдия Птолемея

---

[375] *Андреев Ю. В.* Ранние формы урбанизации // Вопросы древней истории. – 1987. – №1. – С. 10.
[376] *Гаджиев М. С.* Древний город Дагестана… – С. 250.
[377] *Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка) // Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. – М., 1966. – С. 163–164.
[378] *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э.: (По материалам Ура) // Древний Восток. Вып. 1: Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). – Ереван, 1973. – С. 31.
[379] *Массон В. М.* Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. – Л., 1980. – С. 181; *Childe V. G.* The Urban Revolution // Town Planning Review. – Liverpool, 1950. V. 21. – P. 3–17.

о населенных пунктах (городах и селах) Кавказской Албании (Ptol. Geogra. V. ЛЛ. 2–6), сложились в Алазанской долине к началу н. э.

В этой историко-географической области письменные источники раннесредневекового периода указывают на существование, в частности, «укрепленного города Цри» (дословно – «город-крепость Цри»), упоминаемого при описании событий IV–V вв.[380], который идентифицируется с современным селением Джар Закатальского района[381].

Помимо города Цри, который выступал центром «страны чилбов», Мовсесом Каланкатваци упоминается в связи с событиями конца VII в. в Алазанской долине и анонимный «город лпинов», являвшийся, по всей видимости, административно-политическим центром «страны лпинов». Этот анонимный город, может быть, следует отождествлять с известным позднее городом Эрети или Хоранта, упоминаемым грузинскими источниками, и в частности Вахушти Багратиони: «А выше соединения Куры и Алазани, к северу, притекает в Алазань Малая Алазань или Иора, и между их слиянием находится Герети (Herethi), город, который основал Герос и назвал своим именем; через это получила имя и эта страна, и теперь это место называют Хоранта, и был тут город с крепостью до Кру[382] и Берки, затем разорился и теперь находится в запустении»[383]. Локализация города Хоранта как центра Эрети в устье реки Иори, при слиянии ее с Алазани, предложенная еще Вахушти Багратиони, поддержана современными грузинскими исследователями[384]. По всей видимости, по сложившейся исторической традиции после разорения города арабским полководцем Мерваном ибн Мухаммадом Хоранта вновь возродилась и окончательно пала в период монгольского господства[385].

В верховьях р. Арши-ор (*Арешис-цкали*, приток Алазани) у подножья отрогов Главного Кавказского хребта Л. Чилашвили выявлено городище, с которым

---

[380] *Мовсес Каланкатуаци*. Указ. раб. – С. 38.
[381] Об этом см. *Хапизов Ш. М*. Поселения Джарского общества... – С. 19–20.
[382] Кру (груз. – «глухой») – прозвище арабского полководца Мервана ибн Мухаммада, завоевавшего в 730-х гг. Закавказье.
[383] *Вахушти Багратиони*. География Грузии… – С. 103.
[384] *Папуашвили Т. Г*. Вопросы истории Эрети… – С. 313–316.
[385] *Мровели Леонти*. Указ. раб. – С. 45. Прим. 23.

отождествляется Ареши – древний населенный пункт царства Эрети[386]. Рядом с Ареши[387] расположены развалины другого подобного городища – Гавази[388]. Опираясь на результаты археологического изучения верховий рек Аван-ор (Аванис-цкали) и Шара-ор (Шорохеви), в междуречье которых расположено Гавази, Л. Чилашвили приходит к выводу об освоении этой благодатной территории еще с бронзового века. Строительство здесь в VI в. раннехристианского храма явно выделяет Гавази среди аналогичных поселений левобережья Алазани[389]. Однако периода наибольшего расцвета Гавази достигает, по всей видимости, в X–XIV вв. Этим периодом, в частности, датируется большинство находок в аграрном районе (сельскохозяйственной округе) Гавази – Копалэ. Остатки развитой оросительной системы (орошаемая площадь между реками Аван-ор и Шара-ор составляла до 1 200 га), мастерские, сельхозинвентарь, закопанные в землю большие кувшины для вина (груз. *квеври*) и др. свидетельствуют о высоком уровне развития сельского хозяйства[390]. К этому времени относится и упоминание Ареши и Гавази как крупных населенных пунктов Эрети[391]. Спустя несколько лет после нашествия в 914 г. в Грузию арабов под предводительством Абул-Касима владетель Кахети Квирике и правитель западной Грузии Константин начали осаждать эретскую крепость Веджини на границе с Кахети. Царь Эрети патрикий Адарнарсе (906–943 гг.) запросил мира, предложив отдать Константину Ареши и Гавази («Ариши и Гавазни»), а Квирике – Орчоби[392].

В. И. Керимов отмечает, что «некоторый упадок можно проследить в течение VII–VIII вв. н. э. Однако на IX–XIII вв. н. э. приходится наивысший расцвет не

---

[386] *Чилашвили Л. А.* Дзвели Гавази (историко-археологическое исследование). – Тбилиси, 1975. – С. 99 (на груз. яз., резюме – на русском).

[387] До 1944 г. здесь было расположено аварское село Ареши (авар. *ГIаршиб*), а после переселения аварцев в Чечню оно было заселено грузинами из сел. Хизабавра Аспиндзского района и переименовано в Мтисдзири (груз. – «предгорье»). Ныне в составе Кварельского района Грузии.

[388] Ныне сел. Ахалсопели (груз. – «новое село») Кварельского района. Современное селение основано в 1852 г. В XVIII–XIX вв. здесь располагалось зимнее поселение анцухцев – Бежаниани, а до 1732 г. (разорения его газикумухским ханом Сурхаем II) – крупное грузинское селение Гавази или Дзвели Гавази (груз. – «старый Гавази»).

[389] *Чилашвили Л. А.* Дзвели Гавази… – С. 110.

[390] Там же. – С. 101–103.

[391] Картлис Цховреба (История Грузии)…– С. 144.

[392] Там же.

только северо-западной области, но и на всей территории (бывшей. – *Ш. Х.*) Кавказской Албании»[393]. Территория Цора заселена в этот период достаточно густо. Жизнь продолжается как в значительной части поселений, существовавших в позднеантичное и раннесредневековое время, так и во вновь возникших поселениях. Именно в это время обживается Цор, возводятся крепости, строятся монастыри и храмы. Целый ряд прежних небольших поселений превращается в городища и религиозные центры. Именно в это время монументальная архитектура данной области переживает свой расцвет, строятся и перестраиваются такие сооружения, как монастырский комплекс в Леките, Кишский храм, базиликальный храм в сел. Кум. Активно функционирует караванный путь, на трассе которого строятся в большом числе караван-сараи. После монгольского завоевания территории Цора начинается период упадка в северо-западной области и, хотя в XIV–XVI вв. наблюдается некоторое возрождение данной области, все же упадок в целом несомненен. Часть поселений со своими религиозными центрами прекращают свое существование, остальные резко сокращаются в размерах. Постепенно перестает функционировать ряд храмов и церквей[394].

Касаясь вопроса городской культуры в Цоре, отметим, что хозяйственно-экономическое развитие края было решающим фактором, определяющим ее уровень. Отдельные памятники эпохи античности и раннего средневековья зафиксированы в нескольких пунктах Алазанской долины. В это время на данной территории существовали достаточно крупные поселения. Следует обратить внимание на то, что существовавшие в Цоре монастыри и храмы (Лекит, Кебец, Пипан, Киш, Зейзит, Бидеиз, Кунгут, Джалут и др.) концентрируются в непосредственной близости от городищ и поселений[395]. В более поздний период (вплоть до начала XIX в.) поселениями городского типа в Цоре можно назвать Джар, Билкан, Тала и Елису[396], которые выполняли роль административно-политических центров, являлись сосредоточием ремесленных мастерских, а также торговыми центрами.

---

[393] *Керимов В. И.* Указ. раб. – С. 68.
[394] Там же.
[395] Там же. – С. 67–68.
[396] *Летифова Э.* Указ. раб. – С. 159.

Почти все указанные культовые центры, что интересно, были расположены в предгорной зоне Цора, что объясняется наилучшими природно-климатическими условиями этой зоны Алазанской долины. Здесь же располагались и наиболее крупные поселения и экономические центры региона. Такая высотная градация характерна и для других регионов Восточного Кавказа. К примеру, С. Агаширинова находит прямую связь между природно-климатическими (рельефными) зонами расселения лезгин и наиболее распространенным типом поселения. Если в горной зоне это, в основном, крупные селения с многовековой историей, то в равнинной зоне большинство поселений – это бывшие хутора и отселки, образованные в XVIII–XIX вв. В предгорной же зоне встречаются оба типа поселения[397]. Такую же картину мы наблюдаем и в Цоре.

Прежде чем приступить к типологии форм поселений Цора, нужно еще раз отметить, что форму поселения здесь определяли зональность, рельеф селитебной территории, тип поселения. Среди традиционных форм поселений аварцев в горном Дагестане выделяются: кучевая, хаотично-ступенчатая, террасообразно-ступенчатая, смешанная и горизонтальная, которые менялись в процессе развития поселения. При всех формах соблюдались определенные принципы планировки, необходимые для нормального функционирования элемента быта[398]. Главным образом их распространение зависело от рельефных особенностей расположения населенного пункта. На примере даргинских селений М. Османов показывает четкую взаимосвязь между «вертикальной зональностью» и формой поселений. Если для горного аула была характерна скученность жилых построек и террасообразная застройка, то на равнине каждый дом имел свой двор, часто садовые участки, и потому занимал значительную территорию[399]. В источниках XIX в. можно встретить наблюдения авторов по этому поводу, сделанные на основе цорского материала: «К усадьбам причисляются жилые постройки с двором, корухи или поливные сенокосные места и сады. В горном магале и горных селениях они состоят из одних тесных построек и малых двориков; в подгорной

---

[397] *Агаширинова С. С.* Поселения лезгин в XIX – начале XX в. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1959. Т. VI. – С. 234–240.
[398] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 169, 177.
[399] *Османов М.-З.* Поселения даргинцев в XIX–XX вв. ... – С. 230.

полосе, кроме жилищ, величина подымной усадьбы составляет 1/3–1 десятину, ниже на плоскости – 3–4 десятины»[400].

В XVII – начале XX в. в Цоре основными формами поселения были следующие: **скученная** (сюда входят и скученно-террасная, кучевая или гнездовая и скученно-квартальная формы), **усадебно-разбросанная** и **уличная**.

Скученная (кучевая) форма характерна для тухумного типа поселений, расположенных на укрепленных возвышенностях, выступах скал. В горном Дагестане они обычно находятся в высокогорье, но в Цоре такие поселения встречались и в предгорье. Обычно селения кучевой формы бывают небольших размеров, и планировка домов в них не подчиняется какой-то системе. Это нагромождение построек на относительно небольшой территории. Дом построен там, где есть возможность прилепить его, хотя это связано со многими неудобствами: теснотой, трудностью подхода к нему, отсутствием поблизости воды. Основным элементом поселения кучевой формы является глухой дом, дом-крепость – замкнутый комплекс жилых и хозяйственных помещений. Для большинства поселений характерны многоэтажные каменные дома, тесно прижатые друг к другу, с размещением жилых и хозяйственных помещений в вертикальном плане, составляющие единый ансамбль, крепость. Такая планировка была оптимальной в условиях острого малоземелья и военной опасности, но в бытовом отношении она неудобна – в домах мало солнечного света и тепла. Здесь форма поселения была обусловлена рельефом местности, в этих селениях не было никаких улиц в настоящем понимании этого слова, кварталы были отделены узкими переулками, по которым с трудом могла проехать нагруженная лошадь. Характерными для скученно-террасной формы можно считать селения Цараки (Сарыбаш), Сувагил, Цилтаб, Сахилаб, Сагнаг, Буцрах и т. п. Кучевое поселение с характерной планировкой является наиболее древней формой поселения в Аварии[401]. Среди этой формы поселений встречаются: кучевая-круговая (вокруг выгона, площади, гумна), кучевая-рядовая или линейная (по берегам, в долинах рек).

---

[400] *Бакрадзе Дм.* Указ. раб. – С. 22.
[401] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 170.

Наиболее распространенной формой поселения в горном Дагестане являлась **ступенчатая** (террасообразно-ступенчатая, ярусная). Она встречалась во всех природно-географических зонах, но наиболее характерна для нагорья, где поселения обычно расположены на склонах гор. Дома, плотно прижимаясь боками друг к другу, тянутся по склону горизонтальной линией, следующий ряд домов расположен параллельно первому, и так несколько рядов. В результате образуется террасообразно-ступенчатая форма поселения. Если даже дома образуют линию не четко горизонтальную, ровную, то характерная форма складывается, и можно посчитать ряды-ступени поселения. Например, если смотреть с юга, в Чохе таких этажей-ступеней (террас) 25, в Ураде – 22, в Гочобе – 20, в Гоцатле – 20, в Кикуни – 16. Многие исследователи, путешественники, видевшие такие селения, сравнивали их с амфитеатром. Когда дома на склоне не создают линию, они расположены беспорядочно, зигзагообразно, если и есть ряды – террасы, они изгибаются, прерываются, складывается беспорядочная ступенчатая форма. Таких селений у аварцев большинство (Согратль, Ругуджа, Гергебиль, Араканы, Кахиб, Кудутль, Тидиб, Гачада, Хадиял, Цумилух и др.). Ступенчатая форма характерна в основном для поселений крупных размеров, сложившихся как территориально-тухумные[402]. В других регионах Кавказа, к примеру, в Армении, этот тип застройки получил также название ярусного. Как отмечают авторы, в условиях горного рельефа кучевой и в еще большей степени компактно-слитный тип застройки принимал вид ярусного расположения домов, при котором крыша одного дома служила двором для другого, расположенного выше по склону. Следует отметить, что специфика компактно-слитной застройки заключалась в большинстве случаев в непосредственном примыкании друг к другу домов не столько по горизонтали, сколько по вертикали. Тем самым можно говорить об определенной корреляции компактно-слитного типа застройки с ярусным расположением домов, т. е. террасообразным типом застройки[403].

Террасообразно-ступенчатая форма застройки поселений в прошлом встречалась в Цоре чаще, но уже после неоднократных разрушительных походов Надир-шаха почти все горные поселения были разрушены. Самое крупное

---

[402] Там же. – С. 170–171.
[403] Культура жизнеобеспечения и этнос... – С. 119.

поселение такого рода в Цоре – Голода – так и не восстановилось после разрушения Надир-шахом в 1741 г.[404] После этого разрушения Голода превратилась в джарский хутор. Как пишет Вахушти Багратиони, в ущелье реки Мазум-ор также находилось поселение «чарцев», «но и их истребил шах Надир, и теперь остается в разорении»[405]. Данное поселение, судя по его остаткам, будучи расположено на южном склоне горы, также имело террасообразную форму.

Поскольку террасообразно-ступенчатая форма застройки характерна именно для горных поселений дагестанцев, то одновременно с исчезновением большинства горных поселений Цора стала редкостью и подобная застройка. В Цоре во второй половине XIX в. пожалуй, только селение Цараки (Сарыбаш) в Кахском районе можно назвать селением, отнести к населенным пунктам подобного типа. Как пишет автор конца XIX в., селение было расположено у подножья перевала, ведущего в горный Дагестан: «Дома, построенные из шиферных плит, с плоскими крышами, террасами прислоняются к горе, вследствие чего аул близко походит видом на дагестанский»[406].

Необходимо отметить, что кучевая форма поселений в прошлом имела большее распространение на Кавказе. К примеру, на Малом Кавказе кучевая или гнездовая форма даже являлась преобладающей[407]. Обусловлено это было преимущественно скотоводческой специализацией хозяйства и малыми размерами поселений. Как подчеркивает К. Т. Каракашлы, изучавший западно-азербайджанский материал, в регионе были распространены поселения, которые расположены кучками или гнездами по родственным признакам, причем каждая кучка не так давно находилась на порядочном расстоянии от других. По мнению исследователя, кучевая или гнездовая форма является одной из начальных стадий, через которую прошли почти все селения в своем развитии[408]. Подобный процесс слияния родственных гнезд с последующим образованием крупного поселения можно наблюдать в крупном аварском селении Динчи в Закатальском районе. В 1830-м году после разрушения метрополии (Джара) его жители расселились на

---

[404] ЦIоралъул аваразул рагъазул тарих… – Гь. 75; *Саидова П. А*. Чарско-белоканские говоры… – С. 4.
[405] *Вахушти*. География Грузии… – С. 115–118.
[406] *Ган И. Ф*. Указ. раб. – С. 63.
[407] *Каракашлы К. Т*. Указ. раб. – С. 37.
[408] Там же.

родовых хуторах, которые, постепенно разрастаясь путем застройки земель между окраинными хуторами и центральной мечетью, превратились в единое крупное поселение. До 10 родовых хуторов, имевших гнездовую или кучевую форму застройки, постепенно слились воедино и, образовав единую систему внутрисельских дорог, постепенно перешли к другой форме расселения. К этому случаю вполне применима характеристика В. П. Кобычева, данная аналогичным процессам в Кабарде. По его словам, в новых укрупненных селениях долгое время сохранялись следы прежней обособленности отдельных их частей, выражавшейся в раздельном поселении фамилий, в наличии нескольких кладбищ в одном селении и особых наименованиях для разных кварталов и концов селения. Характерен пример образования сел. Баксан в 1860-х гг. путем сселения сюда мелких горных поселков, располагавшихся отдельно в нескольких сотнях метров друг от друга и имевших свои кладбища, мечети и прочие общественные учреждения. Со временем фамильные поселения разрослись и превратились в обычные кварталы[409], что произошло в Динчи и некоторых других селениях Цора.

Такую форму поселения можно назвать **улично-ветвистой** (термин, принятый больше в Дагестане) или **усадебно-разбросанной** (термин, характерный для закавказских исследователей). Такая форма поселений была известна в земледельческо-садоводческих зонах. В регионе, расположенном на южных склонах Большого Кавказа, в который входит и Цор, населенные пункты занимали большие площади. Обычно в таких поселениях имеется более или менее выраженный центр поселения с комплексом административных, культовых и торговых зданий. В вышеупомянутом селении Динчи – это квартал Тукабил (авар. «магазины»), в котором находятся Джума-мечеть, администрация села, бывшая канцелярия колхоза, магазины, банкетный зал и другие общественные здания. Расположены они в центре села вдоль осевой автодороги, ведущей из райцентра Закатала в Динчи и далее в селение Бехе Чардах близ реки Алазани. От этого административного центра в разные концы селения ведут дороги, вдоль которых тянутся жилые дома с примыкающими к ним огородами, хозпостройками и садами.

---

[409] *Кобычев В. П.* Города, селения, жилище // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.). – М., 1968. – С. 94.

В этом регионе усадьбы размещаются на большом расстоянии друг от друга, из-за чего и селения занимают большую площадь и растянуты иногда на много километров. К примеру, в Белоканском районе размерами занимаемой под жилую застройку земли отличаются Катих (растянуто на 10,5 км в длину вдоль одноименного ущелья и выходит далее на приалазанскую равнину), Ханапи (7 км), Шарип (6 км), Шамбул (6 км), Халатала (5 км), в Закатальском – Джар и Эхеди Тала (по 5,5 км). В таких селениях дома утопают в зелени, они окружены со всех сторон фруктовыми садами или пашнями. Селения широко раскинулись по берегам рек или шоссейных дорог (такие селения можно считать одновременно и уличной, и рядовой формой поселений). Усадьбы, расположенные без всякой системы, нередко отстояли одна от другой на расстоянии 150–200 м и больше. Центральное место в селении обычно занимает мечеть. Жилые помещения стоят изолированно от хозяйственных, расположенных в глубине двора. Усадьба окружена невысоким каменным забором. Как замечает А. Исламмагомедов, говоря об аварских предгорных селениях в Дагестане, «нельзя сказать, что эти селения подчиняются строгой единой планировке, но они отличаются по сравнению с горными поселениями большей правильностью рядов, прямотой и шириной улиц. Вдоль главной улицы, которую можно легко определить, дома поставлены правильными рядами»[410]. Большинство крупных поселений Цора построены так же, как и вышеописанные предгорные поселения северной части Аварии: «Белоканы, большое селение, населенное лезгинами, приятно поражает своей чистотой. Красивенькие двухэтажные каменные домики с высокими крышами и замечательно маленькими отверстиями для окон и дверей, округленными сверху, стоят среди большого двора, покрытого дерном и окруженного каменной оградой. Рядом и за домом простираются сады. Таким образом, эти лезгинские деревни раскинуты на большом пространстве»[411]. Другой автор XIX в. также описывает аварские равнинные селения Цора: «Селение выстроено беспорядочно; дома стоят в густом лесу, рассеянно, в довольно далеком один от другого расстоянии»[412]. Известный религиозный деятель шейх Шуайб Багинубский (умер в 1909 г.) также

---

[410] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 171–172.
[411] *Ган К. Ф.* Указ. раб. – С. 55–56.
[412] *Зубарев Д.* Указ. раб. – С. 555.

пишет, что «дворы в селах общества Джар ввиду обширности земель представляют собой широкие, большие пространства, расположенные непосредственно напротив дома»[413].

Если при планировке горных селений на улицу с обеих сторон выходили высокие стены, превращая их в своеобразный коридор, то в предгорных селениях улица застроена только с одной стороны. На улицу выходят с одной стороны задние или торцовые стены жилого дома, а на противоположную сторону – заборы. Как в горных, так и в предгорных в селениях ступенчатой и горизонтальной формы дома с одной стороны улицы, если она была протянута с запада на восток, выходили на нее фасадами, а с другой – задними сторонами.

Нередко на приалазанской равнине встречаются поселения, состоящие фактически из одной улицы, вдоль обеих сторон которой расположены усадьбы и хозяйственные постройки. Эта улица представляет как бы ось, на которую нанизано все поселение, из-за чего такая форма застройки получила название **осевой** или уличной. **Поселения такого плана** различались в зависимости от расположения их в микрорегионах Цора с различным рельефом. Например, в предгорье или в ущельях рек такие поселения размещались обычно по берегам рек, а на равнине – вдоль транзитной дороги. Почти все эти поселения возникли в 1830–1920-х гг. Характерные поселения такого плана – Нухбик, Гоабтала и Вохрабтала Макавского муниципалитета Закатальского района, которые возникли в 1830-х годах на базе хуторов сел. Джар и позднее выросли в крупные самостоятельные селения, выстроенные вдоль транзитных дорог, ведущих из предгорья к реке Алазани.

Встречаются в Цоре и поселения, застройка которых не подчинена какой-либо закономерности и представляет собой беспорядочное расположение усадеб, которые отделены друг от друга садами, пашнями и выгонами. Такая форма застройки была условно названа нами разбросанной. Чаще всего это небольшие стихийно возникшие поселения – хутора, однако встречаются и крупные селения, такие как Эхеди Чардах, которые представляют собой некую совокупность

---

[413] *Шуайб б. Идрис аль-Багини.* Табакат аль-хваджакан ан-накшбандийа ва сāдāт машайих аль-халидийа аль-махмудийа / подготовил к изданию Абд ал-Джалил ал-Ата ал-Бакри. – Дамаск, 1996. – С. 385 (на араб. яз.).

кварталов, состоящих из нескольких десятков домов, разбросанных в разных лощинах, выходящих к одной долине.

Также необходимо отметить, что по мере роста поселения в размерах во многих случаях застраивались относительно ровные места вокруг склона, и оно приобретало смешанную форму. Такая форма преобладает в предгорных районах: старая часть поселения находится на горке, склоне или в ущелье, имеет ступенчатую форму, а кварталы, образовавшиеся позднее на ровном месте, – горизонтальную[414]. То есть вся эта проведенная нами дробная классификация по формам носит в некоторой степени условный характер, ибо не во всех селениях и не всегда возможно определить одну конкретную, преобладающую форму. В каждом поселении можно найти элементы двух, а то и всех форм, которые порой трудно разграничить: разные части аула имеют разные формы. Эти части отражают этапы развития общества, а следовательно, и развития самого поселения. Известно, что за короткий промежуток времени, часто в зависимости от тех или иных социально-экономических условий, формы поселений претерпевают решительные изменения. Хотя следует отметить, что аварские поселения мало менялись на протяжении многих веков, они сохраняли характерные черты, форму, сложившиеся под влиянием особенностей предшествующей эпохи[415].

---

[414] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 171.
[415] Там же. – С. 173.

§ 2.3. Топография поселений

Рассмотрение сельского поселения в качестве определенной целостности предполагает вычленение в ней определенных элементов. В исторической ретроспективе в качестве таковых можно выделить следующие основные компоненты: а) селитьба; б) хозяйственные постройки; в) центр; г) культурно-бытовые учреждения; д) культовые объекты; е) оборонительные сооружения и др.[416] Существует также деление всей территории поселения в зависимости от хозяйственного использования различных ее компонентов: а) собственно жилая часть; б) подсобно-хозяйственная (приусадебные участки, центр села, культовые, культурно-бытовые объекты, мастерские); в) интенсивно-производственная часть (пахотные земли, сады, огороды, иногда сенокосы, мельницы, тока); г) экстенсивно-производственная часть (пастбища, сезонные поселения, леса, оборонительные сооружения)[417].

При рассмотрении одного из основных компонентов поселения – селитьбы или жилой части поселения – в более древних населенных пунктах Цора мы наблюдаем интересную особенность. Это сложение селитьбы из дворов, окруженных каменными стенами, в которых располагались хозяйственные постройки, сады, огороды. Таким образом, цорское поселение в прошлом состояло из большого количества земельных лоскутков, огороженных каменными стенами в человеческий рост и выше. Учитывая некоторую запутанность сельских улиц, для чужеземца такие поселения представляли собой сплошной лабиринт из улочек, по обе стороны которых выстроены каменные заборы – *жубур* (авар. *жубазе* – «сложить», отсюда *жубараб* – «сложенная (стена)»).

Такой характер раздела земельных угодий стал объектом внимания этнографа М. Агларова. Исследование им проведено на примере местности *Буцрахъ* (авар. *буцур* – «укрепление», «крепость», *буцрахъ* – «у крепости»), принадлежащей Игалинскому джамаату Гумбетовского района. В Буцрахе под пашни и сады, по мнению М. Агларова, земля была отведена явно компактно по решению Игалинского общества. Она была заранее распланирована, разбита на участки,

---

[416] Культура жизнеобеспечения и этнос… – С. 112.
[417] Там же. – С. 147.

наделы, были проведены огромные работы по расчистке земли от камней и укладке их в стены 2–3-метровой ширины и высотой от одного до трех метров. Эти стены не являются обычными подпорными. Они возвышаются над полями и разбивают все пространство на примерно равные прямоугольники и квадраты. Вся местность разделена стенами на три части. Безусловно, могучие стены, вытянутые в три полосы, служили прежде всего в качестве вместилищ для камня, выбранного в этой местности; промежуток между стенами использовался под дороги. Обследование швов основных стен не оставляет сомнений в том, что это сплошная и единовременная застройка. О времени возведения этих стен не осталось документальных свидетельств, не отложилось оно и в народной памяти, но остатки разрушенных стен заходят под дома отдельных кварталов селения. Они не поздние, даже не средневековые, а ранние, возможно, весьма древние, вечно обновляемые и поддерживаемые[418].

Там же М. Агларов проводит связь между такого рода сооружениями и сообщением сирийского автора V в. Захария Митиленского об укрепленных «фортификациями» полях в области Даду, которая отождествляется исследователями с юго-западной частью аварских земель[419]. Сириец, будучи знаком у себя на родине с террасным земледелием, не мог, естественно, перепутать аналогичные цорским и игалинским огороженные каменными стенами сельхозугодья с подпорными стенками террасных полей. Данная форма освоения сельхозугодий имеет аналогии в древней Греции (сохранились подобные поля у древнего Метапонта и Херсонеса). Данная форма первоначального освоения джамаатом определенной части своей территории (наделы, нарезанные стенами, стали частной собственностью) обусловлена надельной природой такого процесса.

Такую же форму имели как сами селения, так и сельхознаделы в подгорной части Цора. Так, например, «собственно Закаталы составляют только часть большого селения Джары, раскинутого в глубоком ущелье. Это селение тянулось верст на восемь и представляло собой целый лабиринт извилистых улиц, где каменные сакли и густые фруктовые сады, окруженные заборами, образовывали

---

[418] *Агларов М. А*. Сельская община в Нагорном Дагестане… – С. 47.
[419] *Пигулевская Н. В*. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1941. – С. 216.

целый ряд небольших крепостей, способных выдержать самый отчаянный приступ. Чем больше деревня углублялась в ущелье, тем чаще становились заборы, а пролегавшая между ними дорога – теснее и хуже»[420].

Как пишет автор XIX в., аварцы Цора «живут лучше своих соплеменников; деревни их тянутся на значительное расстояние и раскинуты по живописным местам, по большей части у подошвы гор, где в роскошных садах под тенью виноградных лоз туземцы наслаждаются жизнью. Каждый живет отдельно, двор обнесен каменною стеною, во дворе коруг, или сенокос, сзади виноградник, а сбоку сад шелковичных деревьев. Дома каменные, по преимуществу двухэтажные, чистые и опрятные, обмазанные внутри и снаружи известью и снабженные узкими окнами. Дом каждого приспособлен так, что составляет замок, представляющий твердую защиту от неприятеля или кровоместника»[421].

Даже в настоящее время в некоторых поселениях Цора селитьба делится на кварталы, образованные по патронимическому принципу. В прошлом такое деление было распространено повсеместно в Цоре и в соседней Кахети, где также большинство кварталов образовано скоплением усадеб одной патронимии[422]. Такая же картина наблюдалась и в соседних регионах, например, в Южном Дагестане[423], Горном Аваристане. Такие кварталы либо прямо носили патронимическое название, либо выделялись как-нибудь иначе, чаще всего по месту расположения – верхняя улица, нижняя улица и т. д. Часто бывало и так, что в пределах одного и того же селения имели место оба принципа наименования кварталов.

При образовании нового урбанизированного поселения родственные группы – тухумы, происходящие из других населенных пунктов, обычно селились компактно, занимали определенную часть селения – квартал. С образованием единого поселения функции отдельного населенного пункта переходили отчасти к кварталу, который являлся территориально-общественной единицей единого поселения.

---

[420] *Потто В. А.* Указ. раб. – С. 60.
[421] *Дубровин Н.* Указ. раб. – С. 538.
[422] *Харадзе Р. Л.* Грузинская семейная община. – Тбилиси, 1960. Ч. I. – С. 61, 63, 64.
[423] *Азизов С. А.* Территориальная локализация и экономическая организация южнодагестанского тухума в середине XIX – начале XX в. // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. – Махачкала, 1988. – С. 23.

Однако не везде квартальное деление являлось отражением прежнего расселения по отдельным поселениям. Поселение делилось на кварталы, выделяя их не только по формальным признакам, но и в административном порядке[424]. Деление на кварталы как на самостоятельные общины в урбанизированных аварских «республиках» аналогично делению того же аварского «бо» в Анкратле или Цунте на малодворные, часто однотухумные поселения.

Часто квартальное деление производилось для удобства при выполнении общественных работ, раздела сельхозугодий. Названия этих кварталов обычно отражают особенности расположения, рельефа и т. д. В результате социально-политического развития тухумная собственность на сельхозугодья, мельницы, печи, гумна, другие хозяйственные объекты стала отходить на второй план, уступая место частной собственности. В то же время в топографии, структуре поселений XVII–XVIII вв., в жилищах не обнаруживается каких-либо ощутимых признаков социальной дифференциации, что является, по-видимому, следствием произошедших в этот период в ряде горных районов частичной дефеодализации и усиления сельских общин[425]. Это утверждение А. И. Исламмагомедова, изучавшего жилища дагестанских аварцев, можно, пожалуй, отнести и к закавказских аварцам.

В Цоре наиболее распространенное название квартала – *уба*, скорее всего, восходящее к грузинскому *убани* с тем же значением. В Грузии данный термин имеет более чем тысячелетнюю историю. К примеру, в «Картлис Цховреба» при описании кварталов Мцхеты времен христианизации Грузии встречается упоминание «Занави, еврейский квартал» (*Занави, убани уриата*). Термин *убани* фигурирует в грузинских исторических памятниках в качестве «городского квартала»[426].

Развитая квартальная система, свойственная большинству дагестанских поселений, была следствием урбанизации и последующего образования крупных селений, в которых возникали кварталы, обладавшие административными

---

[424] *Агларов М. А.* Андийцы (историко-этнографическое исследование). – Махачкала, 2002. – С. 134.
[425] *Исламмагомедов А. И.* Отражение феодальных отношений в характере поселений… С. 72.
[426] *Меликишвили Г. А.* Указ. раб. – С. 448–450.

функциями, являвшимися своего рода «общинами в общинах»[427]. Квартальное деление кавказских, и в частности дагестанских, поселений привлекало внимание многих исследователей. Наиболее основательно его изучил М. О. Косвен, полагавший, что квартал есть место обитания патронимической единицы[428]. «С течением времени, – пишет Косвен, – кварталы теряли свой исключительный патронимический характер, и в данном квартале оказывались две или несколько патронимий»[429].

Однако в любом случае преимущественное проживание членов тухума в одном квартале сохранялось. Более того, оно возникало и в более поздние времена. Так, например, при возвращении кварельских аварцев в Алазанскую долину в 1957 г., после принудительного переселения в Чечню, осуществляли планирование поселения и разбивку участков под строительство по жребию. Однако потом часто менялись планами, стремясь поселиться поближе к родственникам, и в результате около 2/3 представителей рода проживали в одном квартале. Например, в сел. Тиви Кварельского района большинство жителей относят к трем тухумам: *Щубалал* (авар. – «живущие на хребте, вершине»), *ТIохъал* (от авар. *тIох* – «крыша», т. е. живущие в верховьях ущелья) и *МечIкъал* (от названий двух сел Анцухского общества – *МачIар* и *Къалда*, выходцами из которых они являются). При застройке современного сел. Тиви в конце 50-х гг. XX в. *ТIохъал* оказались в основном расселены в нижней части села; *Щубалал* – в восточной, примыкающей к речке Аван-ор части и *МечIкъал* – в западной части, на окраине которой располагались их родовые земли[430] (здесь был их хутор *МечIкъалазул къай* – «место мечкалов», по западной окраине Тиви протекает речка *МечIкъал лъим* – «мечкал-вода»[431]).

Основой разделения кварталов в большинстве случаев служили форма и степень родства между отдельными проживающими в них семьями. Наиболее характерными в этом смысле являлись кварталы, где жили представители разных родственных фамилий при преобладании какой-либо одной из них. Наряду с этим имелись также семейные (представители одной фамилии), родственные (примерно

---

427 *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане… – С. 168.
428 *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. – М., 1963. – С. 190–194.
429 Там же.
430 ПМА. Кварельский район РГ. 29.07.2011 г.
431 *Иванишвили Х. Г.* Указ. раб. – С. 44.

равное число разных фамилий, состоящих в родственных связях), семейно-соседские (представители одной фамилии, а также хозяйства, не состоящие с ними в родстве), родственно-соседские (родственные фамилии и неродственные с ними отдельные семьи)[432]. Для большинства областей Закавказья, в отличие от Дагестана и Цора, квартальное деление прежде всего было обусловлено потухумным расселением[433]. Также можно говорить и о большей квартальной отчужденности для централизованных феодальных государств Закавказья, при которой население разных кварталов одного селения могло отличаться друг от друга по конфессиональному и этническому принципу. К примеру, население Новджинского джамаата в Ширване, состоявшего из трех селений, было представлено суннитами и шиитами. В самом сел. Новджи, в верхней части селения, жили сунниты, а в нижней – шииты[434]. В то же время в Дагестане и Цоре для сельской общины была характерна как этническая и языковая, так и конфессиональная общность.

Как пишет М. Агларов, наряду с территориальным делением на кварталы и концы (авар. *рахъ*) сельская община имела еще более важное социальное членение на тухумы или *кьибилы* (авар. *кьибил* – дословно «корень»). Каждый джамаат в Дагестане и Цоре традиционно делился на несколько таких родственных объединений фамильного типа (обычно от 3 до 12), связанных родством от общего предка по отцовской линии. Тухумы, как правильно замечает М. Агларов, отнюдь не были пережитком родового строя, как считалось в прошлом. Новые тухумы появлялись еще в XIX в. Помимо родственников, составлявших большинство членов тухума, в него могли также входить клиенты и иные группы, находившиеся под покровительством тухума[435].

В процессе образования тухумных коллективов участвовали не только непосредственные потомки предполагаемого родоначальника, но и выходцы из

---

[432] Культура жизнеобеспечения и этнос… – С. 121.
[433] *Раджабов А. Г.* Некоторые этнографические данные о пережитках сельской общины в Азербайджане (По материалам Ширвана) // Азербайджанский этнографический сборник. – Баку, 1965. – С. 211.
[434] *Раджабов А. Г.* Указ. раб. – С. 211.
[435] *Агларов М. А.* Традиционная культура самоуправления в Дагестане XVII – начала XIX в. // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. – М., 2009. Т. I. До присоединения к России. – С. 62.

других населенных мест[436]. Эту характерную черту заметил впервые И. О. Константинов в первой половине XIX в.: «Общества (джамаат) разделялись на тухумы или фамилии, каждый из них заключал в себе не только всех близких и дальних родственников, но даже и тех, которые, вышедшие из разных мест, присоединившись к оной, приняли ее название и поселились на принадлежавшем ей участке земли»[437].

Наглядный пример того, как складывалась тухумная структура в развитых многолюдных аварских джамаатах, – селение Согратль. Это крупное селение, в котором проживало около 700 дворов, было разделено на три части, каждая из которых называлась не кварталом, а тухумом, хотя в сущности это были не сугубо родственные коллективы, а построенные путем сложения нескольких родственных коллективов – «рукъ», которые проживали в одной части селения. Тухум в согратлинском понимании являлся не родственной, а административной единицей[438].

Примерно такое же определение можно дать и цорскому тухуму, который часто являлся продуктом искусственного объединения нескольких патронимий, не связанных между собой кровным родством. Делалось это как для административного удобства, так и для хозяйственных целей. К примеру, в сел. Джиних: «земли ниже сельских дач разделены на 3 тухума. Потом в каждом тухуме разделены на несколько ароб, в каждой арбе было одинаковое количество дымов; теперь же число дымов различно; между тем все арбы имеют равное пространство земли»[439]. При этом необходимо было сохранять территориальную близость земель членов одного тухума, для чего «при продаже усадьбы и вообще частных земель общество наблюдает, чтобы они не переходили в посторонние обществу руки, и только при крайнем недостатке средств допускает продажу их не односельцам, но и в этом случае пользуется правом выкупа»[440].

Таким образом, все члены любого общества свободных людей в Цоре, как и в Дагестане, находились в составе или под покровительством определенного тухума.

---

[436] *Агларов М. А.* Андийцы… – С. 164.
[437] *Константинов И. О.* Указ. раб. – №2.
[438] *Агларов М. А.* Традиционная культура самоуправления… – С. 71.
[439] ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 38. Л. 17–17а.
[440] *Бакрадзе Дм.* Указ. раб. – С. 22.

Деление на родственные и квазиродственные группы в самоуправляемом гражданском джамаате наряду с квартальным делением аула является важнейшей структурообразующей чертой гражданской общины[441]. В Дагестане и Цоре, который по общественно-политическому строю никак не отличался от первого, кварталы и тухумы являлись более низкими, нежели сельское общество, социальными ячейками общества. Тухум Цорского общества в политическом отношении можно сравнить с современной партией или избирательным участком, от которого выдвигается один из участников коллективного исполнительного или законодательного органа. Тухумы делились на меньшие родовые группы (*кьибил*, а далее *рукъ* – авар. «дом»[442]), что также помогало регулированию хозяйственной, общественной и политической жизни общины.

Центральным компонентом жилой части поселения – селитьбы – в большинстве населенных пунктов левобережья Алазани – Цора – служило специальное место для сельского схода. Обычно в аварских поселениях Цора таким местом служила центральная площадь – *гудекIан*. Гудекан являлся общественным центром селения, местом народных собраний, на которых обсуждались важнейшие вопросы и устраивались праздники. Как пишет Г. Я. Мовчан, «невзрачное с виду место, годекан, был сердцем и мозгом общины»[443]. Сам термин *гудекIан* произошел от глагола *гуде-зи* («говорить», «разговаривать»), распространенного в южных наречиях аварского языка с добавлением *кIан* (авар. «ровное место», «площадка»). Интересная аналогия в этой связи прослеживается между формированием аварского «гудекана» и грузинского «убани». Дело в том, что согласно Г. А. Меликишвили, первоначально термином *убани* в грузинском языке обозначалась «площадь» (аналогия с греческой «агорой»). Интересно в этой связи наличие в древнегрузинском языке глагола *убноба* («разговаривать», «говорить»), находящегося в тесной связи с *убани*[444]. Последнее обстоятельство не может не обращать на себя внимания в связи с формированием аварского термина «гудекан», которое, видимо, протекало по аналогичному принципу.

---

[441] *Агларов М. А.* Традиционная культура самоуправления… – С. 62.
[442] *Косвен М. О.* Указ. раб. – С. 189; *Мовчан Г. Я.* Указ. раб. – С. 427.
[443] *Мовчан Г. Я.* Указ. раб. – С. 467.
[444] *Меликишвили Г. А.* Указ. раб. – С. 450.

В цорских селениях гудеканы располагались обычно в специальном огороженном примечетском дворе. Для этих целей вокруг мечетей огораживались значительные территории, размер которых зависел от количества жителей в данном поселении. Были гудеканы всей сельской общины и были тухумные, квартальные[445]. Наряду с гудеканом, являющимся обычно местом сбора джамаата одного селения, существовали места сбора, общие для нескольких селений или для всех поселений Цора, каким было урочище Ахада в Мухахском ущелье.

Название Ахада переводится с аварского языка как «внизу, у подножья», однако оно было превращено тюркоязычными писарями и переводчиками при царских войсках в Агдам (тюрк. «аг дам» – «белый дом»). Однако никаких строений в этом месте вплоть до 1850-х гг., когда здесь поселились цахуры из села Калал, не было. Здесь на собраниях избирались 30 управителей, называемых у аварцев *чIухIби*[446] и составлявших исполнительную власть. Собрания эти аварцы называют *руккел*[447] (возможно, от авар. *ракIаризе* – «собираться»). Созывался *руккел* обычно ежегодно весной, после праздника первой борозды и в наиболее важных случаях[448].

Характерно, что принятие законоположений цорских аварцев состоялось как раз в местности Ахада в ущелье реки Дибир-ор. Это произошло на всеобщем собрании «джарцев и их союзников», проживающих от Елису до Билкана в середине XVIII в. (первая арабская версия датирует это событие 1752 годом[449], а аварская и арабская редакции сборника законов – 1737 г.[450]). В данном случае мы, видимо, имеем дело лишь с всеобщим принятием, возможно, несколько отредактированной версии действовавших издавна законов. По крайней мере в начале арабского рукописного текста указано, что «это – разъяснение касательно взаимных обещаний и обязательств, а также – главных правил (*каида*) и канонов

---

[445] *Мовчан Г. Я.* Указ. раб. – С. 467.
[446] *Агларов М. А.* Самоуправление и его исторические ресурсы в Дагестане // Научный мир. – Махачкала, 2009. – № 2 (11). – С. 32.
[447] *Агларов М. А.* Традиционная культура самоуправления… – С. 62.
[448] *Агларов М. А.* Самоуправление… – С. 32.
[449] *Айтберов Т. М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана… Ч. I. – С. 51.
[450] Там же. – С. 60, 68.

(*канун*), которые имели здесь место, начиная с эпохи распространения ислама и вплоть до времени могучей державы Шах-Аббаса»[451], т. е. с начала XVII в.

М. Агларов пишет, что в XVII–XIX вв. у горцев Дагестана и Джарского союза сложилась развитая и по-своему законченная система самоуправления, имеющая за ее пределами редкие аналогии[452]. В этом ключе интересно мнение современника, который утверждает, что «правление в Джаро-Белоканской области было республиканское. Каждое селение имело своего старшину... Дела общественные, или важные, решались судом, называемым *Джамат»*[453]. Стоит, наверно, упомянуть, что наряду с гудеканами роль общественных институтов в Цоре выполняли «общеобразовательные религиозные школы», которых только в Джаре в XIX веке было несколько[454].

Возвращаясь от социальной роли площадей к их месту в планировке поселения, стоит отметить, что чаще всего она явно выделяется в структуре поселения (Динчи, Макав, Цилбан, Кабахчолиб). От нее в таких случаях во все стороны расходятся улицы, которые иногда имеют еще и окружное соединение. Таким образом, селение представляет собой неправильной формы круг или прямоугольник, лучеобразно прорезанный улицами, отходящими от центральной площади. Такая планировка характерна для поселений, свободно расположенных на ровной поверхности. Распространение в Цоре получили также поселения, которые привязаны к рекам, транспортным магистралям или ограничены естественными границами горного ущелья, у выхода из которого они находятся. В таких случаях площадь обычно также находится в центре селения, однако чаще она расположена на главной улице, от которой в обе стороны отходят переулки (Мацих, Катих, Кум, Нухбик, Халаябтала, Пучкар, Кортала, Гугам, Горахажиял). Есть также поселения, в которых площадь не в центре поселения или не является системообразующим центром, а улицы, вдоль которых тянутся жилые строения, не имеют какой-либо четкой структуры (Тлебел-уба, Эхеди Чардах, Дартуказ).

В крупных селениях помимо центральной имелись и квартальные площади. Это характерно для Динчи, Кабахчолиба, Эхеди Тала, Бехе Тала, Мухаха и других

---

[451] Там же. – С. 49.
[452] *Агларов М. А*. Самоуправление… – С. 34.
[453] *Зубарев Д.* Указ. раб. – С. 553–554.
[454] *Халаев З. А*. Из истории оборонительных сооружений… – С. 149.

населенных пунктов. На квартальных площадях находились квартальные мечети, а на центральной – Джума-мечеть. В селении Динчи таких квартальных мечетей и соответственно площадей перед ними, на которых собирались жители квартала, было 10, хотя самих кварталов – до 15. Не каждый из них имел свою мечеть. К примеру, жители соседних кварталов Бирик-уба и Чанка-уба собирались в мечети Бирик-уба, а для квартала Папах-уба такую функцию выполняла Джума-мечеть (*Бол-мажгит*) селения. В то же время были кварталы (Кинтар-уба), в которых имелось по две мечети.

Однако не всегда расположение центральной площади и Джума-мечети совпадало. Так, например, было в Динчи, где оба объекта хотя и располагались на одной улице, но отдельно друг от друга. Если раньше центром сосредоточения общественной жизни села служила примечетская поляна, то теперь эти функции выполняет площадь *Тукабил* (авар. «магазины»)[455]. В любом случае центральным компонентом планировки селения выступает площадь Тукабил, от которой отходит большинство улиц сел. Динчи. Эта площадь является также административным и экономическим центром селения. На ней в прошлом располагались магазины, базар, административное здание селения, школа, почта. Эти изменения связаны и с переменами в политической ситуации в Цоре, который подпал под власть Российской империи, устанавливавшей новые порядки в управлении населением и экономической жизни региона.

Тесно связано с местонахождением общественной площади расположение сельских улиц. Если площадь находится в центре селения, то улицы от нее расходятся в разные стороны, соединяя все кварталы. А если площадь расположена на краю селения, то от нее идет главная улица через все селение, от которой ответвляются другие улочки. Если более или менее широкую улицу можно найти в селениях с горизонтальной формой, то в селениях, расположенных на крутых склонах, главных или центральных улиц нет. Обычно в таких селениях после каждого ряда горизонтально расположенных домов тянется узкая улочка из двух рядов. Нередко эти ряды домов составляют сплошную застройку, и, чтобы перейти на соседнюю параллельную улицу, надо пройти до конца улицы, т. е. до конца селения.

---

[455] ПМА. Закатальский район АР. 04.08.2011 г.

Улицы в горных селениях Цора аналогичны горным дагестанским. Они чрезвычайно узки, извилисты и часто неожиданно заканчивались обрывом или тупиком, а иногда даже продолжались в виде узкого туннеля. Если горизонтальные улицы идут более или менее ровно, то вертикально расположенные вьются природными лестницами, а в некоторых селениях их специально укрепляют подпорными стенками, чтобы облегчить движение по ним. Улицы изгибаются, приспосабливаясь к топографическим условиям местности, часто очень круто[456]. Такие улицы были характерны для горных селений Цора, которых сейчас почти не осталось (Буцрах, Голода, Сувагил), или они перенесены на более ровные участки вблизи старого поселения (Сарыбаш, Кас, Каркай).

Как пишет А. Исламмагомедов о планировке поселений в горном Аваристане, если улица горизонтальной планировки может окончиться тупиком, то улица, идущая сверху вниз, вертикально, никогда не заканчивается тупиком, несмотря ни на какие препятствия, она обязательно выходит на нижнюю окраину селения, пересекая горизонтально идущие улицы. Делается это в следующих целях. Селение никем специально не очищалось от нечистот, эту роль выполнял дождь, а функции санитарных коммуникаций – улицы вертикальной планировки. Вода, стекающая по улицам, промывала их и выносила мусор и грязь из селения. Если на пути встречалось здание, то под ним специально сооружали туннель для свободного стока воды[457]. Этому способствовал, как известно, и сам выбор места для поселения. Обычно селение располагалось на устойчивых участках склона или местах, мало подверженных размыванию грунта. Такой фундамент придает прочность постройкам и имеет санитарное значение.

Кроме того, в санитарных целях для скота существовали отдельные входы во дворы с тыльной стороны усадьбы. При расположении целого ряда усадеб подобным образом вдоль них обычно проходила дорожка для скота, иногда для подвоза сена и вывоза мусора. В Цоре не было принято, как в горном Аваристане, строить хлева и сеновалы (в целях рационализации труда и обеспечения пожарной безопасности) на некотором расстоянии от жилых домов, на окраине селения. В

---

[456] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 175.
[457] Там же. – С. 175–176.

таком случае из подобных строений образовывался целый квартал, что мы можем видеть в настоящее время, к примеру, в селении Камилух Тляратинского района.

Часто именно эти улицы и образовывали кварталы селения. К примеру, селение Гугам делится на следующие кварталы, а фактически улицы, расположенные параллельно друг другу с юга от трассы Закатала – Дартуказ и почти до реки Тала-ор[458].

1. *КIуркIуназул-уба* (авар. «Куркунаевых квартал») – первая со стороны Чукака улица.

2. *ГIанкI-уба* (авар. «Заячий квартал») – состоит из двух улиц – 2-й и 3-й со стороны Чукака. Вторая улица называется *КIудиязул шагьра* (авар. «Кудиевых улица»), а третья – *Халаязул шагьра* (авар. «Халаевых улица»).

3. *Гъандахазул-уба* (авар. «Гандаховых квартал») – также состоит из двух улиц – 4-й и 5-й со стороны Чукака.

4. *Къаралазул-уба* (авар. «Караловых квартал») – улица, начинающаяся сзади Гугамской мечети, 6-я со стороны Чукака.

5. *Къадиразул-уба* (авар. «Кадировых квартал») – 7-я улица со стороны Чукака. На ней живут в основном Кадировы.

6. *БацIилазул-уба* (авар. «Бациловых улица») – 8-я со стороны Чукака. На ней живут в основном Чобановы.

7. *Ташазул-шагьра* (авар. «Ташовых улица») – 9-я со стороны Чукака улица. Название ее обусловлено происхождением основной фамилии, здесь проживающей (Курбановы, они же *ГIумарал*, они же *Игидал*), из общества Ташал (сельские администрации Мазада, Бежуда) в Тляратинском районе.

8. *Къантаразул-уба* (авар. «Кантаровых квартал») – 10-я улица со стороны Чукака, начинается от Гугамской школы и тянется в сторону реки Тала-ор.

9. *Маран-уба* (авар. «Винного погреба квартал»; Маран – грузинское по происхождению слово, проникшее в местный диалект аварского языка) – квартал, расположенный между кварталами Ташазул-шагра и Кадиразул-уба, южнее местожительства фамилии Чобанал. В отличие от других кварталов, улица Маран-уба не выходит на автодорогу Закатала – Дартуказ, а разделяясь на две части, тянется от домостроений Чобановых к расположенным у реки Тала-ор полям.

---

[458] ПМА. Закатальский район АР. 27.06.2009 г.

10. *Къумур-уба* – довольно крупный квартал, расположенный вдоль автодороги Закатала – Дартуказ, начиная от Гугамской средней школы и вплоть до поворота на село Сумали. *Къумур-уба* (авар. «Кумур – квартал») образовался в конце 1960-х годов в результате предоставления земельных участков для застройки нескольким семьям из села Кумур Закатальского района, большая часть жителей которых, в свою очередь, в XVIII веке переселилась из Шекинского района АР[459]. Это были семьи Байрамовых и Аллахвердиевых, которых называют в селе *Хъалаял* (авар. дословно «крепостные» – в смысле жители крепости). Кумур (авар. *Къумур-Базар*) аварцы называют *Хъала* и, соответственно, более ранних выходцев оттуда называют *Хъалаял*. В конце XVIII в. тальские аварцы заселили в Кумур выходцев из азербайджанского села Баш Гейнук (авар. *Эхеди Гьенухъ* – «в верхнем замке») Шекинского района. Позднее часть их переселилась в Гугам, где их тоже стали называть *Хъалаял*, хотя они являются не аварцами, а скорее отюреченными рутульцами.

11. К северо-востоку от села на берегу реки Тала-ор возник еще один квартал, *ЦIияб-уба* (авар. «Новый квартал»), который был застроен родственными группами *Гьудулал*, *Дибирал*, *Увузал, КIамахIал*[460]. Здесь сейчас расположено около 30 домов.

12. В последние десятилетия появились также кварталы новоселов на северной стороне автодороги Закатала – Дартуказ. В нижней части собственно Гугама (ниже гугамского кладбища и вдоль него к трассе Закатала – Динчи) образовались улицы, получившие общее название *ГIолазул-уба* (авар. «Молодых квартал»).

13. Такой же молодежный квартал образовался на землях рода *Корал* (авар. «печники»), ниже их домов на северной стороне дороги Закатала – Дартуказ, ближе к Чукаку и вниз вплоть до гугамского кладбища. Называется он *Коразул-уба* (авар. «Коровых квартал»).

В топографии поселений Цора заметное место занимают и кладбища. В горных селениях Цора они, как правило, располагаются на краю селения. Любопытно, что А. Исламмагомедов пишет, что при наклонной местности

---

[459] Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. – Bakı, 2007. II cild. – S. 53 (на азерб. яз.).
[460] *Микаилов К. Ш.* Джаробелоканская топонимия… – С. 20

кладбища никогда не занимают верхнюю часть села, откуда почва может быть размыта и перенесена в селение. Не встречаются в Дагестане, по его словам, и случаи, когда первоначально кладбище было бы расположено внутри селения, хотя в некоторых случаях впоследствии в результате роста населенного пункта кладбище оказывалось на его территории[461]. Заметим, что данные по горным поселениям Цора не совпадают с выводами Исламмагомедова по Дагестану, подтверждением чему служит топография городища Голода. Его развалины расположены на высоте 1900 м, на южной стороне вершины горного массива Гумзул-гор, в 6 км севернее города Закатала. Гумзул-гор же, в свою очередь, является боковым отрогом Главного Кавказского хребта. Развалины поселения Голода расположены на южном склоне верхней части хребта. А на вершине его на площади 4 гектара расположены остатки кладбища – целый лес как бы воткнутых в травянистый грунт камней, на которых уже не видно надгробных надписей.

Также мы располагаем сведениями о наличии кладбищ внутри самого поселения, что объясняется отсутствием дефицита земельных ресурсов в цорских предгорных и равнинных поселениях. Свидетельством этому служат огромные приусадебные участки в этих населенных пунктах, из-за чего даже небольшие селения занимали крупные по размерам площади.

Не только в крупных, но и средних и даже небольших селениях Цора имеются несколько кладбищ. Чаще всего отдельные кладбища были у каждой патронимической группы – тухума. К примеру, в небольшом населенном пункте Цилбан Закатальского района имеется 8 кладбищ: *ХIерахIмаязул хIубал* (авар. «кладбище Херахмаевых»), *Кусаязул хIубал* (авар. «кладбище Харахмаевых»), *Маляказул хIубал* (авар. «кладбище Малякаевых»), *Эрменизул хIубал* (авар. «кладбище армян»; на самом деле эти христанские могильники принадлежат предкам вышеуказанной фамилии Дибраевых, а не армянам, которых в Цилбане никогда не было), *Дора хIубал* (авар. «тамошнее кладбище»), *ЧIахIа хIубал* (авар. «большое кладбище»), *Шагьидазул хIубал* (авар. «кладбище шахидов»), *ГIисинал хIубал* (авар. «малое кладбище»)[462]. В сел. Тлебел-уба Закатальского района 4 кладбища: *ЧIахIиял-хIубал* (авар. «главное кладбище», расположено в верхней

---

[461] *Исламмагомедов А. И.* Аварцы… – С. 176–177.
[462] *Саидова П. А.* Чарско-белоканские говоры… – С. 21.

части села на берегу речки Мичкар-ор), *Бакъазул-хIубал* (авар. «кладбище Бакаевых»), *Хиниязул-хIубал* (авар. «кладбище Хиниевых», оба расположены на центральной улице села), *Хьумлязул-хIубал* (авар. «кладбище Хумлаевых», расположено в нижней части селения). В сел. Чукак Закатальского района два кладбища: *КIудал-хIубал* (авар. «большое кладбище») и *Диманазул-хIубал* (авар. «Димановых кладбище»)[463]. Первое – общее для всего селения, второе – тухумное. Как свидетельствует полевой материал, в сел. Джар каждый тухум в прошлом имел свое место погребения[464]. Иногда это были отдельные кладбища, иногда участки на общих сельских или квартальных кладбищах. Кладбища располагались обычно на окраине села или квартала, причем в последнем случае они могли располагаться и в центре села, но на границе двух или более кварталов.

Довольно часто в Цоре, в отличие от горного Дагестана (где подобное невозможно в силу ограниченности земельных ресурсов), встречаются и примечетские кладбища, на которых хоронят особо выдающихся духовных и политических деятелей. В данном случае напрашивается аналогия с грузинской и армянской традицией захоронения на прицерковных кладбищах духовных лиц высокого ранга[465]. В Джаре, например, близ мечети находится кладбище, где есть могила знаменитого из аварских нуцалов – Умахана Великого, умершего в 1801 году. На могиле его в селе Джар стоит плита со следующей надписью на арабском языке, которую прочитал Т. Айтберов: «1215 / 1800–1801 год. Выдающийся ученый, князь князей, борец за мусульманскую веру Уммахан Аварский – Хунзахский. Мавзолей этот соорудил Хасан, сын Хаджи»[466]. Рядом находится второе по значимости для современных джарцев надгробие, которое принадлежит Давудазул Мухаммаду, автору 18 рукописных трудов, получившему почетный титул «апанди» и преподававшему в «Закатальском медресе». По устным данным, он умер в 1909 г., однако М. Неймат указывает, что на могильной плите в качестве даты смерти указан 1334 г. хиджры (1915–16 гг.). Согласно надписи, он «утвердил свою святость в Гашладе» (правильно – Ашильте), а сделал надпись Мухаммад Али бину Нуру аль-Дж-н-и» (из сел. Джини-тахида?) на деньги Асада и

---

[463] ПМА. Закатальский район АР. 28.06.2009 г.
[464] *Халаев З.А.* Из истории оборонительных сооружений Алазанской долины… – С. 149.
[465] Культура жизнеобеспечения и этнос... – С. 121.
[466] *Хайдарбек Геничутлинский.* Указ. раб. – С. 151.

Абдурахмана «ад-Давуди»[467], т. е. из рода Давудазул. Автор конца XIX в. отмечает, что «особенной формой здесь отличаются также и могильники. Они представляют маленькие домики без крыш, где внутри часто вырастают деревья»[468]. В горной Аварии, в обществе Рис-ор, такие ограды вокруг могил называют *гъупла*.

Культовым центром населенного пункта в Цоре являлась Джума-мечеть (*Бол мажгит*), наряду с которой, обычно по количеству кварталов, имелись и квартальные мечети (*хIужра*). Наряду с мечетями здесь имелись и специальные места для молитв, не имеющие такого статуса. Как пишет путешественник XIX в., «мы то справа, то слева от дороги замечаем довольно большие каменные плиты (*какбанаб-кIеп. – Х. Ш.*), скорее площадки, около родника или проточной воды, поднимающиеся над землею на аршин и больше. На этих площадках здешние магометане совершают свои молитвы (намаз)»[469].

Интересный феномен, охарактеризованный армянскими этнографами, имеет некоторые аналоги в Цоре. Речь идет о том, что церковь, будучи закреплена в центре поселения, внутри его, как бы выталкивала все остальные, в большинстве своем имеющие языческое происхождение культовые формы на периферию, на окраину поселения[470]. В Цоре мечеть, служа религиозным центром, также вытеснила второстепенные культовые места, имеющие частично языческие корни, но переосмысленные местным населением в исламском ключе, за пределы поселения. Они представлены зияратами, местами, где проходили обряды вызывания дождя и т. д. Одно из таких обрядовых мест находилось в Катихском ущелье, в нескольких километрах выше самого Катиха, на окраине развалин поселения Сагнаг. Одна из могил на кладбище городища Голода в советские времена, когда место исламских традиций начали занимать пережитки доисламских адатов, стала использоваться в качестве «вызывателя дождя». Обряд вызывания дождя в селах Джарского сельсовета состоял из следующих церемоний. При засухе собирали детей, выбирали из них самого бойкого и надевали ему на голову сноп из бузины, покрывавший ребенка до пят. Затем дети во главе с движущимся снопом ходили по дворам. Каждая хозяйка поливала сноп водой и

---

[467] *Неймат М. С.* Указ. раб. – С. 181.
[468] *Ган К. Ф.* Указ. раб. – С. 56.
[469] Там же.
[470] Культура жизнеобеспечения и этнос… – С. 130–131.

раздавала детям сладости. После завершения обхода детьми дворов взрослое население поднималось в Голода. Собравшись здесь, на зиярате, они молились. Зиярат – это небольшой холмик из булыжников, расположенный у могилы. В центре его стоял засохший ствол дерева, увешанный лоскутками.

Стоит обратить внимание и на одну примечательную особенность. В отличие от некоторых регионов, в которых религиозные здания играли системообразующую роль в возникновении и функционировании сельских поселений[471], до утверждения ислама в Цоре церковь или другие культовые объекты, на первый взгляд, не выполняли таких функций. Об этом свидетельствует расположение развалин церквей в Цоре в основном за пределами поселений. Еще в XIX веке авторы замечали, что большинство из них находятся вне пределов поселений. «Церкви с куполами и без них, но больших размеров: выше Белакани, в верстах 4–5-ти, в Карадже, в Куме и вблизи Мацеха, в урочище Капис-дара. Общею известностью пользуется курмухская церковь св. Георгия, ниже Каха, у почтовой дороги, посещаемая 10 ноября богомольцами из ингилойцев, как христиан, так и магометан»[472]. Однако, с другой стороны, церкви и другие доисламские культовые объекты, располагавшиеся в пределах поселений, могли также быть полностью разрушены и разобраны на стройматериал, что менее вероятно, или превращены в мечети. Во время войны и разрухи культовые объекты, храмы, обычно не подвергались разрушениям, а всего лишь перестраивались под изменившиеся религиозные потребности местного населения. Чаще разрушались жилые постройки. К примеру, в 1844 году сел. Елису было почти полностью разрушено русскими войсками, после чего даже «древний дворец елисуйских султанов лежит в развалинах, но сохранилась красивая массивно построенная большая мечеть, мимо которой протекает с чистой, как хрусталь, водой ручей»[473].

Наличие необходимого количества родников имело жизненно важное значение для функционирования поселений рассматриваемого периода[474]. Местоположение поселений всегда было привязано к источникам питьевой

---

[471] *Пименов В. В.* К истории сложения типов поселений в Карелии // Советская этнография. – М., 1964. Вып. 2. – С. 5.
[472] *Бакрадзе Дм.* Указ. раб. – С. 6.
[473] *Ган К. Ф.* Указ. раб. – С. 62.
[474] Культура жизнеобеспечения и этнос... – С. 122.

воды[475]. Ремесленные мастерские здесь обычно не представляли собой отдельных кварталов, а размещались в пристройках во дворе усадьбы хозяина. По данным на начало XIX в., в цорских селениях «женщины делают ковры и грубые шелковые ткани; равным образом есть несколько мастеров, делающих сабли, кинжалы, ружья и пистолеты. В некоторых селениях жители содержат красильни для крашения в красный, голубой, темно-зеленый, светло- и темно-синий цвета»[476].

Основным видом оборонительных сооружений в Цоре являлись боевые башни. Строились они обычно в черте самого селения, являясь составной частью укрепленного жилого комплекса – «гьин» (*hin*; варианты – *гьинд* и *гьинрукъ*[477]). *Гьин* – типичный в прошлом для Южного Аваристана укрепленный жилой комплекс, окруженный каменной стеной и состоящий из боевой башни с примыкающим к нему укрепленным жилищем с бойницами. Часто башни являлись у аварцев составной частью жилого укрепленного дома[478].

Для более полных и объективных выводов по этому и другим поднятым выше вопросам мы должны иметь результаты масштабных археологических исследований населенных пунктов в Цоре, а их пока, к сожалению, нет, что делает наши выводы условными и предварительными.

---

[475] *Кобычев В. П.* Города, селения, жилище… – С. 91.
[476] *Зубарев Д.* Указ. раб. – С. 555.
[477] См. *Мехтиев А.* Народное жилище Азербайджана. – Тебриз, 2001. – С. 138; *Нәсирли М.Н.* Указ. раб. – С. 78.
[478] *Никольская З. А.* Указ. раб. – С. 160.

§ 2.4. Современные дагестанские поселения Цора (конец XX – XXI в.)

Отличительная черта нового села в Цоре – это свободная планировка, более широкие улицы, заранее продуманный архитектурный облик поселения в целом. В других цорских селениях – это продолжение старых аулов в более удобную для застроек сторону.

Современные населенные пункты Цора представлены в основном шестью различными формами в зависимости от типа застройки и географического расположения. В разделении за основу взяты принципы, изложенные В. Ш. Джаошвили еще в 1968 г. при исследовании расселения в Восточной Грузии[479], имеющей много общего с Цором, однако предложенная им типология во многом изменена и отчасти упрощена. Также приняты во внимание выводы испанского этнографа Х. К. Бароха, исследовавшего баскские поселения в 1949 г.[480]

1. Крупные селения квартальной планировки, расположенные на приалазанской равнине. Численность населения в них чаще всего превышает 1 тыс. жителей и имеет усадебный тип застройки средней плотности (10–20 чел./га). Прямые улицы, правильные кварталы и значительная компактность застройки создают хорошие условия для благоустройства.

2. Крупные селения уличной планировки, распространенные также на приалазанской равнине. Они возникли преимущественно во второй половине XIX – начале XX в. вдоль транспортных магистралей. По своей планировке такие населенные пункты имеют много общего с казацкими станицами в северокавказских степях, также часто состоящими из одной улицы, вдоль которой расположено все селение. Немецкие этнографы называют этот тип поселения Gassendorf или Strassendorf, а Х. К. Бароха предлагает называть их продольными[481]. Густота застройки в них менее плотная, чем в селах квартальной планировки. Иногда кроме основной дороги имеются одна-две дополнительные с менее плотной застройкой, нежели на главной улице. Разновидностью этого типа поселений являются приречные или водораздельные селения, выстроенные узкой

---

[479] *Джаошвили В. Ш.* Население Грузии. – Тбилиси, 1968. – С. 321–326.
[480] *Бароха Х. К.* Баски. – М., 2004. – С. 22–31.
[481] Там же. – С. 23.

лентой вдоль берега реки или на узком плато. Такие поселения имеют одну главную дорогу, на которую как бы нанизаны все жилые строения.

3. Селения с бессистемной уличной сетью застройки, которые Х. К. Бароха предлагает называть многоядерными[482], чаще всего имеют более старую историю, нежели два вышеуказанных типа поселений. Они же имеют значительно более разреженную плотность застройки и несколько площадей или общественных центров. Типичный пример – сел. Динчи Закатальского района, состоящее из нескольких кварталов, имеющих собственные мечети, гудеканы и школы. В таких селах многочисленные улицы имеют самые различные направления, длину и ширину дорожного полотна. Нередко одна из улиц занимает более или менее центральное положение или является сквозной, а остальные – ее ответвления. Обычно усадьбы представляют собой сложные комплексы из садов, огородов, лужаек с жилым строением, расположенным в глубине участка, и хозяйственными постройками.

4. Крупные предгорные селения уличной застройки, расположенные у выходов рек из ущелий, на приречных террасах и конусах выноса. В прошлом большинство населения Цора проживало именно в таких населенных пунктах, являвшихся также центрами региональных общин. Такие поселения имеют одну-две основные дороги, от которых ответвляются второстепенные переулки, выходящие либо к руслу реки, либо к горному склону. Усадьбы состоят из садов, домов и хозяйственных построек. Эти селения, расширяющиеся обычно в сторону равнины, имеют новые части квартальной застройки.

5. Мелкие поселения компактной застройки, расположенные на горных склонах, у Х. К. Барохи названы ядерными[483], т. е. имеющими один центр (площадь), вокруг которого они сформировались. Эти селения возникли в разное время и представляют собой как деградировавшие древние населенные пункты, так и разросшиеся хутора, построенные в XVIII–XIX вв. В таких селениях усадьбы часто состоят только лишь из одного дома или небольшого садика или огорода, а сельскохозяйственные угодья расположены за пределами селения. Сами дома

[482] Там же. – С. 24.
[483] Там же. – С. 23.

построены только из природного камня и в размерах уступают предгорным и равнинным.

6. Мелкие компактные поселения, расположенные на дне ущелий, на приречных террасах и склонах. Такие селения распространены в ущелье реки Дибир-ор и состоят чаще всего из нескольких групп усадеб, разделенных по разным берегам рек или боковым ущельям. Здесь, в отличие от поселений на горных склонах, больше зелени, да и приусадебные участки занимают большую территорию.

При рассмотрении современных сельских поселений Цора большинство их оказываются относящимися к улично-ветвистому типу застройки. В этих условиях становится возможным говорить о наличии таких структурных единиц, как главная улица с соответствующими ответвлениями, композиционно выраженный центр села, культурно-бытовой центр (не обязательно совпадающий с центральной площадью села), производственные объекты, школа, мечеть.

В современном поселении Цора кварталы можно разделить по трем основным признакам: а) семейно-родственные с преимущественным проживанием семей, чье происхождение восходит к единому предку; б) кварталы, выделяемые по месту их расположения – нижний, верхний; в) кварталы, основанные переселенцами из Дагестана, Грузии или других регионов Азербайджана и расположенные обычно на окраине селения в наименее удобных землях.

Современное расселение на левобережье Алазани в пределах исторического региона Цор можно характеризовать как смешанное линейно-звездообразное крупное расселение с преимущественным развитием интенсивных отраслей растениеводства – плодоводства, табаководства, виноградарства, овощеводства и эфиромасличных культур. Линейная форма расселения здесь своеобразно сочетается со звездообразной формой. Большинство селений как бы нанизано на дороги, расходящиеся от районных центров – городов Билкан, Закатала и Кахи, расположенных у подножия отрогов Главного Кавказского хребта. Часть селений расположена в предгорье, меньше – в горной зоне, но большинство их сконцентрировано в центральной полосе левобережья Алазани. Селения, возникшие во второй половине XIX – XX вв., отличаются прямолинейной или квартальной планировкой. Характерной особенностью сельского хозяйства этого

региона является сочетание высокоинтенсивных отраслей на легкодоступных и орошаемых участках с полеводством на менее привлекательных землях. В этом отношении Цор имеет много общего с соседними районами левобережья Алазани – Кварельским и Лагодехским районами Грузии[484] и Шекинским районом Азербайджана.

Закатальский регион – густонаселенный. Однако трудоспособное население концентрируется здесь хотя и в крупных поселениях, но зачастую с архаичной планировкой, низким качеством жилого фонда и социальной инфраструктуры. Размещение большинства селений приурочено к мелкоконтурным сельскохозяйственным угодьям, которые расположены по склонам на различных высотах и не имеют удовлетворительных условий для обеспечения транспортных связей. Значительная часть поселений и угодий периодически подвергается воздействию селей; для многих угодий остается реальной угроза смыва и сползания почв. Часть трудовых ресурсов рассредоточена по мелким пунктам, удаленным от районных центров, транспортных и других коммуникаций. В связи с развитием земледелия и миграцией части населения горного региона на плоскость усилилось несоответствие между сельским расселением и размещением пастбищных угодий[485].

Из всех трех районов АР эти процессы характерны были прежде всего для Закатальского района, где наряду с Шекинским районом в советский период развернулся процесс планомерной реконструкции сети поселений. Выбор перспективных поселений осуществлялся на основе анализа современной и перспективной территориальной организации хозяйства (прежде всего сельского); транспортной сети и других коммуникаций. В качестве основных критериев рассматривались: людность поселений; динамика численности населения за 20 лет; половозрастная структура; уровень развития сферы обслуживания; состояние жилищного фонда; селеопасность территорий; размещение населенных пунктов относительно транспортных путей и других коммуникаций, сельскохозяйственных угодий.

---

[484] *Джаошвили В. Ш.* Указ. раб. – С. 332.
[485] *Цодоров К. М.* Указ. раб. – С. 10–11.

В свою очередь, к переселяемым пунктам были отнесены прежде всего расположенные в зоне активного селепроявления, а также подлежащие планомерному переселению ввиду строительства различных водохозяйственных объектов и некоторые другие. Как правило, это были мелкие селения, в которых происходили процессы деградации и ухудшение демографических характеристик[486].

При рассмотрении перспектив развития населенных пунктов в советский период большое внимание уделялось укрупнению поселков и сселению, т. е. ликвидации, бесперспективных населенных пунктов. В Цоре есть несколько поселений, которые были заново построены в советский период. Их строительство было обусловлено как переселением на равнину горных сел, большей частью внутри микрорегиона, так и образованием рабочих поселков при вновь созданных совхозах. В первом случае это образование цахурских селений в Закатальском – Сувагил (азерб. – Ени-Сувагиль, т. е. «Новый Сувагил»), Али-Байрамлы, Таза-Сабунчи (перс. – «Новый Сабунчи») и Кахском районах – Агязы. Причем если в Закатальском районе переселялись в основном внутри района – из труднодоступного Мухахского ущелья, подверженного эрозионным процессам, то селение Агязы было образовано за счет переселения цахур из Рутульского района Дагестана: сел. Цахур, Гельмец, Курдул и др. Новый Сувагил образовался в 1950-х годах за счет переселения жителей старого селения Сувагил из Мухахского ущелья на равнину, на земли аварского сел. Эхеди Тала. Также на землях сел. Эхеди Тала, на месте хутора Битди (авар. «на плоскости»), было основано сел. Али-Байрамлы, в которое переселили цахур из сел. Кас, Каркай и Калал из Мухахского ущелья. Таза-Сабунчи также является переселенческим поселением, образованным в 1964–66 гг. цахурами из сел. Сабунчи в том же Мухахском ущелье. Однако оно, в отличие от вышеуказанных селений, не обрело самостоятельного административного статуса, а будучи образовано на западной окраине ныне уже азербайджанского селения Лагич[487], вошло в его состав. К муниципалитету (в прошлом сельсовету) Лагич было присоединено и горное селение Сабунчи, в котором осталось несколько

---

[486] Там же. – С. 16–17.

[487] Образовано в конце XVIII в. переселенцами из татского поселка Лагич в Исмаиллинском районе АР. Жители его в дальнейшем перешли на тюркский язык и сейчас считают себя азербайджанцами.

десятков семей. Другие переселяемые поселения (Сувагил, Кас, Каркай и т. д.) были полностью покинуты жителями[488].

Одновременно в Закатальском, Белоканском и Кахском районах шел процесс создания новых производственных единиц, специализировавшихся на выращивании ореха, чая и других высокорентабельных сельскохозяйственных культур. Здесь при совхозах создавались рабочие поселки. В Закатальском районе такие поселки прежде всего возникли при двух ореховых совхозах. Первый – это поселок Аракиб при ореховом совхозе №1, созданном в 1934 г. на землях аварских селений Динчи, Пашан и Макав. Населенный пункт Аракиб в 1953 г. получил статус рабочего поселка при совхозе. В таком качестве до 1960-х гг. Аракиб входил в состав Закатальского горсовета[489]. После административных изменений в 1960-х гг. поселок был официально назван *Фындыклы* (азер. «ореховое» или «фундучное»[490]) и вошел в состав Макавского сельсовета[491]. Местное население называет местность и сам поселок *Аракъиб* (авар. «фундучное», от местного аварского *аракъ* – «фундук»[492]). Второй – это Халатолиб, созданный на землях одноименного хутора аварского сел. Эхеди Тала. Кроме того, при чайном совхозе к западу от города Закатала на месте аварского хутора Хурма-уба был основан новый рабочий поселок Чайдиб, сейчас уже слившийся с селением, в результате чего в 2010 г. его территория вошла в состав города, а сам поселок потерял статус населенного пункта.

Переселенческие процессы середины XX в. не обошли стороной и кварельских аварцев, хотя здесь миграция имела политическую, а не социально-экономическую подоплеку. Насильственно переселенные в 1944 г. в Чечню жители аварских селений Кварельского района в 1957 г. стали возвращаться в свои села. Когда в 1956 году аварцы только стали оттуда возвращаться в Кахети (им уже тогда предлагали остаться в Дагестане, поселившись на прикутанных землях

---

[488] ПМА. Закатальский район АР. 2009, 2011 гг.

[489] Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1961 г. … – С. 53–54.

[490] *Нуриев Э. Б.* Исследование названий населённых пунктов южного склона Большого Кавказа (междуречья Мазым-чай-Геокчай): автореф. дис. … канд. геогр. наук. – Баку, 1983. – С. 13.

[491] Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1977 г. ... – С. 40.

[492] *Саидова П. А*. Закатальский диалект… – С. 19.

севернее Аксая), в Ареши аварцев не пустили, а для подавления волнений пригнали 8-й полк Закавказского военного округа. Долгое время люди жили в палатках, некоторые вырыли даже землянки. Лидеров сельчан задержали, были попытки запугать и заставить вернуться в Дагестан, однако все было бесполезно и только тогда им было предложены местности Чантлискуре, Сарусо и Тхилисцкаро, на которых обосновались аварцы из Ареши. Ареши было переименовано в Мтисдзири (груз. – «предгорье»), и в нем были уничтожены всякие следы пребывания здесь аварцев. Даже кладбище было уничтожено бульдозерами и затем распахано огромными железными плугами, а на его месте заложен виноградник. Сейчас на месте кладбища находится поле, оно расположено на левой стороне автодороги при въезде в Ареши. Само Ареши было заселено жителями сел. Хизабавра из Аспиндзского района Грузии, а арешским аварцам пришлось разделиться на три части и основать новые селения – Чантлискуре, Тхилисцкаро и Сарусо.

Необходимо отметить, что сел. Ареши до 1944 г. состояло из четырех самодостаточных кварталов – поселений: *Кьадал* (груз. – Калаки), *Хашалхута* (груз. – Капучи), *Гъарбулъ* (груз. – Гарбути) и *Гъунзиб* (груз. – Ендзеба). Тлядал и Хашалхута были расположены на правом берегу реки Арши-ор, первое выше по течению речки, т. е. севернее, а второе ниже, т. е. южнее. Гарбутль и Гунзиб, в свою очередь, находились на левой стороне Арши-ора, при этом первое севернее Гунзиба. По преданиям, подтверждаемым историческими документами времен имамата, постоянное поселение здесь вышеуказанных хуторов относится к 1847 году, когда часть горцев, недовольная своевольством одного из наибов Шамиля, ушла в Кахети, обосновавшись на своих зимних пастбищах.

Во время депортации кварельских аварцев в Чечню их разделили в зависимости от селения, откуда они являются выходцами. Все они были заселены на территорию нынешнего Курчалоевского района, в самой южной горной его части, в населенные пункты, расположенные недалеко друг от друга. Выходцев из Тиви и Тебелджохи поселили в сел. Регита и Ачерешки (в пределах одного сельсовета), восточнее них – в сел. Корен-Беной переселили жителей Хашалхута, еще восточнее – в сел. Ялхой-мохк и Бельты (один сельсовет) заселили жителей

сел. Тлядал и Гунзиб (ныне Сарусо) соответсвенно. Южнее этой полосы, выше в горы сел. Эникали были заселены бежтинцы.

Тлядальцы и бежтинцы основали сел. Чантлискуре на землях анцухских аварцев, там где располагался их хутор *Росохъ* (авар. – «в лощине»). Здесь росли акации, между которыми были непроходимые заросли колючего кустарника. Горцам пришлось насыпать здесь десятки машин камня, вырыть ирригационные канавы, по которым спускалась вода к приалазанской равнине. Даже сейчас в центре селения сохранилось небольшое болото. В центре него находится старое дерево, из-под которого течет родник, ставший основным источником заболачивания низинной территории. Раньше же вся местность была также заболочена[493]. Новые селения были построены в соответствии с имеющимися природными условиями, но одновременно были разделены на параллельные улицы, соединенные между собой главными дорогами и переулками.

Во второй половине XX в. крупным селениям, позже – поселкам городского типа, выполнявшим функции районных центров, Белоканы и Кахи, был придан статус городов. Уже после развала СССР и образования независимой АР крупные селения Белоканского (Кабахчолиб) и Закатальского (Алиабад) районов были объявлены поселками городского типа.

Центр региона на протяжении последних веков – город Закатала был основан в 1830-м году в связи с ликвидацией царскими войсками Джарской республики. Согласно А. Посербскому, «фельдмаршал князь Паскевич признал необходимым занять часть сел. Джары и на этом месте построить крепость. И так часть Джары была разорена и положено основание крепости, получившей название Новые Закаталы… Сначала, при заложении крепости, джарцы, казалось, равнодушно смотрели на происходившее, но между тем, призвав к совокупному действию горских лезгин, начали энергетически противодействовать русским. Много было пролито крови с обеих сторон, пока наконец крепость была окончена и владычество наше в этом крае могло утвердиться на прочном основании»[494]. С основания крепости при ней возник форштадт, который в 1851 г. был преобразован

---

[493] ПМА. Кварельский район РГ. 01.08.2011 г.
[494] *Посербский А*. Очерк Закатальского округа… – С. 24.

административным порядком в город. Кстати, многие современные города на Кавказе образовались на базе русских крепостей XIX в.[495]

Как мы уже указывали, Г. Гейбуллаев пишет, что Кусур «прекратил свое существование в 1951 г.»[496]. В самом деле, в мае 1951 г. в рамках известной антидагестанской кампании, развернутой Мирджафаром Багировым, гочотинцы, жившие около аварского сел. Динчи, были депортированы в Дагестан. По воспоминаниям старожилов, «сотрудники азербайджанской милиции на лошадях заезжали во дворы к кусурцам, не давая даже собраться, выгоняли их из домов. Они выкидывали постели, домашнюю утварь и поджигали дома. Разрушали углы домов с помощью больших плугов и далее разбирали их. Кладбище подожгли, надмогильные плиты переломали, только могила моего предка – шейха Хаджи-Махмуда – осталась тогда целой. Джамаат села собрался было в мечети, однако и оттуда их тоже выгнали». После разрушения Бехе Гочота кусурцы первоначально осели в аварских селениях Закатальского района. Одна часть поселилась в Чардахе, другая – в Тала, третьи обосновались в Динчи, но большинство ушли в горы – в селение Кусур, то есть в свою метрополию. Кусурцы, выселенные из Цора, вошедшего волей коммунистов в состав Азербайджана, ушли сначала в Кусур. Позднее, однако, они вынуждены были переселиться на плоскость. Сначала они обосновались в совхозе им. Султанова в Хасавюртовском районе (ныне сел. Садовое), далее один год провели в землянках около сел. Качалай в Бабаюртовском районе. В 1953 году кусурцы начали расселяться в местности Камбулат – на выделенном им кутане, в котором в то время каких-либо жилых строений не было[497].

Чуть позже началось и выселение тальских аварцев с их хуторов близ Алазани (Халатала, Халаталабина, Халатолиб, Киргил-бина и т. д.), эти земли были позднее переданы под два переселенческих проекта. Первый – это переселение цахур из Мухахского ущелья в построенный в 1950-х гг. новый поселок Али-Байрамлы. Второй – создание орехового совхоза и при нем нового поселка Халатолиб

---

[495] *Кобычев В. П.* Города, селения, жилище… – С. 96.
[496] *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана… С. 138.
[497] ПМА. Рутульский район РД. 14.08.2007 г.

(Узунгазмалар), куда были поселены цахуры из Рутульского района Дагестана и азербайджанцы из других районов республики[498].

Как мы уже указали, в советский период преобразование сельского расселения рассматривалось в основном через призму «перспективности» или «неперспективности» населенных пунктов и мероприятий по сселению. В этом есть и рациональное начало. К примеру, когда после в 1963 г. в результате обильных дождей река Катих-ор вышла из берегов и разрушила поселение Туйур, его жители были переселены в другие селения, а само село перестало существовать. До середины 1960-х гг. Гугамский сельсовет включал в себя пять селений, т. е. помимо четырех вышеуказанных в него входило селение Туйур[499]. Эти изменения отразились и в структуре Гугамского сельсовета, который уже стал включать в себя только 4 села[500], сейчас объединенных в Гугамский муниципалитет.

Между тем, по мнению К. Р. Цодорова, исследовавшего этот вопрос в рамках Шеки-Закатальского региона АзССР, это лишь один из возможных путей оптимизации сельского расселения, который может найти широкое применение лишь в мелкоселенных районах со слаборазвитым инфраструктурным обеспечением территории. Уже в мелкоселенных районах с развитыми территориальными системами инфраструктуры (включая транспортную сеть и мелиорацию) этот путь может иметь лишь весьма ограниченное и выборочное применение. Еще меньше возможности для применения он должен иметь в крупноселенных районах, особенно имеющих высокий уровень инфраструктурного обеспечения. Это связано с необходимостью сохранения основных фондов как производственного, так и непроизводственного назначения, сбережения эксплуатируемых земельных угодий и сокращения масштабов миграции населения, не соответствующей интересам общества. Наряду с переселением населения из «неперспективных» сел во многих районах необходимо использовать, нередко в

---

[498] ПМА. Закатальский район АР. 28.06.2009 г.

[499] Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1961 г… – С. 54.

[500] Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1977 г… – С. 40.

качестве основного, и другой путь – реконструкцию населенных пунктов с целью обеспечения в них необходимых условий труда и обитания населения[501].

Между тем укрупнение поселков считалось «одним из существенных вопросов перестройки сельского расселения»[502]. Эта доктрина основывалась на том, что «крупные села лучше приспособлены к социалистической системе сельского хозяйства, создают больше возможностей для достижения высокого уровня благоустройства и всех видов обслуживания». Одновременно учитывалось, что чрезмерное сосредоточение населения в одном пункте значительно увеличит расстояние до обрабатываемых участков, а это, в свою очередь, приведет к нерациональной затрате времени на дорогу до места работы[503].

Наряду с укрупнением поселков серьезной проблемой считалось и урегулирование внутрисельской плотности застройки сельских поселений. Слишком крупные размеры отдельных населенных пунктов, в которых размеры усадеб доходили до 5 гектаров, осложняли благоустройство сел и обслуживание населения социальными службами. В таких поселениях устанавливались ограничения для расширения селитебной части и осуществлялось уплотнение застройки за счет дробления приусадебных участков родителей между семьями их детей, для которых новые дома строились на части старого участка, а не в новой части селения.

Снятие этих ограничений в постсоветский период привело к значительному территориальному росту равнинных поселений в Цоре за последние 20 лет и образованию новых кварталов на месте бывших садов и пашен. Даже при поверхностном наблюдении в Алазанской долине выделяются два основных типа формирования современных поселений. Первый обусловлен условиями дефицита земель, которые могли бы быть выделены под расширение селитебной части поселения. В этих условиях единственной альтернативой являлось не расширение старых поселений, а основание новых на других, более удобных территориях, в т. ч. на равнине и в близлежащих к городу и основным магистралям землях. Возникновение второго типа расширения существующих населенных пунктов

---

[501] *Цодоров К. М.* Указ. раб. – С. 8.
[502] *Джаошвили В. Ш.* Указ. раб. – С. 376.
[503] Там же.

обусловлено наличием достаточных земельных участков и как следствие – возможности расширения старых поселений за счет освоения близлежащих (как правило, в нижней части селения) территорий.

С урегулированием величины и плотности застройки населенных пунктов тесно связана их внутренняя планировка. При реконструкции планировки селений в ряде случаев проводилось и улучшение внутрисельской дорожной сети – прокладка более широких и прямых улиц, выделение центральной площади, на которой строились общественные здания – школа, клуб, сельский совет, колхозная канцелярия, магазин и т. п. Осуществлялся контроль в частном жилищном строительстве и по возможности не допускалась стихийная застройка поселений.

В результате землетрясения 2012 г. существенных изменений в форме и структуре поселений не произошло, поскольку новые жилища строились почти всегда на том же приусадебном участке, на котором располагался и разрушенный в результате землетрясения дом. Такую форму застройки определили прежде всего крупные размеры садовых и придомовых участков почти во всех селениях Цора, а также крупные размеры самих поселений, при которых освоение новых земель под жилищное строительство на окраине существующих населенных пунктов сопряжено со значительными затратами на проведение воды, электричества, газоснабжение, подведение к ним автомобильных дорог и т. д. Кроме того, располагаясь на окраине и без того растянутых на несколько километров поселений, жители новых микрорайонов оказались бы вдалеке от сельских центров, где располагаются администрация, школа, больница и другие общественные учреждения.

В течение XX – начала XXI вв. значительные сдвиги произошли и в функциональной структуре многих сельских поселений. Такие изменения были обусловлены, во-первых, развитием перерабатывающих производств, транспортных и обслуживающих предприятий в некоторых селениях; во-вторых, как мы уже указали, возникновением новых населенных пунктов с полным циклом агропромышленного производства и, в-третьих, занятием значительного числа жителей пригородных поселений на промышленных предприятиях, в учреждениях государственного сектора и прочих отраслях, сконцентрированных в городах Билкан, Закатала и Кахи.

Глава III. Традиционное и современное жилище Цора

§ 3.1. Генезис и эволюция традиционного жилища Цора

Архитектура цорского жилища XVIII–XIX вв., композиционные и планировочные приемы, основанные на местных условиях и сложившихся традициях, согласно заключению исследователей, создали интересные образцы подлинно народной архитектуры. Строения народных мастеров, часто весьма искусных, хорошо отвечающие местным специфическим условиям, представляют большой интерес и достойны детального изучения[504].

Главным строительным материалом для традиционного цорского жилища в горной и предгорной его части был **камень**. Почти весь жилой фонд в аварских и цахурских селениях Цора был представлен каменными домами. Только на приалазанской равнине, в лесных районах, а также на некоторых хуторах, расположенных в лесистых ущельях и в предгорье, широкое применение в жилом строительстве находило **дерево**. Основными строительными материалами для традиционного жилища в Цоре служили рваный камень горных пород и булыжник, обильно доставляемый горными речками, равно как и обожженный кирпич двух видов: обычного типа и квадратный. Кладка велась на цементном, известково-алебастровом и глиняном растворах с примесью кизяка и самана. Штукатурка из указанных же вяжущих веществ – довольно хорошего качества[505].

Количество этажей в жилом доме обычно зависело от состояния хозяина и не было увязано с этническими или природными особенностями. Чаще в Цоре встречались каменные двухэтажные дома. Об этом говорят и авторы XIX в. К примеру, Д. Зубарев, посетивший территорию современного Закатальского района в 1830 г., свидетельствует, что «домы Джарцев каменные, двухэтажные, весьма опрятные и красивые; они гораздо превосходнее русских изб. Селение выстроено

---

[504] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 109.
[505] Там же. – С. 108.

беспорядочно; домы стоят в густом лесу, рассеянно, в довольно далеком один от другого расстоянии»[506].

Пол в одноэтажном жилище или в первом этаже двухэтажного дома делали из утрамбованной земли, покрываемой сверху раствором с примесью мелкого гравия[507]. Потолок и межэтажные перекрытия сооружали из продольных прогонов, положенных на торцовые стены, поперечных балок и настила из толстых досок, поверх которого наносили слой известково-алебастрового раствора. Доски перекрытий подгоняли довольно тщательно одна к другой и на стыках подшивали снизу узенькими профилированными планками. Просветы между прогонами и балками аккуратно заделывали такими же дощечками, поставленными на ребро[508]. Большая тяжесть перекрытий вынуждала ставить внутри помещений дополнительный столб с подбалкой, который принимал на себя часть нагрузки стен.

Нижний этаж в двухэтажном жилище отводился под хозяйственные помещения: в нем содержался скот, хранилось сено и приготовлялась пища. В одноэтажном доме под хозяйственные нужды отводилась одна из двух комнат[509]. Жилые и хозяйственные комнаты в аварском жилище не имели внутреннего сообщения между собой, и поэтому попасть в них можно было только через веранду. В помещения второго этажа поднимались по каменным лестницам, пристраивавшимся к фасаду или к торцу жилища.

Одним из обязательных элементов народного жилища в Цоре являлась **веранда** (авар. *рагъи*), иногда занимавшая фасад жилища по всей его длине. Веранды имели вид массивной каменной аркады вдоль главного фасада. Их устраивали как на верхнем, так и на первом этажах домов, на втором этаже нередко аркада заменялась деревянной колоннадой. Арки веранды имели полукруглую или стрельчатую (килевую) форму и покоились на толстых и коротких каменных опорах. Столбы деревянной колоннады были более тонкими. Ширина веранд была различной – она колебалась от 2 до 3 м. С боков она прикрывалась выпусками торцовых стен жилища, в которых иногда устраивали лестницы на второй этаж и

---

[506] *Зубарев Д.* Указ. раб. – С. 555.
[507] *Кобычев В. П.* Крестьянское жилище… – С. 50.
[508] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 108.
[509] Там же. – С. 104.

чердак. На втором этаже перекрытием для *рагъи* служила выступающая вперед крыша дома. Массивная каменная веранда придавала аварскому жилищу грузный тяжеловесный вид. Тяжеловесность и массивность несколько облегчали разнообразные украшения, которые вносились как в конструкцию жилища в целом, так и в отдельные его части. Так, однотонность высоких темно-серых каменных стен прерывалась вкраплениями красной кирпичной кладки, выполненной в форме «елочки», «зубцов» и треугольников. Над массивными каменными опорами арок веранды в кладке делали фигурные отверстия или выкладывали различные стилизованные рисунки и геометрические фигуры. На тимпанах арок дверей и окон изображали розетки – символы солнца и т. д. Деревянные части дома (опорные балки потолка, столбы колоннады второго этажа, серединный столб внутри помещений, а также ларь и нары) украшали резьбой, зарубками и насечками. Изредка встречалась и роспись[510]. Веранды в Цоре служили для хозяйственно-бытовых нужд (хранение продуктов и мелких домашних предметов), иногда там устраивали камин, где хозяйка летом готовила пищу.

Формы крыши в Цоре сводились к двум основным: скатной и плоской. Плоские крыши в XIX в. имели только три селения: Елису, Цараки/Сарыбаш в Кахском районе и Сувагил в Закатальском. Крыши в прошлом покрывались слоем обыкновенной земли. Для того чтобы на крыше не проросла трава, в некоторых местностях землю смешивали с солью. Для утрамбовки таких крыш (чтобы предотвратить протекание дождевой воды в жилище) существовали специальные каменные катки (авар. *михир*). Важно отметить, что, в отличие от Закатальского (за исключением сел. Сувагил) и Белоканского районов, в Кахском районе вплоть до первой половины XX в. сохранялись традиционные для горной Аварии, да и в целом для Дагестана жилые здания с плоской земляной крышей. Это объяснялось тем, что здесь еще сохранились селения (Елису, Цараки/Сарыбаш), расположенные на высоте более 1,2 тыс. м над уровнем моря, тогда как в остальной части Цора такие поселения после нескольких походов войск Надир-шаха были разрушены, а жители их поселились в предгорных аварских селениях. В частности, как свидетельствует источник XIX в., на территории бывшего Елисуйского султанства (сейчас Кахский район АР) «дома в горных селениях каменные, с плоскими

[510] Там же. – С. 107.

крышами, а на плоскости – деревянные с высокими камышовыми»[511]. К. Никитин особенно подчеркивает отличие жилых домов в Елису от остальных аварских и цахурских поселений: «Строения в селении имеют особенно горский характер, представляющий почти ничего общего со строениями прочих лезгин в Закатальском округе»[512]. Материалом для постройки жилища служили речной булыжник и сланцевые породы. Толстые стены (до 1 м) придавали жилищу тяжеловесные формы и мрачный (от черного цвета сланца) вид. Окна и двери в жилище были большими, что также составляло «резкую противоположность с обычаями остальных жителей Закатальского округа», строивших дома «с узкими и маленькими отверстиями в стенах и низкими дверями»[513].

Скатные крыши у аварцев Цора отличались особенно высоким углом наклона, за счет чего образовывалось значительное пространство, которое использовалось для выкармливания личинок тутового шелкопряда, хранения продуктов и мелкого инвентаря, сушки фруктов и т. п. Это достигалось путем поднятия ската на боковых специальных подпорках высотой до 1 м – деревянных, каменных или кирпичных. Стены чердака были каменными, пол глинобитный, позднее – цементный. Дымовые трубы ни в одной из жилых построек не выводятся сквозь кровлю, а возвышаются над полом чердака на 0,7–1,0 м. Дым, обогревая чердак, просачивается сквозь материал кровли и щели[514]. Вход на чердак устраивали в форме арки в одной из торцовых стен, поднимались на него по каменной или приставной лестнице. Кровлю над жилищем делали из конькового прогона, стропил и жердевой опалубки. Коньковый прогон в двускатной крыше опирался на каменные фронтоны, в четырехскатной – на специальные опорные стропила. Крыли крышу черепицей или соломой[515].

Интерьер жилых комнат составляли камин, устраивавшийся в середине внутренней стены, большой деревянный ларь с зерном и мукой и массивные деревянные нары, на которые днем складывались постели. Полок-рэф и стенных

---

[511] Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского наибства… – С. 3.
[512] *Никитин К.* Очерк Елисуйского ущелья… № 68.
[513] Там же.
[514] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 109.
[515] *Кобычев В. П.* Крестьянское жилище… – С. 51.

ниш обычно не было[516]. Согласно Н. Дубровину, у джарцев обычно «дом разделен на две половины: одна для мужчин, другая для женщин. В каждой комнате большой камин, пол устлан коврами и рогожами; в комнате чисто и опрятно; домашнюю утварь составляют ковры и медная посуда. Из всего сказанного видно, что лезгин делит свое жилище на две половины: женскую, где живет вся семья, и кунакскую, где принимаются гости; хозяин особенно заботится о последней. Она всегда содержится в чистоте и порядке, стены ее выбелены, угол занят обыкновенно камином. В противоположность этому, женская половина отличается свою нечистотою, грязью, и в ней часто помещаются домашние животные»[517].

Больших размеров достигал в жилище аварцев камин, который красиво оформляли по фризу лепкой и снабжали приспособлениями для подвешивания котлов и вертелов. Полы в комнатах застилали коврами и войлочными кошмами. На стенах и на центральном стояке развешивали оружие, одежду и конскую сбрую[518]. Автор XIX в. пишет, что в Цоре «сакли редко имеют две комнаты, но однако бывают и двухэтажные. Есть также в округе несколько офицеров из туземцев, которые построили себе дома на манер европейских: с окнами, полом, в них есть мебель и даже зеркала; но это редко: самые богатые предпочитают старые порядки европейской обстановке. Сакли строятся без окон, свет в них проходит через двери. В стенах поделаны ниши, в которых в порядке сложены: постель, ковры; войлоки, одежда и разная медная домашняя утварь; конечно, всего этого тем больше, чем зажиточнее хозяин. У иных одежда и ковры хранятся в больших сундуках. На стенах развешано оружие, конская сбруя. Летом в саклях, несмотря даже на темноту, довольно опрятно; но зимою – не совсем»[519]. Нередко в аварском доме, принадлежавшем зажиточному хозяину из влиятельного тухума, имелась «оружейная комната» (авар. – яргъил рукъ), где происходили мужские беседы и оружие было развешено для всеобщего обозрения[520].

Темная фактура деревянных конструкций, громадные «бухары» с приспособлениями для подвески котлов и вертела, тяжелая деревянная мебель,

---

[516] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 105.
[517] *Дубровин Н.* Указ. раб. – С. 538.
[518] *Кобычев В. П.* Крестьянское жилище… – С. 51.
[519] *Посербский А.* Очерк Закатальского округа… – С. 41.
[520] *Мовчан Г. Я.* Указ. раб. – С. 431.

полы, устланные войлочными кошмами, придают жилью простой, строгий вид, вполне соответствующий вкусам и быту жителей Цора[521].

Подробное описание традиционной аварской **усадьбы** в Цоре принадлежит другому автору XIX в. – А. Посербскому. Свидетельство его весьма ценно, и отрывок стоит привести полностью: «Дома строятся из местного камня очень прочной и массивной неуклюжести. Усадьба обыкновенно обведена толстой каменной стеной, и ежели она старинной постройки, то имеет башни с бойницами; кроме того, вход в двор тоже через башню, и тогда усадьба похожа на крепость, теперь же стены не выше 2–3-х аршин. Каждая усадьба занимает большое пространство, и поэтому построена одна от другой редко, отчего даже небольшой аул кажется значительным. При каждой сакле – более или менее обширный двор, через который непременно пробегает канавка с водою; на дворе среди зеленой мягкой муравы растет несколько старых фиговых, ореховых или тутовых деревьев, дающих летом прекрасную густую тень, под которой любят посидеть и дети, и взрослые»[522]. При этом «в обширном шелковичном и фруктовом саду перед дверьми дома разостланы были ковры и цветные Хорасанские войлоки»[523]. Касательно размещения хозяйственных построек и в целом плана усадьбы в поселениях Цора А. Посербский замечает, что в черте ее «находятся фруктовые, виноградные или тутовые сады, а также огород для овощей: огурцов, фасоли, арбузов, тыкв; иногда небольшое пространство засеяно пшеницей или ячменем или оставлено на луг... Около сакли строится сарай для лошадей и загораживается место для рогатого скота и овец»[524].

Э. Летифова делит усадьбы по своей планировке на территории Цора (в частности Елисуйского султанства) на два типа: 1. С жилищем, расположенным в глубине двора. 2. Усадьбы с жилищем, задняя или боковая стена которого одновременно служила дворовой стеной[525]. Второй тип усадеб был распространен в малоземельных общинах и селениях региона, расположенных в предгорье или в горных ущельях, где существовала необходимость в экономии земли, а первый – в

---

[521] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 109.
[522] Там же.
[523] *Зубарев Д.* Указ. раб. – С. 555.
[524] *Посербский А.* Очерк Закатальского округа… – С. 40–41.
[525] *Летифова Э.* Указ. раб. – С. 164.

равнинных и предгорных селениях, где не было дефицита в территории, отводимой под жилую застройку.

Усадьбы состоят из бытового и хозяйственного отделений. В первое входят жилые строения, хлев, саманник, птичник, навес для сельскохозяйственных орудий, пекарня. В хозяйственном отделении же располагались сады, огороды, тутовники и курухи (газоны – сенокосы). Как уже отмечалось выше, через двор обычно протекала канавка с проточной водой для орошения и бытовых нужд[526].

Суровый и вместе с тем живописный горный ландшафт, обилие растительности (леса, кустарники), относительно слабое развитие ремесел и кустарного производства в преимущественно скотоводческом и садоводческом регионе, каковым являлся в XVIII–XIX вв. Цор, а также особенности местного строительного материала оказали существенное влияние на архитектуру, композиционные и планировочные приемы жилищного строительства[527].

Исследователями замечено, что «непосредственный процесс экологической адаптации общества к природной среде происходит путем ее соответствующего социально организованного территориального освоения, которое выражается в поселениях и образующих их жилищах»[528]. Именно этим объясняется то, что природные особенности и географическая близость больше влияют на единство архитектурных форм и особенностей поселенческой структуры, нежели этническое единство разных по природно-климатическим условиям регионов. К примеру, архитектура западной Грузии явно отличается от архитектуры жилых помещений восточной Грузии. В то же время жилища восточной Грузии сходны с дагестанскими и особенно аварскими. Это же касается и территории современного северо-западного Азербайджана (Закатала, Белоканы, Нуха)[529].

---

[526] Там же. – С. 164–165.
[527] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 103.
[528] Культура жизнеобеспечения и этнос... – С. 35–36.
[529] *Гольдштейн А. Ф.* Генетические связи дагестанского длиннопланного дома // Зодчество Дагестана. – Махачкала, 1974. – С. 159.

§ 3.2. Типолого-классификационная характеристика

Народное жилище – один из основных наиболее существенных и в то же время чрезвычайно сложных элементов материальной культуры. Наиболее точно выявить его характерные особенности можно через обобщение и систематизацию путем выбора определенных признаков из всего многообразия его типов, форм и особенностей. Хотя данное обобщение и не претендует на всю полноту охвата всех аспектов данного вопроса, но позволяет вычленить основные его особенности и характерные черты, что и являлось главной целью. Прежде всего, необходимо разделить жилища на две основные группы соответственно социально-экономическим отношениям и культурно-бытовой специфике их создателей: постоянные и сезонные (временные) строения.

Временные жилые строения Цора отличаются большим разнообразием, что в первую очередь обусловлено природными особенностями территорий, на которых они были распространены.

Палатка (*чадир*) состоит из матерчатого корпуса различной формы, одного центрального столба (не всегда) и нескольких деревянных и железных колышков. Ткань корпуса чадира изготовлялась из конопли, льна, а также хлопчатобумажных и шерстяных нитей. **Шалаш** (*дахма, чатма*) состоит обычно из деревянного каркаса, обшитого материей или чаще обложенного ветками и корой. Эти жилища использовались как временные укрытия, а также для жилья летом. Их устраивали в садах, огородах и во дворах из лесоматериала; они были различной конструкции. Предназначенные для жилья шалаши имели квадратную форму с плоской или скатной крышей, обычно двухъярусные, редко трехъярусные. Крыша покрывалась травой, соломой, ветками. В основном такое жилище встречалось и сейчас встречается на летних стоянках животноводов, расположенных в альпийской зоне. Нередко значительная часть жителей селения, переселяясь на летние пастбища и строя в определенном месте такие шатры и шалаши, образовывала сезонные населенные пункты, состоящие иногда более чем из ста жилищ. В настоящее время практика летнего отъезда на горное пастбище характерна для жителей аварского сел. Мацих Закатальского района, которые на близлежащей горе Гумзул-гор образуют летний стан из нескольких десятков палаток.

Паж – временное жилище из необработанных камней, сложенное сухой кладкой для укрытия от непогоды в горах. Встречается в горах и является как бы постоянным жилищем, используемым каждое лето пастухами. Кроме того, им пользовались охотники, путники и другие люди, случайно попавшие в горы. Пажи были наземные, с глухими стенами, по конструкции четырехугольные, но однокамерные.

Толи (авар. – «землянка, бункер») – жилое помещение, выкопанное в сухом грунте и использовавшееся пастухами на зимних пастбищах. В основном они были расположены в долине реки Иори и на Ширакском плато – т. е. в основных регионах, где зимой выпасался скот закавказских аварцев, но нередко они встречались и на холмах вдоль реки Алазани, пойменные леса и степи которой также использовались в качестве зимних пастбищ аварцами. Конструкция толи была следующая. Вначале выкапывали яму размером примерно 5 х 3 м и глубиной 1 м. Далее в центре ставили два опорных столба с развилкой на конце и на них крепили коньковый брус. Несущие стропила устанавливались от бруса к боковым стенкам с обеих сторон. Перпендикулярно стропилам нашивались опалубки, поверх которых клался камыш. Таким образом, получалось жилое помещение с двускатной крышей и очагом посередине[530].

Срубные дома (авар. *цIулалрукъ* – «деревянный дом») были распространены на хуторах в лесной предгорной зоне Цора, а также приалазанской равнине. Несмотря на то что это преимущественно времянка для охотников, лесорубов и пастухов, в некоторых хуторах нередко основная часть жилого фонда была представлена именно этим типом жилища. В первую очередь это касается недавно основанных поселений, застроенных на лесных опушках и не приобретших еще статуса постоянного самостоятельного поселения. Его строили на каменном фундаменте или же на брусьях. Стены складывали из бревен или досок, которые скрепляли срубами на концах досок, лежащих в горизонтальном положении. Все детали будущего дома изготавливались в лесу, где его фактически и строили. Затем его разбирали и привозили во двор, где заново собирали на заранее заготовленном фундаменте.

---

[530] *Летифова Э.* Указ. раб. – С. 167.

Обычное **стационарное жилище** аварцев в Цоре (*рукъ*) было каменным, одно- и двухэтажным (*ригь*), с двух- или четырехскатной черепичной или соломенной крышей, верандой и чердаком. В плане жилище было прямоугольным и строилось на высоком фундаменте. Для строительства фундамента и стен использовали рваный камень или речной булыжник, кладку которых вели на цементном растворе с примесью мелкой гальки, навоза и самана. Для украшения плоскости стен каменную кладку иногда перемежали горизонтальными рядами красного кирпича. Стены жилища имели значительную высоту, так как помимо комнат прикрывали собой одновременно и чердак; с внутренней стороны их штукатурили цементным раствором. Дверные и оконные проемы в жилище делали небольшими и обычно арочной формы, с тимпанами, заполненными щебенкой[531].

В горной части Цора – в аварских и цахурских селениях Елису, Сарыбаш/Цараки, Сувагил, Кас, Каркай, Калал и т. д. – вплоть до 1960-х гг. сохранялись каменные дома с плоской крышей (*дахал*). О наличии домов этого типа в Елису в середине XIX века свидетельствуют наблюдения К. Никитина: «Все дома здесь высокие, каменные, с высокими каменными заборами, плоскими, усыпанными песком крышами, окна в домах большие, двери также, что составляет резкую противоположность с обычаем остальных жителей Закатальского округа – строить дома с узкими и маленькими отверстиями в стенах наподобие окон и низкими дверями»[532]. Этот тип дома никак не отличался от характерного для горного Дагестана жилого строения, которое хорошо описано в работах дагестанских этнографов.

В XIX в. у аварцев Цора в значительном количестве сохранялись **дома-крепости** (авар. – *гьин*), построенные еще в предыдущих столетиях. Достаточно привести данные автора 1850-х годов В. С. Дзерожинского, который описывает крупное цорское селение Катих. По его словам, миновав развалины какой-то старинной крепости и стены, они перешли вброд речку Катих-ор и вступили в сады «большого аула» Катих. «Не знаю, сколько он имел жителей и какое занимал пространство земли, отделяясь названной речкой от такого же большого аула Мацехи, но мы шли его садами и улицами часа два. Правда, сакля от сакли

---

[531] *Кобычев В. П.* Крестьянское жилище… – С. 50–51.
[532] *Никитин К.* Очерк Елисуйского ущелья… № 67.

отстояла иногда на четверть и более версты; остальное же пространство занято было густыми, тенистыми, большей частью фруктовыми садами. Я только не вполне правильно назвал жилища этого аула саклями: это скорее были миниатюрные укрепления, сложенные из местного неотесанного камня, спрятавшиеся между деревьями, с окнами и дверями на внутренний двор и узкими бойницами в стенах к стороне улицы. Впрочем, улиц собственно в аул не было, а вместо них мелкие ручьи чистой воды, по которым пешеходу приходилось пробираться вброд с одного конца аула до другого»[533].

Цорские дома-крепости представляли собой двухэтажные каменные башнеобразные сооружения без окон и веранд. В нижнем этаже таких домов содержали скот, в верхнем жили люди. На нижнем этаже иногда устраивался проезд во двор, который обносился крепкой каменной стеной. На верхнем – прорезались бойницы, предназначавшиеся для обороны жилища и усадьбы. Интерьер домов-крепостей был предельно строг и суров. Камин составлял все их оборудование, деревянный ларь и нары – обстановку. Скудный свет, проникавший сквозь немногочисленные и узкие бойницы, делал общий фон интерьера еще более суровым[534].

Возле некоторых аварских домов можно было видеть еще четырех-, пятиэтажные каменные оборонительные башни. Во второй половине XIX в. эти башни уже потеряли свое оборонительное назначение и заново не строились. В плане они были квадратными с размером наружной стороны 5,5–6 м и сооружались из тщательно пригнанных один к другому больших речных булыжников, положенных на известковый раствор. Толщина стен башен у основания равнялась одному метру, но к вершине постепенно уменьшалась до полуметра, вследствие чего снаружи стены приобретали легкий наклон внутрь, придавая всей башне форму усеченной пирамиды. Верхняя часть башни (т. е. четвертый или пятый этаж) делалась намного больше размером и подпиралась короткими каменными кронштейнами, нависавшими над нижерасположенными этажами. Крыша над башней устраивалась двускатная на каменных фронтонах. Вход размером 90 х 150

---

[533] *Дзерожинский В. С.* Из Кавказской войны. По поводу 50-летия осады Месельдегерского укрепления Шамилем в 1853-м году // Военный сборник. – 1903. – №10. – С. 55.

[534] Там же. – С. 51–52.

см находился на первом или на втором этажах[535]. Внутреннее пространство башни деревянными настилами разделяли на 4–5 этажей. Межэтажные перекрытия опирались на балки, для которых в стенах имелись специальные гнезда. Сообщение между этажами осуществлялось через особые люки при помощи наклонно поставленного бревна с зарубками. На каждом этаже имелось несколько бойниц-щелей, снаружи шириной 5–6 см, внутри башни расширявшихся до полуметра.

Бойницы устраивали в 1,3–1,8 м над уровнем пола, т. е. предназначали их для ведения огня стоя. Бойницы всех этажей, кроме верхнего, рассчитывались обычно на обстрел дальних подступов к башне. Ближние подступы и основание защищали с верхнего этажа бойницами, расположенными между каменными кронштейнами. В верхних этажах башни (третьем, четвертом и пятом), кроме бойниц, иногда прорезали еще по одному окну размером 60–70 х 120–140 см, закрывавшемуся одностворчатой деревянной ставней на шипах, вставленных в выдолбленные в каменных косяках гнезда. Запирались ставни клиновидным запором. Во время осады в нижнем этаже башни размещали скот, во втором и третьем – женщин и детей, в четвертом и пятом – группировались защитники.

Вокруг некоторых башен иногда строили крепостные стены (*жубур*), которые замыкали собой небольшой четырехугольный участок площадью несколько сотен квадратных метров. Крепостные стены сооружали из крупных булыжников на прочном известковом растворе высотой 2 м. Башня на таком участке, огороженном крепостной стеной, стояла обычно в одном из его углов либо в середине. По мнению Л. Бретаницкого и Л. Мамиконова, крепостные стены пристраивались к башням в более поздний период[536].

При некоторых аварских усадьбах имелись еще особые надвратные оборонительные сооружения, представлявшие собой двухэтажные каменные постройки под четырехскатной черепичной кровлей. На их нижнем этаже устраивался проезд во двор, а в верхнем – бойницы для защиты подступов к усадьбе. Надвратные сооружения ведут свое происхождение от обычных оборонительных башен, которые в Средние века строились при въезде в крепости и замки во многих местах Кавказа. Это подтверждается самой архитектурой

---

[535] Там же. – С. 52.
[536] *Бретаницкий Л., Мамиконов Л.* Указ. раб. – С. 112.

надвратных построек, декоративные карнизы которых подражают каменным кронштейнам верхних этажей башен[537].

Гьин по своей функциональности имеет аналогии как среди соседних аварских регионов, так и у других кавказских народов. У горных осетин подобный комплекс, образованный включением спаренных (жилой и оборонительной) башен в массивную каменную ограду, называется *галуан*, одно из значений которого – «каменная ограда»[538]. В. И. Абаев приводит кавказские соответствия этому термину: груз. *галавани*, сван. *галаван*, абхаз. *агалван*, авар. *галан*. При этом он считает, что *ван* является иранизмом, а *гала* связана с известным *кала*, т. е. «крепость»[539]. Наряду с вышеуказанным у осетин также имеется термин *гэнах*, которым обозначают жилую башню или дом-крепость[540].

У аварцев Анкратля (современный Тляратинский район РД) близкое изучаемому название *гьен* перешло также на небольшое (до 2–3 десятков домов) укрепленное поселение. Такие поселения характерны для горной Ингушетии и отчасти Чечни. Сейчас их в аварских районах почти не сохранилось, однако вокруг существующих поселений, к примеру, вокруг Камилуха – самого верхнего населенного пункта в верховьях реки Джурмут – находятся развалины более пяти тухумных поселений, носивших имя «гьен». Первая часть их названий образовалась из антропонима или особенностей географического положения. Это *Агьи-гьен*, *Салусил-гьен*, *ХIерен-гьен*, *Хьунал-гьен*, *Басанди-гьен*[541]. Такое же укрепленное поселение на вершине скалы, омываемой горными речками с трех сторон, находится и ниже по течению реки Джурмут (*Болъо-гьен*).

Наиболее известным и характерным примером «гьина» в Цоре является *Жунгозул-гьин* в верхней части селения Джар Закатальского района. Этот *гьин* носит имя одного из джарских тухумов[542] (*Жунгозал* – аварское название, корень

---

[537] *Кобычев В. П.* Крестьянское жилище… – С. 53.
[538] *Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г.* Кавказский этнографический сборник. – Тбилиси, 1975. Вып. V. Ч. I. Формы жилища и структура поселения горной Осетии. – С. 112.
[539] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М., 1958. Т. I. – С. 503.
[540] *Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г.* Указ. раб. – С. 190.
[541] *Омаров М. М.* Аньракь (Семиземелье). – Махачкала, 2006. – С. 12–20.
[542] *Молла Мәһәммәд әл-Чари*. Указ. раб. – С. 19.

которого состоит из персидского *джанг* – «боевой, воинственный, отважный»[543]). Располагавшийся в северо-западной части Джара *Жунгозул-гьин*, являясь, по сути, тухумным замком, наряду с этим выполнял функции укрепления и для всего Джара. Построен он на левом берегу речки Микил-ор, предположительно в XIII в.[544], но неоднократно перестраивался и восстанавливался. К башне примыкает жилое строение, а вместе с двором, садом и хозпостройками она окружена каменной крепостной стеной. Таким образом, *Жунгозул-гьин* является классическим образцом аварского «гьина» – укрепленного жилого комплекса с башней. Сама башня выстроена из речного камня, взятого, вероятно, из русла речки, протекающей к западу от села. Башня в диаметре составляет – 5,75 метра, толщина стен – 92 см, высота снаружи – 11–12 м, изнутри от пола до потолка – 9,56 м. В башне сейчас 3 этажа (раньше было 7), на каждом – бойницы. Башня окружена крепостной стеной («жубур») из речного камня, высота которой сейчас составляет от 1,2 до 1,5 метра[545].

Русский автор начала XIX века оставил следующее упоминание об этом *гьин*е: «Проводники привели нас к четырехугольной башне, имеющей семь этажей и называемой Джангер-кала; она построена в начале прошлого века каким-то Амир Агматом (*Жунгозул-гьин* упоминается в местной хронике в связи с нападением войск Надир-шаха как «крепость Амир-Ахмеда»[546]) по случаю ожиданного нашествия Грузинского царя Теймураза»[547], под которым, вероятно, имеется в виду Теймураз II – царь Кахети (1732–1736, 1737–1744).

Некоторые исследователи, исходя из архитектурных особенностей строения, датируют башню XVI веком[548], но его эпиграфика дает основания отнести ее строительство к XIII в.[549] Другие авторы дают более широкие временные рамки, датируя надпись («высек (надпись) Идрис от (мин) Жин.г.з») XIII–XIV вв.[550] Правда, ранее этот же автор, ставя надпись *Жунгозул-гьин*а в один ряд с надписями

---

[543] Персидско-русский словарь / под ред. Ю. А. Рубинчика. – М., 1970. Т. I. – С. 445.
[544] *Халаев З. А*. Из истории оборонительных сооружений Алазанской долины… – С. 148.
[545] *Неймат М. С*. Указ. раб. – С. 93, 298, прим. 546.
[546] Хроника войн Джара в XVIII столетии… – С. 20.
[547] *Зубарев Д*. Указ. раб. – С. 555.
[548] *Усейнов М., Бретаницкий Л., Салам-заде А*. История архитектуры Азербайджана. – М., 1963. – С. 339.
[549] *Айтберов Т. М*. Закавказские аварцы… – С. 62–63.
[550] *Неймат М. С*. Указ. раб. – С. 64.

в Шемахинском районе, Дербенте и в крепости Гарни в Армении, писал, что они выполнены на камнях простейшим куфи, и датировал их IX–XI вв.[551] Имена эта надпись содержит явно местные, кавказские, а «не арабские, не персидские и не тюркские», среди них – «нартовское» Урузмаг, бытовавшее у аварцев в средневековье[552]. На стене башни есть надпись и более позднего времени, свидетельствующая о ее реконструкции (инициатор одной из них – Муртазаали «бину Ж.н.г.з» в июне 1762 г.[553]), которая, вероятно, и была принята вышеуказанным автором XIX в. как доказательство постройки ее «каким-то Амир Агматом».

В том же селении Джар расположены развалины и другого тухумного *гьин*а или «фамильного замка» – *ХъахIазул-гьин* (авар. «Кахаевых замок»). Кахазул-гин был расположен на западной окраине Джара, в верхней части квартала Тликаб-уба. Сейчас его остатки расположены в саду джарской семьи Саламовых, которые относятся к тухуму Кахаевых (авар. *ХъахIал* – «белые»). В прошлом в Джаре имелись и другие *гьин*ы, упоминания о них встречаются в различных источниках. К примеру, в «Хронике войн Джара» есть упоминание о том, что в «доме» Султанил Бацава в 1735 г. от войск Надир-шаха укрылось около 20 семей[554], что подразумевает наличие у него не простого дома, а укрепленного «гьина». Также в Джаре по правую сторону от части плато Лачин-тахида, примыкающей к горному склону, на трех холмах расположены развалины былого укрепленного поселения «Лачинил-гьин» (авар. «Лачина замок») с фрагментом башни, датированной историками XVII веком. Сохранившийся почти в целости замок *ШугIайил гьин* (авар. «Шуая замок») расположен недалеко от мечети в сел. Эхеди Чардах Закатальского района[555].

Особенно интересно исследовать тухумные башни соседнего с Джаром сел. Тлебел-уба Закатальского района. В этом селении, по полевым данным автора[556],

---

[551] *Нейматова М. С.* Мемориальные памятники Азербайджана (XII–XIX века). – Баку, 1981. – С. 4.
[552] *Айтберов Т. М.* Осетинские имена у аварцев XIV–XVII вв. // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984. Вып. I. – С. 51–54.
[553] *Неймат М. С.* Указ. раб. – С. 93, 298, прим. 546.
[554] *Молла Мәһәммәд әл-Чари*. Указ. раб. – С. 31, 105.
[555] ПМА. Закатальский район АР. 27.06.2009 г.
[556] ПМА. Закатальский район АР. 28.06.2009 г.

собранным со слов жителей села, в прошлом располагались 4 *гьин*а. Два из них принадлежали тухуму *Юмухал* (первый в целости, второй превращен в нежилой дом; оба расположены в центре села), остальные два – это *ПуртIазул-гьин* (в целости, расположен в верхней части села) и *Оцазул-гьин* (превращен сейчас в жилой дом и расположен в нижней части села). На сайте Министерства культуры АР дана в целом идентичная информация за одним исключением. Помимо двух башен XIV века *Юмухазул-гьин* и *ПуртIазул-гьин* там указана и башня *Кинтазул-гьин*, датируемая XVII веком.[557] Возможно, она принадлежала тухуму Кинтал, представители которого сейчас живут в 15 км южнее, в селении Динчи того же Закатальского района, но прежде, возможно, жили в Тлебел-уба. Тогда возникает вопрос о родстве их с Юмухал, которым, по словам жителей села, принадлежала эта башня. Там же числится еще одна, правда, безымянная, башня XVII века[558], которая, скорее всего, является *Оцазул-гьин*ом.

Чаще всего *гьин* в поселениях Цора выполнял сугубо оборонительную роль (помимо жилой, разумеется), однако иногда *гьин* с округой служил и общественным центром селения. Это характерно для укрепления *МалахIазул гьин* (авар. «Малаховых замок»), которое находится на возвышенности, расположенной в нескольких сотнях метров к западу от реки Билкан-ор. Сейчас это граница города Белоканы и селения Махамал-росу. Данное укрепление наряду с оборонительной функцией выполняло также роль места общественных собраний (авар. *руккел* – аналог новгородского вече или исландского тинга – «прародителя» современного парламента этой страны) Белоканского джамаата.

Интересны замечания исследователей о различиях в размещении башен у аварцев и других дагестанских народов. «У лезгин и даргинцев мы не встречаем башен, расположенных внутри селения, они находятся только на его окраинах, а у аварцев башни имеются в самом центре селения, что свидетельствует, по-видимому, о большей сохранности тухумных кварталов и соответственно тухумных башен»[559]. Соглашаясь с этим мнением, хочется подчеркнуть, что помимо сохранности тухумного деления на наличие родовых башен влияли

---

[557] www.mct.gov.az: «Башня Кинт» под инвентарным номером 5229.
[558] Там же. Башня под инвентарным номером 5228.
[559] *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Указ. раб. – С. 106.

особенности оборонной системы цорского поселения. Каждый квартал, каждый дом в нем играл роль укрепления, которое завоевателям приходилось брать с боем.

Приведенная выше цитата справедлива и по отношению к аварским поселениям Цора, в которых и сейчас можно заметить целые тухумные башни или их развалины. Большинство их было разрушено в ходе множества сражений, проходивших в Цоре в XVIII–XIX вв. К примеру, замок Муртазаалил Мухамада, руководителя тухума Тлебелал и одного из старшин Белокан, был разрушен в 1830 г. Отряд мюридов из горной Аварии под началом Аличул Мухамада Тиндинского вместе с частью белоканцев окружил его укрепленное жилище, поскольку он являлся представителем интересов царских властей. Муртузалил Мухамад вынужден был для спасения своей жизни вместе с родней засесть в «крепкой башне, находившейся в его дворе, намереваясь защищаться до последнего. Но Аличула вовсе и не думал об атаке этой твердыни. Сообразив, что не для чего даром проливать кровь своих сподвижников, он поджег башню, и она под развалинами своими погребла все приютившиеся в ней жертвы»[560].

Говоря в целом о роли *гьин*ов в структуре аварских поселений Цора, стоит отметить, что чаще всего они являлись опорными пунктами при обороне селения, строились часто на наиболее нуждавшихся в обороне участках окраин селения, однако позже оказывались в центре поселений (по мере их разрастания). Об этом говорят и некоторые источники: «В то же время, к которому относится рассказ (1735 г.), аул Джары теснился только в ущелье и на образующем его склоне Гундз-горы. Крайней точкой со стороны плоскости была передовая оборонительная башня, построенная из туземного камня и далеко господствующая над плоскостью, она называется Джангос и совершенно сохранилась и теперь»[561].

Помимо *гьин*ов на окраинах аварских селений или чаще за их пределами стояли одинокие башни без дополнительных фортификационных или жилых строений, называвшиеся *си* и игравшие преимущественно роль сигнальных постов и сторожевых башен. Как известно, наличие башен, как боевых, так и сигнальных,

---

[560] *Волконский Н. А.* Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. – Тифлис, 1888. – Т. XII. – С. 197.
[561] *Посербский А*. Очерк Закатальского округа… – С. 26.

является характерным для «вольных» обществ[562]. В феодальных же владениях, где политическая власть была централизована, стремление к недоступности каждого селения выражено слабее. В них, в случае необходимости, принимались меры к защите общества в целом.

[562] *Исламмагомедов А. И.* Поселения и жилища цахуров… – С. 73.

§ 3.3. Современное жилище дагестанцев Цора

Процесс преобразования традиционного жилища в Цоре в течение XX – начала XXI вв. затронул как его сущность, так и все компоненты. Главными строительными материалами в сельских поселениях Цора остаются камень и дерево, однако все большее распространение получает кирпич и шлакоблок. К тому, же если раньше камень и дерево обеспечивали строительство дома почти полностью, то теперь все большее место в отдельных конструкциях и компонентах жилища занимают прочие материалы – черепица, шифер, кровельное железо, металлочерепица, железные и бетонные балки, цемент, фанера, прессованный картон, электропровода, металлические и пластмассовые трубы и т. д.

При этом необходимо отметить, что степень внедрения новых строительных материалов не везде одинакова. Менее всего их в горных и предгорных поселениях, особенно труднодоступных и малолюдных, в которых жилой фонд в целом подвергся не столь значительной перестройке. На порядок больше используются новые материалы при строительстве домов в крупных равнинных поселениях, особенно расположенных вблизи городов Белоканы, Закатала и Кахи, которые застроены почти полностью жильем, возведенным из новых видов строительного материала.

В качестве одного из элементов процесса изменений в технологии строительства жилых домов в Цоре следует отметить и постепенное вытеснение деревянного жилища, которое в течение XX в. сменили каменные дома. Как свидетельствует источник XIX в., на территории бывшего Елисуйского султанства (сейчас Кахский район АР) дома «на плоскости» строились деревянные с высокими камышовыми крышами[563]. Н. Г. Волкова, исследуя поселения Цора, приходит к выводу, что еще в 1930-х гг. в предгорном сел. Ках-Ингило жилища строили из камня на извести или из дерева в один этаж, они имели камышовые (редко – черепичные) двускатные крыши. Большинство домов состояло из одного помещения, разделявшегося перегородкой. По одну ее сторону жили люди, по другую – находился скот. В равнинном сел. Мешебаш в это время преобладали

[563] Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского наибства… – С. 3.

деревянные одноэтажные дома. Тогда здесь было только 2 двухэтажных дома. Уже в 1950-е гг. в грузинских селениях левобережья Алазани началось строительство двухэтажных каменных домов на цементном растворе и преимущественно с черепичной крышей[564]. Сейчас же деревянные дома и на равнине практически невозможно встретить, кроме заброшенных строений XIX – начала XX вв.

Этажность жилища изменилась незначительно – в сельских поселениях как прежде, так и теперь жилой фонд в основном представлен двухэтажными домами. Довольно часто сообщения между этажами не существует. В верхний этаж можно попасть в большинстве случаев по каменной или металлической лестнице со двора, иногда по деревянной. Нижний или цокольный этаж является в основном нежилым, используемым для хозяйственных нужд. В нем имеется иногда сеновал, кладовая и очень часто одна или две жилых комнаты, в которых живут зимой. В традиционном цорском жилище в нижнем этаже имелась одна жилая комната, служившая зимним помещением для семьи, которое отделено глухой каменной стеной от хлевов. В некоторых домах эти комнаты теперь превращены в кладовые, и узнать их можно только по камину, оставшемуся в стене. Впрочем, нередко встречается и исключение из этого правила, особенно в предгорной зоне, где чаще первый, более утепленный этаж, служит основным местом зимнего пребывания хозяев, а на втором этаже располагаются спальни для гостей или же летние комнаты. Здесь имеется две, три, иногда четыре жилых комнаты.

Одна из наиболее устойчивых и мало подвластных веяниям времени деталей жилищно-поселенческого комплекса в Цоре – это устройство приусадебных участков. Оно представляет для исследователя особый интерес, поскольку имеет оригинальные, свойственные этому региону особенности. Вот что пишет современный автор об устройстве типичного приусадебного участка в Катихе – одном из крупных аварских поселений в Белоканском районе: «В среднем каждый дом-усадьба имеет от полутора до трех гектаров земли, причем усадьба строго спланирована: сад, огород, хозяйственная пристройка – скотный двор, сеновал, хранилища, жилая часть с зеленой площадкой: размеры площадки разные – от 6-ти до 20-ти соток. От площадки отделен курятник с выходом в сад. Через каждый дом

---

[564] *Волкова Н. Г.* Ингило // Полевые исследования Института этнографии 1977. – М., 1979. – С. 90.

протекает горный ручеек, используемый для бытовых нужд, а также для полива сада, огорода. Площадка перед домом предназначена для отдыха. Каждый двор красиво оформлен, высокие деревья, чаще клен, обеспечивают тень. В некоторых домах в углу площадки строят открытую летнюю веранду, где спокойно могут отдыхать более 10 человек в любую погоду. В доме-усадьбе грязи вообще не бывает (земля вся покрыта особой травой, создавая удивительной красоты газон) и постоянно поддерживается порядок»[565].

Хозяйственные постройки при цорском жилище и сейчас состоят из хлева, сарая для хранения сельскохозяйственных продуктов, кухонного навеса с печами и навеса, под которым помещаются сельскохозяйственные орудия производства. Посредине внутреннего двора на высоких столбах стоят несколько стогов сена, над которыми на шестах выставляются черепа лошадей и других животных, защищающих, по мнению населения, дом и хозяйство от дурного глаза.

Площадь современного цорского дома в среднем составляет 110–120 кв. м. К примеру, в Закатальском районе, по итогам обследования МЧС АР после землетрясения 2012 г., 2 856 частных домов, средняя площадь одного жилого строения составила 127 кв. м. В Кахском районе эта цифра составила 114 кв. м (выборка – 357 домов) и в Белоканском районе – 117 кв. м (выборка – 348 домов).

При этом наиболее крупные частные дома оказались в гор. Закатала, где средняя площадь составляет 176 кв. м (выборка – 253 дома). При этом прослеживается следующая закономерность: наименьшая площадь жилища характерна для горных и предгорных селений. Здесь площадь, занимаемая населенным пунктом и в частности каждой усадьбой в отдельности, меньше, нежели в равнинной части Цора. К примеру, в цахурском сел. Сабунчи, расположенном в ущелье р. Дибир-ор, жилье занимает в среднем всего 85 кв. м, а в аварском сел. Ахвахдара, также расположенном в узком ущелье – 92 кв. м. Также малыми размерами отличается жилье в сел. Аракиб (86 кв. м), которое было застроено в 1950–60-е гг. небольшими частными домиками однотипной планировки, предназначенными для рабочих орехового совхоза №1.

Относительно малыми размерами отличаются и жилища в малодворных поселениях, возникших в XIX в. на покрытых лесом равнинных участках

---

[565] *Ибрагимов Г., Ибрагимова Я.* Указ. раб.

Алазанской долины. В массе своей они являлись бывшими хуторами крупных предгорных селений и потому жилища здесь были небольших размеров, ведь обитаемы они были лишь в зимнее время. В качестве примера можно привести сел. Абаали, в котором имеется около 30 домов средней площадью 92 кв. м.

Наибольшие размеры жилища отмечаются в городах и пригородных крупных селениях: Эхеди Тала – 137 кв. м (498 д.), Бехе Тала – 128 кв. м (291 д.) и Мухах – 141 кв. м (433 д.). По Белоканскому району у нас есть данные по трем населенным пунктам: городу Белоканы – 126 кв. м (выборка – 157 домов), пригородному селению Гарагиб – 101 кв. м (140 д.) и отдаленному равнинному селению Пуштатала – 94 кв. м (51 д.).

Каких-либо отличий в зависимости от национального состава населения по этому показателю жилища не имеется. К примеру, ингилойские поселения – Алиабад – 120 кв. м (139 д.), Мосул – 103 кв. м (43 д.) и Енгиян – 110 кв. м (47 д.) – не сильно отличаются в этом плане от соседних селений, находящихся в схожих природных условиях: Сувагил – 116 (55 д.), Муганлы – 118 (64 д.), Гандах – 133 (40 д.), Капанакчи – 113 (19 д.), Динчи – 119 (241 д.), Дартуказ – 105 (28 д.), Гоабтала – 113 (41 д.), Сумалиб – 111 (22 д.), Макав – 116 (24 д.), Фалдарлы – 121 (77 д.), Халатолиб – 108 (11 д.). Есть некоторые случаи, которые выбиваются из общего ряда, но их всего несколько и тому есть причины, которые объясняются распространением в нем своего рода локальной «моды». Это сел. Пашан – 155 кв. м (20 д.) и Эхеди Чардах – 141 кв. м (31 д.)[566].

Среди аварцев, проживающих в Кварельском и Лагодехском районах Грузии, в XX в. получили распространение и строятся по сей день двухэтажные дома с застекленными и открытыми верандами, нижний этаж которых если раньше носил хозяйственные функции, сейчас используется под жилье. Современные дома покрыты жестью, имеют широкие каменные или металлические лестницы, железные ворота, балкон с перилами. В доме из хозяйственных помещений остались лишь винный погреб (марани), подвал, чердак. Крыша и балкон декорированы.

Внутреннее убранство цорского жилища в течение XX–XXI вв. претерпело значительные изменения, что выразилось в нескольких взаимосвязанных

[566] www.fhn.gov.az/index.php?aze/pages/256 (дата обращения: 25.11.2015 г.).

процессах. Это исчезновение традиционных объектов убранства (камин, центральный столб, капитель, лари, кровати и пр.), изменение эстетических потребностей населения, увеличившиеся возможности украшения интерьера новыми средствами, в т. ч. предметами быта. Вышеприведенные авторы XIX в. свидетельствовали о суровом быте цорских аварцев, о том, что предметы интерьера статичны, архитектурно и конструктивно вписаны в него и что роль предметов его украшения очень незначительна. Сейчас же конструктивные элементы жилища, несшие и основную декоративную нагрузку, исчезли ввиду изменения планировки жилища. Новых конструктивных элементов, которые могли бы их заменить, не оказалось, и поэтому в декоративном оформлении интерьера жилища главная роль перешла к предметам обстановки – диванам, мебельным гарнитурам, коврам, картинам, фотографиям, современным столам, скатертям и пр. Другая сторона современного декоративного комплекса – светлые помещения с большими окнами, обои, лепка, частичное применение красок и прочего дает возможность создания цветовых гамм и контрастов[567].

Старые традиции внутреннего убранства домов формировались веками, а в течение XX–XXI вв. за короткий срок произошли громадные изменения в социальной, хозяйственной и культурной областях. Из-за этого некоторые компоненты жилища не поспевают в своем развитии за инновациями, из-за чего сложилось такое положение, при котором старые традиции рушатся под напором совокупного воздействия новых условий жизни (экономика, культура, быт), а новые не успели сложиться, они находятся еще в стадии становления. Это приводит, естественно, к определенной бессистемности в традициях убранства, порождает безвкусицу и попытки неуместно встроить современные предметы быта в патриархальный интерьер жилища XIX – начала XX вв.

Без сомнения, современные жилища со строгими пропорциями, светлыми помещениями, деревянными полами, обставленные современной мебелью и бытовыми приборами, намного более практичны, нежели традиционное цорское жилище. Однако вместе с тем применение некоторых традиционных элементов интерьера и архитектурных традиций намного обогащает его художественно-эстетическое содержание.

---

[567] *Османов М. О.* Жилище даргинцев… – С. 108.

Вместе с тем в строительстве жилых домов в Цоре заметно некоторое оживление традиционных элементов декора, особенно при оформлении наружных, выходящих на улицу стен. Несложный рисунок из кирпича в виде кладки «в елку», зубцами и равносторонними треугольниками или из квадратного кирпича, поставленного по диагонали, несколько примитивный рисунок цветка из тех же кирпичей не кажутся грубыми и чуждыми на довольно суровом фоне бессистемной каменной кладки[568]. Более того, это является своеобразным декоративным убранством стены жилого дома в Цоре.

Значительные изменения в архитектуре цорского жилища произошли в результате землетрясения 2012 г. Его эпицентр находился на территории Закатальского района, где сила подземных толчков доходила до 7 баллов. В Цоре оказалось разрушено много жилых домов, социальных и инфраструктурных объектов. Всего на территории Белоканского, Закатальского и Кахского районов, согласно данным официального сайта МЧС Азербайджанской Республики, расположено 58 338 жилых домостроений. Из них в дефектном состоянии оказались 5 848, нуждаются в восстановлении – 11 061, ремонте – 23 833 и находятся в удовлетворительном состоянии – 17 596 домов. В городе Закаталы, а также в других населенных пунктах вышеуказанных трех районов имеются 302 многоквартирных дома, из которых дефектными оказались – 90, нуждались в восстановлении – 50, ремонте – 85 и находились в удовлетворительном состоянии – 77. Также было разрушено 127 общественных и социальных объектов[569].

Согласно актам обследования, составленным МЧС АР, на территории трех районов оказались разрушенными 5 264 дома. Из них заново построены 4 976 домов (на территории Закатальского района – 3 764, Белоканского района – 718 и Кахского района – 494) и продолжается строительство остальных 288 домов. По другим данным, размещенным на том же сайте МЧС, завершено строительство 5 263 домов (Закатальский район – 4 006, Белоканский – 736 и Кахский – 521) и близится к завершению строительство еще 18 домов в Закатальском районе[570].

---

[568] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 104.
[569] www.fhn.gov.az/index.php?aze/pages/256 (дата обращения: 25.11.2015 г.).
[570] Там же.

Наряду с жилым фондом были восстановлены и объекты общественные – 37 школ и 2 детских садика. Кроме строительства новых домов, значительные средства были выделены на выплату компенсаций хозяевам, чье жилье пострадало частично и не нуждалось в полном восстановлении. Всего было израсходовано почти 37 млн манатов, уплаченных 7 478 семьям, из которых в Закатальском районе 4 127 семей получили 20 422 тыс. манатов, в Белоканском районе 2 439 семей – 11 584 тыс. манатов и в Кахском районе 912 семей – 4 365 тыс. манатов[571].

Новые дома построены по типовым проектам, которые, судя по наблюдениям автора, не отличаются большим разнообразием. В подавляющем большинстве случаев это одноэтажные строения площадью от 90 до 150 кв. метров на высоком, до 1,5 метра, фундаменте, состоящие из 3–4 комнат, а также кухни и туалета. Хозяйственные постройки восстанавливаются хозяевами в большинстве случаев на старый лад. Эти изменения влекут за собой изживание трудоемких и виртуозных способов украшения как интерьера, так и внешнего вида домов. Многие элементы традиционного жилища уходят в прошлое, отступая перед современным массовым строительством однотипного жилья. Пресловутая глобализация и унификация вкусов и потребностей современного человека во всем мире стирает различия во многих сторонах нашего быта. Это относится и к современному жилищу дагестанцев Цора.

Однако цорская архитектура все же сохраняет некоторые свои традиции и самобытность. До сих пор в населенных аварцами предгорных поселениях Цора характерны аркады открытых веранд с глубокими тенями, массивы наружных лестниц, своеобразный рисунок кирпичной кладки, вкрапленной или смешанной с кладкой из рваного камня и булыжника, сочетание серо-зеленого цвета камня с цветом кирпича и черепицы на фоне зеленой растительности, наличие которых отмечено исследователями еще для XIX в.[572] Именно эти особенности жилого строительства формируют уникальность и колорит цорской архитектуры.

---

[571] Там же.
[572] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 103.

Заключение

Исследуемый регион (Цор) можно разделить на две части: северную – горную, представляющую собою южный склон Главного Кавказского хребта, и южную – низменную. **Горная** часть пересечена многочисленными ущельями и горными кряжами, покрыта альпийской растительностью и богата летними пастбищами для крупного и мелкого рогатого скота. Южный склон ГКХ очень крут, образует множество скалистых и узких ущелий, покрыт лесами и дает начало многочисленным речкам, стекающим к Алазани, которые, разливаясь при таянии снегов в горах и дождях, образовывали в низменности ныне уже осушенные болота. Вместе с тем речки эти имеют важное ирригационное значение. Орошение полей производится почти исключительно из небольших левых притоков Алазани, сама же река, протекающая в довольно высоких берегах, не имеет ирригационного значения. **Средняя** часть аварского Цора до Алазани и ее притока Айри-чая слегка наклонена к Алазани и представляет, в общем, ровную местность, отлично орошенную речками, стекающими с Главного Кавказского хребта. Это самая благоприятная в природно-климатическом отношении часть округа. Кроме того, трудами местных жителей многие горные ущелья были превращены здесь в цветущие сады.

Что касается **южной**, низменной части округа, то ее, в свою очередь, можно разделить на две части: северную, до реки Алазани, и южную, расположенную южнее нее. Первая слегка наклонена к Алазани, хорошо орошена стекающими с Главного Кавказского хребта многочисленными речками и богата растительностью, вторая – степная, летом представляет собой безводную, выгоревшую пустыню, но зимой дает подножный корм для скота. Климат в нагорной полосе умеренный, а в низменной, защищенной гигантской стеной ГКХ от влияния холодных северных и восточных ветров, жаркий. При этом в низменности вплоть до середины XX в. благодаря болотам и постоянно искусственно наводняемым рисовым полям свирепствовала малярия. Таким образом, почти весь исторический Цор принадлежит к бассейну р. Алазани и расположен большей частью по левую ее сторону.

Изучение поселений аварцев и цахур Цора в XVIII–XXI вв. показало, что они характеризуются как разносторонний элемент материальной культуры, связанный с природно-географическими условиями, социально-экономическим развитием общества, культурно-бытовым укладом населения.

Всестороннее изучение поселенческой культуры в контектсе этнокультурной истории Цора дает возможность наилучшим образом понять ее место среди в чем-то схожих культурных традиций соседних регионов и стран – Дагестана, Грузии и Азербайджана. Игнорирование тех или иных фактов исторического прошлого или поверхностный взгляд на архитектурные особенности памятников народного зодчества Цора чаще всего приводит к неправильной интерпретации особенностей материальной культуры или искажению исторического прошлого региона.

К примеру, даже известный исследователь архитектуры Северного Кавказа А. Гольдштейн под влиянием историографии XIX в. в своей известной работе «Башни в горах» повторил тезис о том, что аварцы и цахуры переселились в Цор «300 лет тому назад». Более того, не изучив совершенно архитектуру Цора, он утверждал, что якобы «здесь переселенцы строили уже не в традициях зодчества тех земель, откуда вышли, а сообразно с тем, что застали на месте и под влиянием архитектуры соседней Кахетии». Закончил же он свое, некомпететное в данном случае, заключение вовсе не уместным предложением: «Архитектура аварцев, живущих в Закатальском районе Азербайджана, не имеет ничего общего с архитектурой аварцев в Дагестане»[573]. Его несоответствие реалиям становится очевидным, если обратиться к исследованию Л. Бретаницкого и Л. Мамиконова, специально изучавших архитектуру Цора и сопоставлявших ее с дагестанской[574].

Как уже отмечено выше, в историографии высказаны две точки зрения по вопросу о генезисе дагестаноязычного населения (аварцев и цахур) долины Алазани. Согласно одной из них, оно является поздним этническим элементом в регионе. Эта точка зрения нам представляется необоснованной и бездоказательной. В то же время в современном кавказоведении большинство исследователей разделяет мнение о том, что дагестаноязычные народы являются коренным населением на западных и южных склонах Главного Кавказского хребта, в том

---

[573] *Гольдштейн, А.* Башни в горах. – М., 1977. – С. 214.
[574] *Бретаницкий Л., Мамиконов Л.* Указ. раб. – С. 111–119.

числе и в Алазанской долине. Данная точка зрения имеет весомые доказательства, опирающиеся на данные археологии, нарративных источников, этно- и топонимии региона.

Помимо коренного аварского населения в Белоканском районе живут представители аварских родов, образовавшихся в результате разновременного переселения из Дагестана. В большинстве селений выходцев из Дагестана – не более 10%, лишь в одном селении Мазумкарануб они составляют большинство. В этом селении до 1740-х гг. жили джарские аварцы, но в XVIII в. в результате нашествия Надир-шаха оно было заброшено[575]. В конце XIX в. оно вновь было заселено выходцами из аварских сел Чорода, Салда, Герел, Гортноб и Бетелда.

Необходимо учитывать, что процесс миграции аварцев был обоюдонаправленный. Во время нашествия завоевателей как более раннего, так и позднего периода аварцы из Алазанской долины вынуждены были отходить в укрепленные селения и хутора в Дагестане. Миграция, вызванная военной интервенцией, была отмечена и в XIX в., в частности из Белоканского района: в ходе завоевания царскими войсками Джарской «республики» в 1830 г. в Дагестан бежало много белоканцев[576]. Факты миграции из Белоканского района в Дагестан подтверждаются и этнографическими данными. Например, самый многочисленный тухум аварского селения Кусур в Рутульском районе происходит из населенного пункта «Тене-Али» (под таким названием зафиксирован по итогам переписи 1926 г.)[577]. В селении Камилух Тляратинского района известен тухум Габсал (насчитывает более 200 человек), который был основан переселенцами из Кабахчолиба. Генеалогия этого рода позволяет проследить имена предков до середины XVII века (1650-е годы), когда и произошло переселение[578].

Рассмотрение поселений Цора по двум основным показателям (типу и форме планировки) выявило непосредственную зависимость этого важнейшего компонента материальной культуры от природно-климатических условий и уровня социально-экономического развития населения. Поселения этнических дагестанцев

---

[575] *Вахушти Багратиони*. География Грузии… – С. 115–118.
[576] *Фон Климан Ф*. Война на Восточном Кавказе с 1829 по 1834 год в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Том XVII. – Тифлис, 1896. – С. 325.
[577] *Хапизов Ш. М.* Тлейсерух (Кьессер): историко-этнографический очерк. – Махачкала, 2008. – С. 347.
[578] *Омаров М. М*. Анкьракь (Семиземелье). – Махачкала, 2006. – С. 330

в этом регионе, представленные преимущественно аварскими селениями, состояли из нескольких сотен дворов и имели свободную разбросанную планировку, а усадьбы были обширными и включали в себя фруктовые и тутовые сады, виноградники, огороды и сенокосные угодья. В. П. Кобычев пишет, что «тревожный быт феодально-родовых общин аварцев, живших в обстановке постоянных войн и кровно-родовых распрей, наложил глубокий отпечаток на тип их усадьбы, которая обносилась толстыми каменными стенами двухметровой высоты, имела хорошо укрепленные ворота, а если была старинной постройки, то защищалась еще и четырех- или пятиэтажной каменной боевой башней»[579]. Озвученные выше компоненты социального бытия определяют совокупность всех факторов, наложивших отпечаток на поселенческую культуру.

Таким образом, на характер расположения поселений (тип расселения) Цора и форму планировки большое влияние оказывала внешнеполитическая обстановка. В результате этого, в частности в ходе постоянных войн и неоднократного нашествия орд Надир-шаха, к концу XVIII в. населенные пункты на левобережье Алазани в целях повышения обороноспособности прижались к отрогам Главного Кавказского хребта. Следствием этой стратегии выживания стало то, что селения на равнине в первой половине XIX в. располагались вблизи густых лесов, служивших часто последним убежищем для их жителей. В районе ГКХ селения возводили на крутых склонах и вершинах хребтов, непригодных для хозяйственного использования. Рельефный фактор был определяющим и при формировании различных форм поселений в Цоре. В XVII – начале XX в. основными формами поселения здесь были следующие: скученная (сюда входят и скученно-террасная, кучевая или гнездовая, и скученно-квартальная), усадебно-разбросанная и уличная.

Поселения XVII – начала XIX в. в Цоре располагались в основном на пологих склонах, чаще всего являющихся речными выносами. Тыльная часть поселения обычно была прижата к довольно крутым склонам отрогов Главного Кавказского хребта, а передняя направлена в сторону юга или Алазанской долины и укреплена башнями и каменными стенами. Это основной тип заселения вплоть до 1830-х гг., когда начинается массовое заселение бывших хуторов цорских аварцев, расположенных в низменной части региона. Таким образом, в расселении цорских

---

[579] *Кобычев В. П.* Крестьянское жилище… – С. 50.

дагестанцев, топографии их поселений важную роль играли следующие факторы: близость источников воды, пахотных земель, пастбищ, оборонительный фактор, климатические условия и особенности рельефа.

Если говорить о влиянии военных действий на расселение этнических дагестанцев в Цоре, то следует отметить, что оборонительный фактор не был постоянно действующим, а имел большей частью только значение противодействия внешним пришельцам, завоевателям. Возможно, именно этим и объясняется, что население вновь возникающих поселений выбирает не столько удаленные в горные ущелья, труднодоступные местности, а селится в естественно укрепленных долинах рек, часто у входа в ущелье со стороны равнины, одновременно перекрывая его.

В ходе завоевания Джарской республики в 1830 г. царские войска принудительно переселили значительную часть населения на равнину, ближе к реке Алазани. В результате была заново заселена Кабахчолибская зона, но опустела предгорная часть, в частности исчезли селения Буцрах, Чедерхев и Реху-тала. К примеру, самое крупное селение в Кабахчолибской зоне – Шарип – образовано выходцами из села Реху-тала, Шумбул – из села Буцрах, Рохоб – из села Цилбан и т. д. В дополнение к ним сюда переселились выходцы из Дагестана (из Кахиба в Кехросу) и из Кварельской зоны (из села Аршиб, ныне Мтисдзири, в Халатала).

Только после окончания Кавказской войны и последовавшего затем массового переселения горцев на равнину селения стали постепенно приобретать более свободный и упорядоченный вид. Мирные годы второй половины XIX в. и первые 15 лет XX в. сопровождались быстрым ростом населения в этот период, приведшим к аграрной перенаселенности предгорья, обусловили процесс обратного «сползания» населения больших предгорных селений на низменность, в свои хутора и развалины старых населенных пунктов. В ходе такого процесса выходцами из аварского села Катих было образовано 9 населенных пунктов, входящих в муниципалитеты Кортала и Пуштатала. Одновременно и белоканцы начали расселяться по своим хуторам, а также белоканские кварталы начали разрастаться вширь и отделяться от метрополии. Так, например, образовалось селение Ханапи. Его первопоселенцами были представители тухума Ханапиял, которые наряду с Халажевыми обладали правом выдвигать руководителей

Белоканского общества из своей среды[580]. Аналогичным образом возникло селение Хетовал, бывшее в прошлом хутором белоканского тухума Хетал. Рядом поселились переселенцы из села Эхеди Тала Закатальского района, образовавшие здесь селение Тулуял.

В советские годы процесс перепланировки и благоустройства селений принял всеобщий характер в соответствии с выдвинутой коммунистической партией программой мероприятий по стиранию бытовых различий между городом и деревней.

Указанные выше факторы во многом определяли также тип застройки усадьбы коренного населения, которая на равнине отличалась сравнительно большой величиной и многофункциональностью и количеством строений (Динчи, Шарип, Нухбик, Макав, Халатала, Умалиб, Ханапи), а в горах имела минимальные размеры (Сарыбаш, Елису, Кас, Чимчар). С неспокойной обстановкой быта были связаны определенные типы традиционного жилища и среди них в первую очередь – специфические для многих горных районов так называемые жилые башни, представлявшие собой многоэтажные каменные сооружения (*Жунгозул гьин*, *Юмухазул гьин*, *Пуртазул гьин*, *ШугIайил гьин* и т. д.), принадлежавшие представителям джарской элиты.

Отличия в архитектуре той части Цора, которая оказалась в составе Азербайджана, и оставшейся в пределах Грузии довольно значительны. Что касается жилой архитектуры, то во многом грузинские аварцы восприняли основные особенности кахетинского народного зодчества. Она отличалась удобством в летнее время и неприспособленностью к зимним условиям. Общественных зданий же в аварских селениях Кварельского и Лагодехского районов нет как таковых. К примеру, мечетей в классическом понимании этого слова в аварских селениях нет, есть только помещения, выстроенные в советское время под разными предлогами и причинами. В сел. Тиви, например, импровизированная мечеть расположена на территории кладбища и была построена под видом помещения для хранения разных инструментов, обмывания покойников и т. д. Такая же ситуация в селении Сарусо. В Чантлискуре мечеть находится около небольшой речки и также представляет собой приспособленное

---

[580] *Коцебу М. А.* Сведения о джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. – С. 258.

помещение. В обоих селениях они находятся в аварийном состоянии – в некоторых местах свисают потолки, здания, будучи, по сути, хозпристройками, являются не лучшими примерами сельской архитектуры и в условиях влажного климата заметно обветшали. В центральной части селения Тиви было оставлено место для строительства Джума-мечети для всех аварских селений Кварельского района, с таким расчетом, что на пятничную молитву (рузман) они будут собираться там, а остальные молитвы будут проводить в своих селениях. Однако в начале 1990-х годов, когда в аварских селениях Дагестана и Азербайджана были построены новые мечети или реконструированы старые, в Грузии началось добровольно-насильственное переселение аварцев в Дагестан. Настрой аварского населения был на полное переселение, и потому каких-либо новых построек не возводилось, в том числе и общественных.

Для современного цорского жилища стоит отметить изживание трудоемких и виртуозных способов украшения как интерьера, так и внешнего вида домов. Превосходная резьба по дереву, искусное оформление внешней кладки домов и многие другие элементы традиционного жилища уходят в прошлое, отступая перед современным массовым строительством однотипного жилья. Если учесть и общий упадок художественных промыслов в результате внедрения в быт элементов промышленного производства строительных материалов, то становится очевидным исчезновение самобытности и традиционности в современном жилище дагестанцев Цора. Пресловутая глобализация и унификация вкусов и потребностей современного человека во всем мире стирает различия во многих сторонах нашего быта. Это относится и к современному жилищу дагестанцев Цора.

Старые традиции внутреннего убранства домов формировались веками, а в течение XX–XXI вв. за короткий срок произошли громадные изменения в социальной, хозяйственной и культурной областях. Поэтому некоторые компоненты жилища не поспевают в своем развитии за инновациями, из-за чего сложилось такое положение, при котором старые традиции рушатся под напором совокупного воздействия новых условий жизни (экономика, культура, быт), а новые не успели сложиться, они находятся еще в стадии становления. Это приводит, естественно, к определенной бессистемности в традициях убранства, порождает безвкусицу и попытки неуместно встроить современные предметы быта

в патриархальный интерьер жилища XIX – начала XX вв. Другое негативное явление, которое было отмечено уже М. О. Османовым на примере жилища даргинцев[581], – это порожденное отсутствием сложившихся традиций стремление убрать все старое и даже уничтожить его, только потому, что оно традиционное, т. е. немодное. Нередко в жилище XVIII–XIX вв. вносятся совершенно неуместные нововведения наподобие расширения существующих или устройства новых окон, установки пластиковых дверей и оконных рам. Имели место случаи, когда красивый резной ларь или деревянную кровать могли пустить на дрова, покрасить резные деревянные столбы, убрать или замазать красивый камин и т. д. Вместе с тем имеют место и достойные уважения попытки сохранить, а где-то и воссоздать быт и внутреннее убранство в оформлении некоторых комнат даже в новом жилом строительстве. Однако это пока лишь отдельные случаи, на фоне которых общая тенденция более чем очевидна.

Однако цорская архитектура все же сохраняет некоторые свои традиции и самобытность. До сих пор в населенных аварцами предгорных поселениях Цора характерны аркады открытых веранд с глубокими тенями, массивы наружных лестниц, своеобразный рисунок кирпичной кладки, вкрапленной или смешанной с кладкой из рваного камня и булыжника, сочетание серо-зеленого цвета камня с цветом кирпича и черепицы на фоне зеленой растительности, наличие которых отмечено исследователями еще для XIX в.[582] Именно эти особенности жилого строительства формируют уникальность и колорит цорской архитектуры.

Таким образом, сельские поселения и жилища народов левобережья Алазани (Цора) прошли длительный путь развития и трансформации в соответствии с изменением социальной структуры горского общества. На их формирование большое влияние оказали также природно-экологическая среда и особенности трудовой деятельности населения. Поэтому при разработке и прогнозировании сельской поселенческой политики и жилищного строительства в экстремальных горных условиях региона следует чрезвычайно бережно относиться к многовековому народному опыту, беря из него все то ценное, что может быть использовано в условиях современного общества.

---

[581] *Османов М. О.* Жилище даргинцев… – С. 81.
[582] *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 103.

Список информаторов

Сбор полевого материала для настоящей работы автор начал еще с 2003 года, хотя сама работа написана в 2010–2015 гг. Считаю своим долгом поблагодарить хранителей исторической памяти селений Цора, которые поделились информацией по этнографии и истории своих селений и тем самым обогатили настоящую монографию. Приводя здесь далеко не полный список этих лиц, заметим, что не со всеми информаторами автору удалось поговорить лично. С некоторыми из них по нашей просьбе беседовали уроженцы этих сел, проживающие в РД. Приведенные в монографии полевые данные различных областей этнографии, географии и ономастики селений приведены со слов следующих жителей цорских селений (почти половины из них уже нет в живых):

№	ФИО	Населенный пункт, район, регион или страна	Год рождения
1	Ариязул Али	Нухбик, Закатальский район АР	1938
2	Бацилазул Мухума	Динчи, Закатальский район АР	1936
3	Галлазул Абдулхамид	Гоабтала, Закатальский район АР	1938
4	Гитиназул Субайдат	Ахвах-дара, Закатальский район АР	1917
5	Давудазул Саадула	Джар, Закатальский район АР	1940
6	Дибиразул Шумайсат	Динчи, Закатальский район АР	1920
7	Дибразул Магди	Нухбик, Закатальский район АР	1938
8	Дибразул Хажай	Цилбан, Закатальский район АР	1913
9	Зангиязул Махамад	Чукак, Закатальский район АР	1922
10	Зангиязул Шамсудин	Тлебел-уба, Закатальский район АР	1942
11	Зинкизул Написат	Ахвах-дара, Закатальский район АР	1922
12	Зутазул Макашарип	Динчи, Закатальский район АР	1928
13	Ибрагимазул Абдурахман	Дартуказ, Закатальский район АР	1930
14	Исмалазул Мухаммадил	Кусур, Рутульский район РД	1923
15	Кахазул Кахав	Гоабтала, Закатальский район АР	1934
16	Кахазул Нажмудин	Пашан, Закатальский район АР	1912
17	Киштиназул Хуруй	Макав, Закатальский район АР	1935
18	Киштиназул Шабан	Макав, Закатальский район АР	1933
19	Лачиназул Рукият	Гугам, Закатальский район АР	1925
20	Магдизул Пирдас	Динчи, Закатальский район АР	1913
21	Мазгаразул Асхабали	Кусур, Рутульский район РД	1928
22	Накказул Патимат Али	Джар, Закатальский район АР	1925
23	Нухиязул Хажай	Джар, Закатальский район АР	1924
24	Олоханазул Шамсу	Дартуказ, Закатальский район АР	1923
25	Понцолазул Ибрахим	Макав, Закатальский район АР	1936
26	Рамазанов Рамазан	г. Закатала, Закатальский район АР	1932
27	Садиязул Хаджияв	Гугам, Закатальский район АР	1924
28	Тиназул Гузал	Цилбан, Закатальский район АР	1912
29	Тлебелазул Хамид	Тлебел-уба, Закатальский район АР	1929

30	Тликазул Ибрахим	Нухбик, Закатальский район АР	1935
31	Тликазул Шамсият	Джар, Закатальский район АР	1926
32	Убаганазул Билал	Гилиб, Чародинский район РД	1928
33	Церазул Шарапудин	Нухбик, Закатальский район АР	1934
34	Адалазул Бадрудин	Тиви, Кварельский район РГ	1935
35	Абдулазизил Мухамад	Тиви, Кварельский район РГ	1942
36	Атраналил Жамалудин	Тхилисцкаро, Кварельский район РГ	1936
37	Умарил Хава	Кусур, Рутульский район РД	1931
38	Газилазул Мухамад	Тиви, Кварельский район РГ	1937
39	Атраналил Жамалудин	Тхилисцкаро, Кварельский район РГ	1936
40	Адалазул Бадрудин	Тиви, Кварельский район РГ	1935
41	Залумханил Зубаир	Тиви, Кварельский район РГ	1931
42	Дааназул Рамазан	Толиб, Белоканский район АР	1934
43	Настакалазул Алидибир	Колоб, Белоканский район АР	1931
44	Умарил Рамазан	г. Белоканы, Белоканский район АР	1922
45	Дибирил Хуру	г. Белоканы, Белоканский район АР	1930
46	Алхазул Мухума	г. Белоканы, Белоканский район АР	1924
47	Ахмазул Шамиль	г. Белоканы, Белоканский район АР	1927
48	Умарил Хажай	с. Чедер, Белоканский район АР	1928
49	Алил Мухума	с. Катих, Белоканский район АР	1929

Список сокращений и условных обозначений

АзЦСУ – Центральное статистическое управление Азербайджанской ССР.

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.

ГИИА – Государственный исторический архив Азербайджана.

ГКХ – Главный Кавказский хребет.

ЗКОИРГО – Записки кавказского отдела императорского русского географического общества.

ЗСПК – Закатальская сословно-поземельная комиссия.

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.

ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии Наук.

ИЯЛИ ДНЦ РАН – Институт языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра Российской Академии Наук.

КРС – крупный рогатый скот.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии.

Список использованных источников и литературы

I. Архивные материалы.

I. 1. Материалы Центрального исторического архива Грузии (ЦИАГ).

Ф. 231. Оп. 1. Д. 208.

Ф. 231. Оп. 1. Д. 260.

Ф. 231. Оп. 1. Д. 302.

Ф. 236. Оп. 2. Д. 22.

Ф. 236. Оп. 2. Д. 38.

Ф. 236. Оп. 2. Д. 4.

Ф. 240. Оп. 1. Д. 499.

I. 2. Материалы Государственного исторического архива Азербайджана (ГИИА).

Ф. 866. Оп. 2. Д. 3.

I. 3. Материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД).

Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6114.

Ф. Р-37. Оп. 21. Д. 28.

I. 4. Материалы Рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН.

Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г. АзЦСУ // Ф. 1. Оп. 1. Д. 482.

Атаев, Д.М. Средневековые памятники центральной Аварии // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2532.

Путинцева, Н.Д. Поселения эпохи раннего Средневековья на Сулаке // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2591.

Саидов, М.С. Описание арабских рукописей сектора востоковедения ИИЯЛ им. Гамзата Цадасы на 1980 г. // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6936. Л. 87.

I. 5. Материалы Рукописного фонда ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Махмудов, А.Р. Краткий грамматический очерк закатальского диалекта (фонетика, морфология, тексты с комментариями) // Ф. 3. Оп. 4. Д. 56.

Саидова, П.А. Чарско-белоканские говоры аварского языка. 1976 г. // Ф. 3. Оп. 4. Д. 393.

I.6. Материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Мочульский. Война на Кавказе и Дагестан. 1844 г. // Ф. ВУА. Д. 6528. Часть II. Топографическая. Л. 350.

II. Опубликованные материалы.

Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане. I. Ал-Истахрий / пер. и прим. Н.А. Караулова // СМОМПК. – Тифлис, 1901. Вып. XXIX. Отд. I. – С. 1–73.

Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане. II. Ибн-ал-Факих / пер. и прим. Н.А. Караулова // СМОМПК. – Тифлис, 1902. Вып. XXXI. Отд. I. – С. 1–57.

Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане. III. Ибн-хордадбэ. IV. Кудама. V. Ибн-Рустэ. VI. Ал-Якубий / пер. и прим. Н. А. Караулова // СМОМПК. – Тифлис, 1903. Вып. XXXII. Отд. I. – С. 1–63.

Сведения арабских писателей X и XI веков по р. Хр. о Кавказе, Армении и Адербейджане: VIII. Масуди / пер. и прим. Н.А. Караулова // СМОМПК. – Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII. Отд. I. – С. 1–130.

Такайшвили, Е.С. I. Обращение Грузии (в христианство). II. Жизнь и известие о Багратидах, царях наших грузинских, откуда они явились в эту страну, или с какого времени владеют они царством грузинским, которое написал Сумбат, сын Давида. III. Хроника Месхийской Псалтири (с опечатками и подробным оглавлением) / Е.С. Такайшвили // СМОМПК. – Тифлис, 1900. Вып. XXVIII. Отд. I. – С. 1–216.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1869. – С. 767.

АКАК. – Тифлис, 1881. Т. VIII. – С. 1033.

Отношение гр. Гудовича к барону Будбергу от 21 декабря 1806 г. под №114 // АКАК. – Тифлис, 1869. Т. III. – С. 367.

Предложение гр. Гудовича д.с.с. Литвинову от 25 марта 1807 г. под №372 // АКАК. – Тифлис, 1869. – Т. III. – С. 369.

Предписание гр. Гудовича ген.-м. кн. Орбелиани от 18 августа 1807 г. под №643 // АКАК. – Тифлис, 1869. – Т. III. – С. 370.

Предписание гр. Гудовича ген.-м. кн. Орбелиани от 28 ноября 1806 г. под №396 // АКАК. – Тифлис, 1869. – Т. III. – С. 319–320.

Обвещение гр. Гудовича Джарским, Белоканским, Тальским и прочих деревень старшинам и всему народу от 2 октября 1807 г. под №516 // АКАК. – Тифлис, 1869. – Т. III. – С. 324.

Рапорт ген.-м. кн. Орбелиани гр. Гудовичу от 25 ноября 1806 г. под №392 // АКАК. – Тифлис, 1869. – Т. III. – С. 319.

Рапорт ген.-м. кн. Орбелиани гр. Гудовичу от 8 декабря 1806 г. под №476 // АКАК. – Тифлис, 1869. – Т. III. – С. 320–321.

Отношение главнокомандующего на Кавказе И.В. Гудовича к министру иностранных дел А.Я. Будбергу о потверждении подданства джарцами и принятых ими обязательствах в отношении уплаты недоимок. 21 декабрь 1806 г. // Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XX в. Сб. док., сост. Гаджиевым В. Г. – М., 1988. – С. 276.

Карта «Азиатская Турция, Анатолия, включающая Армению, Курдистан, Алджезиру, Ирак-Аджами». – Париж, 1762.

Грузинские документы IX–XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР / пер. и ком. С. С. Какабадзе. – М., 1982. – С. 274.

Из книги о странах, Ибн-ал-Факиха ал-Хамадания. Повествование о Адербейджане // СМОМПК. – Тифлис, 1902. Вып. 31. Ч. I. – С. 23.

Мамедов, М.Г. «Каиме» Бедреддинзаде Алибея (перевод). Ч. 2 // Известия АН Азербайджанской ССР (серия истории, философии и права). – Баку, 1988. – №4. – С. 72–84.

Норденстам, И.И. Описание Анкратля. 1832 г. // ИГЭД. – С. 319–328.

Шихсаидов, А.Р., Айтберов, Т.М., Гасанов, М.Р., Алиев, Б.Г. Материалы по хронологии и генеалогии // Источниковедение средневекового Дагестана. – Махачкала, 1986. – С. 162.

Яишников, Т.Н. Выдержки из описания лезгино-джарских вольных обществ. 1830 г. // ИГЭД. – С. 300–303.

III. Книги.

Абаев, В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М., 1958. Т. I. – С. 657.

Абаев, В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М., 1973. Т. II. – С. 449.

Аварско-русский словарь / сост. М. Саидов. – М., 1967. – С. 808.

Агларов, М.А. Андийцы (историко-этнографическое исследование). – Махачкала, 2002. – С. 304.

Агларов, М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М., 1988. – С. 240.

Адонц, Н. Армения в эпоху Юстиниана / Н. Адонц. – Ереван. 1971. – С. 526.

Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1961 г. – Баку, 1961. – С. 280.

Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1977 г. Баку, 1979. С. 215.

Айтберов, Т.М. Древний Иран и восточно-кавказские горцы. – Махачкала, 2008. – С. 91.

Айтберов, Т.М. Закавказские аварцы (VIII – начало XVIII вв.). – Махачкала, 2000. Ч. I. – С. 172.

Айтберов, Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 1999. Ч. I. – С. 122; Ч. 2. – С. 120.

Айтберов, Т.М., *Хапизов, Ш.М.* Елису и Горный магал в XII–XIX вв. (очерки истории и ономастики). – Махачкала, 2011. – С. 390.

Акопян, А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. – Ереван, 1987. – С. 304.

Алаев, Э.Б. Экономико-географическая терминология. – М., 1977. – С. 200.

Алексеев, М., Казенин, К., Сулейманов, М. Дагестанские народы Азербайджана. – М., 2006. – С. 120.

Алескеров, Ю.Ю. Очерк социально-экономических отношений в Закатальском округе в XIX в. (до 1870 г.): Автореф. дис. … кандидата исторических наук. – М., 1953. – С. 48.

Алиев, Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. – Махачкала, 2002. – С. 407.

Алиев, Б.Г., Умаханов, М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. – Махачкала, 2001. Кн. II. – С. 322.

Алиев, И. История Мидии. – Баку, 1960. – С. 361.

Алкадари, Г.Э. Асари-Дагестан. – Махачкала, 1994. – С. 222.

Амирханов, Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. – М., 1987. – С. 223.

Бакиханов, А.А. Гюлистан-и Ирам / ред., ком., прим. и указ. З.М. Буниятова. – Баку, 1991. – С. 305.

Бароха, Х.К. Баски. – М., 2004. – С. 320.

Берадзе, Г.Г., Смирнова, Л.П. Материалы по истории ирано-грузинских взаимоотношений в начале XVII века (Сведения «Ихйа ал-мулук» о Грузии). – Тбилиси, 1988. – С. 132.

Берзенов, Н. Краткий исторический и географический указатель достопримечательных местностей по Кахетии, Закатальскому округу и частию по Бакинской и Тифлисской губерниям. – Тифлис, 1864. – С. 40.

Броневский, С.М. Историческия Выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича доныне / изд. И.К. Павловой – СПб., 1996. – С. 240.

Бузанд Фавстос. История Армении / пер. с древнеарм. и комм. М. А. Геворкяна. – Ереван, 1953. – С. 215.

Ватейшвили, Д.Л. Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений. XIII–XIX вв. – М., 2003. Т. I. Кн. 2: Грузия и Западная Европа, XIII–XIX вв. – С. 581.

Вахушти Багратиони. Атлас Грузии (XVIII век). – Тбилиси, 1997. – С. 98.

Вахушти Багратиони. История царства грузинского / пер. и пред. Н.Т. Накашидзе. – Тбилиси, 1976. – С. 340.

Вейденбаум, Е. Путеводитель по Кавказу. – Тифлис, 1888. – С. 434.

Весь Кавказ (промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья) / составил и издал М. С. Шапсович. – Баку, 1914. – С. 1238.

Волкова, Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. – С. 208.

Гаджиев, В.Г. Сочинение Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся», как исторический источник по истории народов Кавказа. – М., 1979. – С. 270.

*Гаджиев, В.Д., Алекперов, Х.М., Эфендиев, М.Р., Мустафаева, Р.*К. Закатальский заповедник. – М., 1985. – С. 184.

Гаджиев, Г.Р., Мутаев, Г.Д. Губден. История и культура. – Махачкала, 1999. – С. 432.

Гаджиев, М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. – М., 1991. – С. 264.

Гаджиев, М.Г., Давудов, О.М., Шихсаидов, А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. – Махачкала, 1996. – С. 464.

Гаджиев, М.С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. – М., 2002. – С. 320.

Гаджиева, С.Ш., Османов, М.О., Пашаева, А.Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 299.

Гейбуллаев, Г.А. К этногенезу азербайджанцев. – Баку, 1994. – С. 550.

Гейбуллаев, Г.А. Топонимия Азербайджана. – Баку, 1986. – С. 191.

Глиноецкий, Н. Поездка в Дагестан (Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г.). – Махачкала, 2009. – С. 112.

Голубцова, Е.С. Сельская община Малой Азии III в. до н. э. – III в. н. э. – М., 1972. – С. 186.

Гольдштейн, А. Башни в горах. – М., 1977. – С. 334.

Гусейнова, Б.М. Расселение дагестаноязычных и других народов в Восточном Закавказье в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 2004. – С. 58.

Гюль, К.К., Гулиев, А.Н., Надиров, А А. Азербайджан. – М., 1971. – С. 318.

Давудов, О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н. э. – IV в. н. э.). – Махачкала, 1996. – С. 428.

Джаошвили, В.Ш. Население Грузии. – Тбилиси, 1968. – С. 400.

Джапаридзе, О.М. На заре этнокультурной истории Кавказа. – Тбилиси, 1989. – С. 423.

Джуаншериани, Джуаншер. Жизнь Вахтанга Горгасала / пер., пред. и комм. Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1986. – С. 150.

Дибиров, И.А. Лексические и морфологические особенности дагестанских языков Алазанской долины. – Махачкала, 2011. – С. 258.

Дубровин, Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. – Т. I: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. – С. 508.

Дьяконов, И.М. Языки древней Передней Азии. – М., 1979. – С. 386.

Жирков, Л.И. Аварско-русский словарь. – Л., М., 1936. – С. 190.

Жордания, Г., Гамезардашвили, З. Римско-католическая миссия и Грузия. – Тбилиси, 1994. – С. 738.

Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.) (Из сочинения «Книга познания мира») / пер. З.М. Буниятова. – Баку, 1980. – С. 42.

Исламмагомедов, А. И. Аварцы (историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XIX в.). – Махачкала, 2002. – С. 431.

История Егише Вардапета. Борьба Христианства с учением Зороастровым в пятом столетии в Армении / пер. с арм. П. Шаншиева. – Тифлис, 1853. – С. 344.

История и восхваление венценосцев / пер., предисл., примеч. К.С. Кекелидзе. – Тбилиси, 1954. – С. 109.

Кавказский календарь на 1910 г. – Тифлис, 1909. – Ч. I. – С. 928.

Каганкатваци Моисей. История агван / пер. Патканова. – СПб., 1861. – С. 375.

Какабадзе, С.С. Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. – М., 1967. – С. 512.

Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк / пер. с древнеармянского, пред. и ком. Ш.В. Смбатяна. – Ереван, 1984. – С. 258.

Каракашлы, К.Т. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа (историко-этнографическое исследование). – Баку, 1964. – С. 283.

Картлис Цховреба (История Грузии) / под ред. Р. Метревели. – Тбилиси, 2008. – С. 455.

Керимов, В.И. Храм Зейзит Кавказской Албании. – Баку, 2008. – С. 120.

Кобычев, В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М., 1982. – С. 195.

Косвен, М.О. Семейная община и патронимия. – М., 1963. – С. 219.

Коцебу, М.О. Сведения о джарских владениях. 1826 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – М., 1958. – С. 252–264.

Крымский, А.Е. Низами и его современники. – Баку, 1981. – С. 488.

Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа (этнический состав, история расселения). – М., 1974. – С. 572.

Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван, 1983. – С. 319.

Лавров, Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X–XVII вв. – М., 1966. – С. 300; Ч. II. Надписи XVIII–XX вв. – М., 1968. – С. 248; Ч. III. Надписи X–XX вв. Новые находки. – М., 1980. – С. 168.

Летифова Э. Илисуйское султанство. – Баку, 2010. – С. 400.

Марр, Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. – Петроград, 1922. – С. 40.

Меликишвили, Г.А. К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959. – С. 504.

Мелитаури, К.Н. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии (Уджарма, Цихисдзири, Мачисцихе, Бочорма, Хертвиси, Шхепи, Турисцихе, Кохта). – Тбилиси, 1971. Ч. II. – С. 101.

Мехтиев, А. Народное жилище Азербайджана. – Тебриз, 2001. – С. 335.

Микаилов, К.Ш. Арчинский язык (Грамматический очерк с текстами и словарем). – Махачкала, 1967. – С. 216.

Микаилов, Ш.И. Очерки аварской диалектологии. – М., Л., 1959. – С. 511.

Минорский, В.Ф. История Ширвана и Дербенда. – М., 1963. – С. 534.

Мовчан, Г.Я. Старый аварский дом. – М., 2001. – С. 520.

Мровели, Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. с древнегрузинского, пред. и ком. Г.В. Цулая. – М., 1979. – С. 103.

Мурадян, П.М. Грузинская эпиграфика в Армении: Источниковедческое исследование. – Ереван, 1977. – С. 363.

Мусхелишвили, Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). –Тбилиси, 1982. – С. 102.

М-цев, М. О джарджах и лезгинских племенах на Кавказе. – СПб., 1858. – С. 38.

Неймат, М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. II: Арабо-персо-тюркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны (XIV век – начало XX века) / М.С. Неймат. – Баку, 2001. – С. 368.

Нейматова, М.С. Мемориальные памятники Азербайджана (XII–XIX века) / М. С. Нейматова. – Баку, 1981. – С. 42.

Новосельцев, А.П., Пашуто, В.Т., Черепнин, Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). – М., 1972. – С. 340.

Омаров, М.М. Аньракь (Семиземелье). – Махачкала, 2006. – С. 336.

Персидско-русский словарь / под ред. Ю. А. Рубинчика. – М., 1970. – Т. I. – С. 445.

Петрушевский, И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX века. – Тифлис, 1934.

Петрушевский, И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX века. – Махачкала, 1993. – С. 165.

Пигулевская, Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР / – М.; Л., 1941. – С. 170.

Потто, В.А. Кавказская война: Т. 5: Время Паскевича, или бунт Чечни. – М., 2007. – С. 351.

Путешественники об Азербайджане / сост. З.И. Ямпольский, под ред. Э.М. Шахмалиева. – Баку, 1961. Т. I. – С. 499.

Ризаханова, М.Ш. Гунзибцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2001. – С. 190.

Саидова, П.А. Диалектологический словарь аварского языка. – М., 2008. – С. 484.

Саидова, П.А. Закатальский диалект аварского языка. – Махачкала, 2007. – С. 216.

Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. – Тифлис, 1893. Отд. VIII. – С. 1–2.

Сергеева, Г.А. Арчинцы. – М., 1967. – С. 190.

Систани Малик Шах-Хусайн. Хроника воскрешения царей / пер. с персидского, пред., коммент. и указатели Л. П. Смирновой. – М., 2000. – С. 607.

Советский Азербайджан / под ред. М. М. Алиева. – Баку, 1958. – С. 710.

Сумбатзаде, А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа – Баку, 1990. – С. 303.

Тревер, К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании / К. В. Тревер. – М.–Л., 1959. – С. 389.

Усейнов, М., Бретаницкий, Л., Салам-заде, А. История архитектуры Азербайджана. – М., 1963. – С. 396.

Услар, П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. III. Аварский язык. – Тифлис, 1889. – С. 537.

Фадеев, Р.А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. – М., 2007. – С. 680.

Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии (текст). – Тбилиси, 1959. – С. 638.

Хайдарбек Геничутлинский. Историко-биографические и исторические очерки / пер. с араб. Айтберова Т.М., вступ. и комм. Гаджиева В.Г. – Махачкала, 1992. – С. 176.

Халаев, З.А. Этнополитическая и культурно-религиозная истории дагестаноязычных народов Алазанской долины в XVI–XVIII вв. – Махачкала, 2011. – С. 148.

Халилов, М.Ш. Грузинско-дагестанские языковые контакты. – М., 2004. – С. 285.

Халилов, М.Ш. Цезско-русский словарь. – М., 1999. – С. 454.

Хапизов, Ш.М. Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание микрорегиона в Восточном Закавказье). – Махачкала, 2011. – С. 272.

Харадзе, Р.Л. Грузинская семейная община. – Тбилиси, 1960. Ч. I. – С. 190.

Хроника войн Джара в XVIII столетии / коммент. Дибирова А. – Махачкала, 2009. – С. 72.

Хроника войн Джара в XVIII столетии / пер. П. К. Жузе, прим. Е.А. Пахомова, пред. В. Хулуфлу. – Баку, 1931. – С. 71.

Шехмагомедов, М.Г., Хапизов, Ш.М., Маламагомедов, Д.М. Тленсерух в конце XVIII – XIX вв.: Историко-документальное исследование (на основе изучения материалов коллекции Усман-дибира ал-Ири).– Махачкала, 2015. – С. 375.

Шихсаидов, А.Р., Айтберов, Т.М., Оразаев, Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М., 1993. – С. 302.

Ясулов Г. Хунзахские предания о Хаджимураде / подгот. к изданию аджамский текст Д. М. Маламагомедов. – Махачкала, 2009. – С. 106 (на рус. и авар. яз.).

IV. Диссертации и авторефераты.

Нуриев, Э.Б. Исследование названий населённых пунктов южного склона Большого Кавказа (междуречья Мазым-чай-Геокчай): Автореф. дис. … канд. геогр. наук. – Баку, 1983. – С. 25.

Халаев, З.А. Этнополитическая и культурно-религиозная история дагестаноязычных народов Алазанской долины в XVI–XVIII вв.: Автореф. дис. … кандидата исторических наук. – Махачкала, 2009. – С. 26.

Цодоров, К.М. Социально-географические проблемы реконструкции сельского расселения в Шеки-Закатальском экономическом районе Азербайджанской ССР: Автореф. дис. … канд. географ. наук. – Л., 1983. – С. 45.

V. Статьи.

Деген-Ковалевский, Б.Е. Сванское поселение как исторический источник // СЭ. – 1936. – № 4/5. – С. 21–54.

Никитин, К. Елисени // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1867. – № 92, 93 и 94.

Никитин, К. Очерк Елисуйского ущелья // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1866. – № 67, 68 и 70.

Никольская, З.А. Из истории аварского жилища // Советская этнография. – 1947. – № 2. – С. 155–166.

Агаширинова, С.С. Поселения лезгин в XIX – начале XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1959. Т. VI. – С. 233–248.

Агларов, М.А. Поселение и жилище андийской группы народов в XIX – начале XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1966. Т. XVI (серия общественных наук). – С. 367–390.

Агларов, М.А. Кавказские реалии в российской историографии (XVIII – нач. XIX вв.) // Материалы Международной научной конференции «Кавказ: археология и этнология». – Баку, 2009. – С. 312–316.

Агларов, М.А. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 207.

Агларов, М.А. Самоуправление и его исторические ресурсы в Дагестане // Научный мир. – Махачкала, 2009. – № 2 (11). – С. 30–35.

Агларов, М.А. Сельская община под реформами XIX – первой трети XX в. // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II. В царской и ранней советской России. – М., 2009. – С. 26–39.

Агларов, М.А. Традиционная культура самоуправления в Дагестане XVII – начала XIX в. // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. – М., 2009. Т. I: До присоединения к России. – С. 48–80.

Агларов, М.А. Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX века) // Советская этнография. – 1987. – № 4. – С. 48–58.

Азизов, С.А. Территориальная локализация и экономическая организация южнодагестанского тухума в середине XIX – начале XX в. // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. – Махачкала, 1988. – С. 23–31.

Айтберов, Т.М. Закавказские аварцы // Народы Дагестана. – Махачкала, 2002. № 1. – С. 18-22.

Айтберов, Т.М. Осетинские имена у аварцев XIV–XVII вв. // Проблемы осетинского языкознания. – Орджоникидзе, 1984. – Вып. I. – С. 51–54.

Айтберов, Т.М., Шахбанов, М.М. Присамурский Тленсерух // Дагестанский востоковедческий сборник. – Махачкала, 2008. Вып. № 1. – С. 119–127.

Алиев, К. Древнее население Азербайджана по данным топонимии // Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. – Баку, 1973. – С. 87–88.

Алиева, С.И. Народы Северного Кавказа в истории северо-западного Азербайджана в XVIII в. // Труды Института истории Азербайджана. – Баку, 2007. Т. XX. – С. 118–124.

Андреев, Ю.В. Ранние формы урбанизации // Вопросы древней истории. – 1987. – № 1. – С. 3–18.

Асиятилов, С. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев 19 – начала 20 вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1966. – Т. XVI (серия общественных наук). – С. 343–366.

Асланов, А.М. Из топонимии Алазани // Ономастика Кавказа. – Махачкала, 1976. – С. 88–95.

Бакрадзе, Дм. Заметки о Закатальском округе // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1892. Кн. XIV. Вып. 1. Отд. III. – С. 1–34.

Бахышов, Ч.А. Изменение этнического состава населения Азербайджанской ССР (по данным переписей 1897–1979 гг.) // Советская этнография. – 1982. – № 5. – С. 65–71.

Брегадзе, Н.А. К вопросу об этнографическом составе населения Грузии в XVII в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1976. Вып. VI. – С. 238–253.

Бретаницкий, Л., Мамиконов, Л. Оборонительные сооружения Закатальского и Белоканского районов // Памятники архитектуры Азербайджана. – Баку, 1950. – С. 111–119.

Велили (Бахарлы) Мамедгасан. Этнография Азербайджана // Азербайджан и азербайджанцы в мире. – Баку, 2009. – № 2. – С. 11–35.

Витов, М.В. О классификации поселений // Советская этнография. – 1953. – № 3. – С. 27–37.

Волкова, Н.Г. Азербайджанцы Грузии // Полевые исследования Института этнографии 1976. – М., 1978. – С. 109–119.

Волкова, Н.Г. Из северо-кавказской этнонимии // Ономастика Кавказа. – Махачкала, 1976. – С. 180–184.

Волкова, Н.Г. Ингило // Полевые исследования Института этнографии 1977. – М., 1979. – С. 87–96.

Волкова, Н.Г. Удины Грузии // Полевые исследования Института этнографии 1975. – М., 1977. – С. 110–116.

Волкова, Н.Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. – М., 1978. – С. 3-61.

Волконский, Н.А. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. – Тифлис, 1888. Т. XII. – С. 136–217.

Гаджиев, М.Г. О демографических и этногенетических процессах в Дагестане в первобытную эпоху // Алародии. – Махачкала, 1995. – С. 14–27.

Гаджиев, М.С. Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). – Махачкала, 1998. – С. 7–41.

Гаджиев, М.С. Миссия епископа Исраела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Материалы и исследования по археологии России. – М., 2001. Вып. 3. – С. 164–166.

Ган, К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // СМОМПК. – Тифлис, 1902. Вып. XXXI. Ч. 2. – С. 49–96.

Гейбуллаев, Г.А. О топонимах иберийско-кавказского происхождения в Азербайджане // Известия АН АзССР (серия истории, философии и права). – Баку, 1978. – № 1. – С. 69–78.

Глиноецкий, Н. Поездка в Дагестан, из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г. // Военный сборник. 1862. Т. 23, 24.

Гольдштейн, А.Ф. Генетические связи дагестанского длиннопланного дома // Зодчество Дагестана. – Махачкала, 1974. – С. 153–172.

Гусейнзаде, Р. Аварцы в Азербайджане // Журнал «İRS – Nasledie». – Баку, 2007. – № 6. – С. 12–14.

Гусейнова, Б.М. Расселение авароязычного населения в Восточном Закавказье в XVIII – первой трети XIX в. // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2008. Вып. III. – С. 25–31.

Гусейнова, Л.Г. Раскопки на античном городище Кабала // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974). – Баку, 1975. – С. 43–46.

Датиев, С., Мотис, Д. Жилье XVIII–XIX вв. Закатальского района // Памятники архитектуры Азербайджана. – Баку, 1950. – С. 103–110.

Джафаров, Ю.Р. О локализации «страны» чилбов и лбинов // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. – Махачкала, 1991. – С. 59–65.

Дзерожинский, В.С. Из Кавказской войны. По поводу 50-летия осады Месельдегерского Укрепления Шамилем в 1853 году // Военный сборник. – 1903. – № 10. – С. 27–62.

Дьяконов, И.М. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III–I тыс. до н. э. // Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа: Тезисы. – Баку, 1966. Вып. 12. – С. 6–15.

Дьяконов, И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э.: (По материалам Ура) // Древний Восток. Вып. 1: Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). – Ереван, 1973. – С. 30–64.

Дьяконов, И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока: (Материалы всесоюзн. науч. конф.). – Орджоникидзе, 1989. – С. 5–21.

Дьяконов, И.М., Старостин, С.А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. – М., 1988. – С. 164–207.

Еремян, С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки Института востоковедения АН СССР. – М.-Л., 1939. Т. VII. – С. 129–155.

Зедгинидзе, Е. Село Кварели // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 17. С. 73–89.

Зубарев, Д. Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. – 1841. – Т. 2. – С. 509–558.

Ибрагимов, Г., Ибрагимова, Я. Белоканы // Газета «Нур». – Махачкала. 15.09.2006 г.

Ибрагимов, Г., Ибрагимова, Я. Катех // Газета «Нур». – Махачкала. 25.08.2006 г.

Ибрагимов, Г.Х. Историческая этнокультурная общность народов Дагестана и Азербайджана // Историко-культурные и экономические связи народов Дагестана и Азербайджана: через прошлый опыт взгляд в XXI век. – Махачкала, 2007. – С. 48–60.

Иванишвили, Х.Г. Из топонимии аварцев Кахетии // Дагестанская ономастика (материалы и исследования). – Махачкала, 1991. – С. 41–49.

Исламмагомедов, А.И. Отражение феодальных отношений в характере поселений // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция. Тезисы докладов. – Махачкала, 1980. – С. 71–72.

Исламмагомедов, А.И. Поселения аварцев в XIX–XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1964. Т. XII (серия историческая). – С. 155–176.

Исламмагомедов, А.И. Поселения и жилища цахуров в XIX–XX вв. // Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 1974. Вып. 1. – С. 69–118.

Кобычев, В.П. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1962. Вып. III. – С. 3–68.

Кобычев, В.П. Города, селения, жилище // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.). – М., 1968. – С. 90–150.

Колюбакин, Н. Об отношениях поселян к владельцам земли в Белоканском округе // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1848. – № 52.

Комаров, А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. – Тифлис, 1869. – Т. I. – С. 1–223.

Константинов, И.О. Джаро-белоканцы до XIX столетия // Газета «Кавказ». – 1846. – № 2, 3.

Крымский, А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании) // Сборник статей в честь С. Ф. Ольденберга. – Л., 1934. – С. 289–305.

Крымский, А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании, Шеки) // Сборник, посвященный памяти академика Н.Я. Марра. – М.; Л., 1938. – С. 369–384.

Лезгинская кордонная линия // Справочный энциклопедический словарь. – СПб., 1853. – Т. VII. – С. 126.

Линевич, И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. – Тифлис, 1873. Вып. VII. Отд. 1. – С. 1–54.

Марковин, В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура) // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 106–110.

Маршаев, Р.Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1957. – Т. III. – С. 106–122.

Массон, В.М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка) // Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. – М., 1966. – С. 150–166.

Массон, В.М. Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. – Л., 1980. – С. 178–185.

Мегрелидзе, И.В. Дидойцы и название Дидо // Труды Тбилисского государственного учительского института. – Тбилиси, 1942. – Т. II. – С. 183–188.

Мехбалиев, М.М. Выбор месторасположения населенных пунктов в зависимости от морфометрических показателей рельефа (на примере ключевого участка южного склона большого Кавказа) // Bakı universitetinin xəbərləri (təbiət elmleri seriyası). – Bakı, 2007. №1. – S. 154–161.

Мусхелишвили, Д.Л. Город Уджарма (К историческим взаимоотношениям Иберии и Албании) // Сборник по исторической географии Грузии. – Тбилиси, 1964. – Т. II. – С. 59–70.

Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского наибства Закатальского округа // ССКГ. – Тифлис, 1873. Вып. VII. Отд. III. – С. 1–13.

Османов, М.-З. Поселения даргинцев в XIX–XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1962. – Т. X. – С. 214–240.

Османов, М.-З.О. К вопросу о принципах классификации жилища // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1969. Т. XVI (серия общественных наук). Кн. 2. – С. 107–126.

Османов, М.О. К вопросу о типологии поселений Дагестана (XVIII – первая половина XIX века) // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию основания ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2004. – С. 211–215.

Османов, М.О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. – Махачкала, 1988. – С. 6–22.

Османов, М.О. Жилище даргинцев в XIX–XX веках (этапы развития и трансформации). – Махачкала, 2008. – С. 274.

Петрушевский, И.П. Государства Азербайджана в XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. – Баку, 1949. Вып. I. – С. 153–213.

Пименов, В.В. К истории сложения типов поселений в Карелии // Советская этнография. – М., 1964. Вып. 2. – С. 3–18.

фон-Плотто, А.И. Природа и люди Закатальского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. – Тифлис, 1870. – С. 1–47.

Посербский, А. Очерк Закатальского округа // Кавказский календарь на 1866 г. – Тифлис, 1865. Отд. V. – С. 3–60.

Посербский А. Закатальский округ // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1864. – № 48, 59, 60, 61.

Посербский А. Исследование по Закатальскому округу как материал для будущего историка // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1864. – № 83, 94, 100.

Раджабов, А.Г. Некоторые этнографические данные о пережитках сельской общины в Азербайджане (По материалам Ширвана) // Азербайджанский этнографический сборник. – Баку, 1965. – С. 189–227.

Рамазанова, Д.Ш. Обреченные на переселение: Кварельский вопрос в решениях властей в советский и постсоветский периоды // Известия ДГПУ. – Махачкала, 2011. – № 2. – С. 60–69.

Рикман, Э.А. Типология традиционных поселений в румынской этнографии // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984. – С. 106–114.

Робакидзе, А.И., Гегечкори, Г.Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии // Кавказский этнографический сборник. – Тбилиси, 1975. Вып. V. Ч. I. – С. 196.

Саидова, П.А. Особенности локативов в закатальском диалекте аварского языка // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. – Махачкала, 1987. С. 165. – С. 163–165.

Саушкин, Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. – М., 1946, Сб. I. – С. 97–106.

Сергеева, Г.А. Из истории этнографического изучения народов горного Дагестана. Научный отчет начальника дагестанского отряда Г.А. Сергеевой об экспедиционной работе, проведенной в 1977 г. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2003. – М., 2005. – С. 247–262.

Сказки и басни, собранные и переведенные с аварского Айдемиром Чиркеевским // ССКГ. – Тифлис, 1869. Вып. II. Отд. V. – С. 1–26.

Сулейманов, Я. Этимологические изыскания // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР (Серия филологическая). – Махачкала, 1964. Т. XIII. – С. 111–118.

Сулейманова, С. Джаро-белоканские аварцы (историко-этнографический очерк) // Азербайджан и азербайджанцы в мире. – Баку, 2009. – № 2. – С. 61–74.

Сулейманова, С. Джаро-белоканские аварцы // Азербайджан в мире. – 2006. – № 4 (6). – С. 125–130.

В.Н. Население Закатальского округа по народной переписи 1871 года // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис, 1872. Вып. VI. Отд. III. – С. 55–57.

Багратиони Вахушти. География Грузии / введ., пер. и примеч. М.Г. Джанашвили // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. – С. 342.

Сулейманова, С.А. Этнополитическая история северо-западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия НАН Азербайджана. Серия истории, философии и права. – Баку, 2004. – № 4. – С. 52–82.

Тодриа, Т. Историко-географический очерк области Цинамхари в Шигни Кахети // Шашианис самеба. – Тбилиси, 1988. – С. 5–19.

Фатуллаев, Ш.С. Народное зодчество Шеки-Закатальской зоны Азербайджана (на примере культовых сооружений) // Revue Roumaine d'histoi-re de 1'art. Serie beaux-arts. – Bucarest, 1977. – T. XIV. – P. 81–166.

Халаев, З.А. Из истории оборонительных сооружений Алазанской долины // Вопросы истории. – 2007. – № 10. – *С. 147–150.*

Халилов, Дж. А., Бабаев, И.А. О городах древней кавказской Албании // Советская археология. – 1974. – № 4. – С. 98–109.

Хапизов, Ш.М. О прошлом и настоящем кахетинских аварцев // Труды Географического общества Дагестана. Выпуск XXXVIII. – Махачкала, 2010. – С. 103–107.

Чебоксаров, Н.Н., Чебоксарова, И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984. – С. 34–64.

Читая, Г.С. Грузинская советская этнография за годы послевоенной сталинской пятилетки // Советская этнография. – 1952. – № 3. – С. 181–186.

Яковлев, Н. Новое в изучении Северного Кавказа (предварительный отчет о работах Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г. в Дагестане) // Журнал «Новый Восток». – 1924. – Кн. 5. – С. 238–254.

VI. Иноязычная литература.

Arzu Əşrəf qızı. Car-Balakən camaatlığı (XVII əsrin sonu – XIX əsrin 30-cu illəri). – Bakı, 2009. – S. 256 (на азерб. яз.).

Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. – Bakı, 2007. I cild. – S. 304 (на азерб. яз.).

Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. – Bakı, 2007. II cild. – S. 304 (на азерб. яз.).

Bellan Lucien-Louis. Chah Abbas I. – Paris, 1932. – P. 297 (на франц. яз.).

Cavadova, Z.Ə. XIX əsrdə Şəki-Zaqatala regionu əhalisinin etnik və demoqrafik tərkibi // AMEA Tarix Institutu Elmi Əsərlər. 20-ci cild. – Bakı, 2007. – S. 50–55 (на азерб. яз.).

Childe, V.G. The Urban Revolution // Town Planning Review. – Liverpool, 1950. V. 21. – P. 3–17 (на англ. яз.).

Clifton, J.M., Tiessen, C., Deckinga, G., Lucht, L. The sociolinguistic situation of the tsakhur of Azerbaijan. SIL International, 2005. – P. 12 (на англ. яз.).

Clifton, J.M., Tiessen, C., Deckinga, G., Mak, J., Lucht, L. The sociolinguistic situation of the avar of Azerbaijan. SIL International, 2005. – P. 17 (на англ. яз.).

Eminov, Z.N. Azərbaycanın əhalisi. – Bakı, 2005. – S. 558 (на азерб. яз.).

Qabaqçöl və qabaqçöllülər / Ə.O. Hüseynovun ümumi redaktəsi ilə. I hissə. – Bakı, 2002. – S. 124 (на азерб. яз.).

Mahomedova, Z. Abd al-Rahman-Haji al-Sughuri – advocate of sufi ideals and ideologue of naqshbandi tariqa // Islam and sufizm in Daghestan. – Helsinki, 2009. – P. 57–70 (на англ. яз.).

Oberling P. Georgians and Circassians in Iran // Studia Caucasica. – The Hague. 1963. №1. – P. 127–143.

Paşayeva M. Avar xalqının etnik tarixindən // Millı Folklor. – 2008. – Y. 20. – S. 80, 64–69 (на азерб. яз.).

Pietro dela Valle. Travels in Persia // Voyages and Travels / ed. Be John Pinkerton. – London, 1811. – Vol. IX. – P. 1–137 (на англ. яз.).

Plinii Naturalis Historia. Liber VI, XI. – London, 1969. – P. 665 (на англ. яз.).

Sir Thomas Herbert. Some years travels into divers parts of Africa and Asia the Great. – London, 1677. – P. 362 (на англ. яз.).

Süleymanova, S.Ə. Albaniyanın şimal-qerb sərhəd bölgəsi Lpiniya-Ereti // AMEA Tarix Institutu Elmi Əsərlər. 20-ci cild. – Bakı, 2007. – S. 56–75 (на азерб. яз.).

Асадулаев, ГI. Гьиндиб росдал тарих. – МахIачхъала, 2003. – Гь. 44 (на авар. яз.).

Багратиони Вахушти. Описание царства Грузинского. – Тбилиси, 1941. – С. 358 (на груз. яз.).

Боцвадзе, Т.Д. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений XV–XVIII вв. – Тбилиси, 1968. – С. 208 (на груз. яз.).

Гене, Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. – С. 337–352.

Джавахишвили И. Введение в историю грузинского народа. Кн. I: Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. – Тбилиси, 1950. – С. 338 (на груз. яз.).

Джавахишвили, И.А. Историко-этнологические проблемы Кавказа и Ближнего Востока. – Тбилиси, 1950. – С. 350 (на груз. яз.)

Джанашвили, М. Саингило. – Тбилиси, 1996. – С. 280 (на груз. яз.).

Дибиров, Д.-ХI. МагIарулалъул къисмат // Газета «ХIакъикъат». – МахIачхъала. 21.03.1986 г.

Думбадзе, М.К. Архивные документы о Джаро-Белоканах // Исторический вестник. – Тбилиси, 1950. Вып. 4. – С. 481–559 (на груз. яз.).

Думбадзе, М.К. Из истории Восточной Кахети. – Тбилиси, 1953. – С. 282 (на груз. яз.).

Еремян, С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу». – Ереван, 1963. – С. 155 (на армян. яз.).

Картлис Цховреба. – Тбилиси, 1955. – Т. I. – С. 371 (на груз. яз.).

Кекелидзе, К.С. К истории грузинской культуры в эпоху монгольского господства // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. II. – Тбилиси, 1945. – С. 301–361 (на груз. яз.).

Mustafazadə, T.T. Son orta əsrlərdə Azərbaycanın Şəki-Zaqatala bölgəsində sosial-iqtisadi və siyasi münasibətlərin səciyyəvi xüsusiyyətləri // AMEA Tarix Institutu Elmi Əsərlər. 20-ci cild, – Bakı, 2007. – S. 18–23 (на азерб. яз.).

МагIарулазул халкъиял кIучIдул / ХIадурана С.М. ХIайбулаевас ва М.-К. Гьиматовас. – МахIачхъала, 2001. – Гь. 424 (на авар. яз.).

Молла Мәһәммәд әл-Чари. Чар Салнамәси / тәрҹ., кириш, гејд. С.А. Сулејманованындыр. – Бакы, 1997. – С. 146 (на азерб. яз.).

Мустафаев, М. Билканалда ахIвал-хIал // Газета «БагIараб Байрахъ». – МахIачхъала. 26.01.1991 (на авар. яз.).

Нәсирли, М.Н. Азәрбајҹан ССР Шәки-Загатала зонасы әһалисинин јашајыш евләри. – Бакы, 1975. – С. 268 (на азерб. яз.).

Нурџев, Е. Азәрбајҹан ССР-ин Шәки-Загатала зонасынын топонимијасы. – Бакы, 1989. – С. 112 (на азерб. яз.).

Папуашвили Т.Г. Вопросы истории Эрети. – Тбилиси, 1970. – С. 392 (на груз. яз.).

Папуашвили, Т.Г. Очерки истории Саингило. – Тбилиси, 2008. – С. 306 (на груз. яз.).

Папуашвили, Т.Г. Царство ранов и кахов (VIII–XI вв.). – Тбилиси, 1982. – С. 292 (на груз. яз.).

Папуашвили, Т.Г. Чар-Белакани (исторический очерк). – Тбилиси, 1972. – С. 168 (на груз. яз.).

Проекти сакартвелос територииис данацилебиса ахал саадминистрацио ертеулебад (олкебад). – Тбилиси, 1920. – С. 76 (на груз. яз.).

Сулейманова, С. Археографические документы XVIII - XIX веков из Закатальского историко-краеведческого музея // Известия Академии наук Азербайджана (серия истории, философии и права). – Баку, 1990. – № 4. – С. 50–55 (на азерб. яз.).

The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci / transl. by C.J.F. Dowsett. – London, 1961. – P. 354 (на англ. яз.).

ХIажиев М. Иршадалъул бакъ шайх МахIмуд-афанди (къ.с.), гьесул устарзаби ва хулафаал. – МахIачхъала, 2012. – Гь. 376 (на авар. яз.)

ЦIоралъул аваразул рагъазул тарих / хIадур гьабуна Т.М. Айтберовас. – МахIачхъала, 1996. – Гь. 160 (на авар. яз.).

Чавадова, З.Ә. Шимал-гәрби Азәрбајчан. – Бакы, 1999. – С. 108 (на азерб. яз.).

Чангашвили Г.З. Саингило (географо-исторический очерк). – Тбилиси, 1970. – С. 66 (на груз. яз.).

Чилашвили, Л.А. Дзвели Гавази (историко-археологическое исследование). – Тбилиси, 1975. – С. 120 (на груз. яз.).

Чилашвили Л.А. Города Кахетии (XIV–XVII вв.). – Тбилиси, 1980. – С. 382 (на груз. яз.)

Эдили, З.Э. Саингило. – Тбилиси, 1997. – С. 208 (на груз. яз.).

Приложения

Таблица 1. Динамика численности населения в Белоканском, Закатальском и Кахском районах в 1979–2009 гг. (тыс. чел.)

Районы	1979	1989	1999	2009
Белоканский	59,1	68,3	83,7	89,7
Закатальский	79,6	92,2	107,2	118,1
Кахский	40,2	44,4	51,2	53,1

Источник данных к таблице 1: *Eminov Z.N.* Azərbaycanın əhalisi. – Bakı, 2005 (на азерб. языке).

Таблица 2. Группировка населенных пунктов Цора по людности (1999 г.)

Число жителей	Белоканский район		Закатальский район		Кахский район	
	селений	жителей	селений	жителей	селений	жителей
0-50	-	-	3	115	4	119
50-100	8	620	2	117	2	138
100-200	2	236	7	1016	9	1383
200-500	15	5734	8	2376	17	5699
500-1000	6	3852	15	11191	13	8948
1000-2000	5	7938	15	23728	10	15133
2000-3000	8	19490	3	7647	2	4728
3000-5000	5	18448	2	8273	1	3294
более 5000	3	17519	4	26160	-	-
Итого	57	73837	62	80623	58	39442

Источник данных к таблице 2: *Eminov Z.N.* Azərbaycanın əhalisi. – Bakı, 2005. – S. 421.

Таблица 3. Национальный состав населения Белоканского района по официальным данным переписей населения.

Года	1859	в %	1871	в %	1886	в %	1912	в %	1918	в %	1921	в %	1926	в %	1939	в %	1979	в %	1999	в %
Закатальский округ	9766	100,0	56802	100,0	74552	100,0	81100		78136	100,0	71025	100,0	80204	100,0	105538	100,0	178901	100,0	242133	100,0
Аварцы	6416	65,7	34410	60,6	40305	54,1	52472	64,7	45856	58,7	32129	45,2	19060	23,8	26483	25,1	34590	19,3	50261	20,8
Азербайджанцы											1048	1,5	37431	46,7	57509	54,5	121024	67,6	159840	66,0
Цахуры													15217*	19,0	6294**	6,0	8434	4,7	15726	6,5
Грузины	1411	14,4	10220	18,0	12430	16,7	4623	5,7	19382	24,8	9776	13,8	5279	6,6			6869	3,8	11356	4,7
Русские					167	0,2	486,6	0,6			307	0,4			6201	5,9	1746	1,0	732	0,3
Мугалы	1939	19,9	12172	21,4	21093	28,3	19951	24,6	12437	15,9	26595	37,4								
Армяне					542	0,7	3244	4	571	0,7	1056	1,5	1399	1,7	1955	1,9	1115	0,6	9	0,0

* цахуроговорящих на 1926 г. было только 7,4 тысячи человек (9,2 %), что является реальной их численностью.
** «прочие дагестанцы»

Таблица 4. Национальный состав населения Закатальского округа по официальным данным переписей населения.

Года	1859	в %	1886	в %	1926	в %	1939	в %	1959	в %	1970	в %	1979	в %	1989	в %	1999	в %	2009	в %
Белоканский район	9564	100,0	13272	100,0	22889	100,0	32964	100,0	35510	100,0	51219	100,0	59140	100,0	68300	100,0	83732	100,0	89406	100,0
Аварцы	9564	100,0	12910	97,3	9601	41,9	5407	16,4	7973	22,5	14626	28,6	16987	28,7	20895	30,6	24415	29,2	25370	28,4
Азербайджанцы			0	0,0	12364	54,0	17953	54,5	25071	70,6	34354	67,1	40817	69,0	45347	66,4	56674	67,7	61170	68,4
Грузины			362	2,7	688	3,0	42	0,1	42	0,1	93	0,2	95	0,2	630	0,9	1731	2,1	2168	2,4
Фарсы					23	0,1													226	0,3
Лезгины							6248	19,0	903	2,5	872	1,7	180	0,3	306	0,4	219	0,3	223	0,2
Русские							1938	5,9	815	2,3	581	1,1	409	0,7	281	0,4	237	0,3	138	0,2
Татары									0	0,0	68	0,1	50	0,1	40	0,1	39	0,0	27	0,0
Лакцы					4	0,0	21	0,1											23	0,0
Цахуры					8	0,0	0	0,0	0	0,0	15	0,0	2	0,0	39	0,1			13	0,0
Турки									0	0,0	0	0,0	0	0,0	3	0,0	43	0,1	11	0,0
Украинцы									0	0,0	46	0,1	36	0,1	150	0,2	34	0,0	6	0,0
Армяне					109	0,5	374	1,1	231	0,7	189	0,4	147	0,2	79	0,1	3	0,0	3	0,0
Другие					0	0,0	475	1,4	475	1,4	376	0,7	416	0,7	530	0,8	337	0,4	30	0,0

Источники данных к таблице 4 (1859 г. – количество хозяйств, за остальные годы – человек):
1859 и 1871 г.: В. Н. Население Закатальского округа по народной переписи 1871 года // ССКГ. – Тифлис, 1872. Вып. VI. Отд. III. – С. 55–57.
1886 г.: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. – Тифлис, 1893. Отд. VIII. – С. 1–8.
1912 г.: Весь Кавказ (промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья). Составил и издал М.С. Шапсович. – Баку, 1914. – С. 465.
1918 г.: Проекти сакартвелос територииис данацилебиса ахал саадминистрацио ертеулебад (олкебад). – Тбилиси, 1920. – С. 58–59 (на грузинском языке).
1921 г.: Народное хозяйство Закавказья в цифрах. – Тифлис, 1926. Отдел. II. – С. 18–20.
1926 г.: Список населенных мест Азербайджана по данным переписи 1926 г. АзЦСУ // Рукописный фонд ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. № 482. (*Из 15 217 цахур только для 7 418 цахурский является родным языком, т. е. это реальная их численность на 1926 г.).
1939 г.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999, 1244, 1565, 1566-д, 1567, 5925, 7879; www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html
1979 и 1999 г.: Официальный сайт Госкомстата Азербайджанской Республики.

Таблица 5. Населенные пункты сакребуло Ахалсопели и Чикаани Кварельского района Грузии и их этнический состав по переписи 2002 г.

Населенные пункты	Всего жителей	мужчин	женщин	Основной этнос и % его доли в общем населении
сакребуло Ахалсопели	6911	3232	3679	грузины – 81, аварцы – 18
с. Ахалсопели	5367	2524	2843	грузины – 99
с. Тиви	1005	443	562	аварцы – 91
с. Сарусо	351	170	181	аварцы – 91
с. Тхилисцкаро	149	74	75	грузины – 93
с. Сацхене	39	21	18	грузины – 97
сакребуло Чикаани	3381	1637	1744	грузины – 73, аварцы – 19, удины – 6
с. Чикаани	2303	1111	1192	грузины – 96
с. Чантлискуре	666	322	344	аварцы – 94

с. Октомбери	412	204	208	удины – 49, грузины – 49

Таблица 6. Населенные пункты исторического региона Тушети (согласно административной границе между Грузинской ССР и Дагестанской АССР) и их этнический состав по переписи 2002 г. (для грузинских населенных пунктов) и полевым данным автора на 2008 г. (для аварских населенных пунктов)

Населенные пункты	Всего жителей	Основной этнос и % его доли в общем населении
Омало	58	грузины – 98
Дикло	16	грузины – 94
Шенако	7	грузины – 100
Дартло	9	грузины – 100
Хахабо	2	грузины – 100
Дочу	1	грузины – 100
Черо	15	аварцы – 100
Кивони	16	аварцы – 100
Инцух	9	аварцы – 100

Источник данных к таблицам 5 и 6: Сакартвелос мосахлеобис 2002 цлис пирвели еровнули саковелтао агцерис дзиритади шедебаги. – Тбилиси, 2003. Т. II. – С. 93, 110–111 (на груз. яз.).

Таблица 7. Населенные пункты Цора в начале XVIII века

№	Населенные пункты	Высота над уровнем моря (в м)	Экспозиция склона
Территория современного Белоканского района			
1	Билкан	385	ЮЗ
2	Гветбан	1750	ЮВ
3	Цилдаб	740	ЮЗ
4	Сахилаб	1150	ЮЗ
5	Буцрах	580	Ю
6	Галаван	710	ЮВ
7	Рехутала	515	ЮВ
8	Цалбан	461	ЮЗ
9	Катих	400	ЮЗ
10	Бугундил росу (Меседил хор)	1710	Ю
11	Чедер	750	Ю
12	Микилкан	750	ЮВ
13	Сагнаг	705	ЮВ
14	Кудабкара	340	ЮЗ
15	Гайбулагал	330	ЮЗ
16	Горахажиял	330	ЮЗ
17	Дооржибал	1850	ЮВ
18	Рочул-гвел	2000	Ю
19	Пажил-гвел	1800	Ю
20	Тохиб (Мазумкара)	570	ЮЗ
21	Макабели/Парилкала	610	ЮВ
22	Чедерхев (Наязух)	440	Ю
23	Кациб	320	ЮВ

24	Ханапи	340	ЮЗ
25	Шамбул (Шамбулкара)	225	ЮЗ
26	Боэтани (Дарбазиб)	197	ЮЗ
27	Трацакали (Умалиб)	225	ЮЗ
Территория современного Закатальского района			
1	Голода	1910	Ю
2	Закатала (совр. Джар)	780	ЮЗ
3	Чар-базар (совр. Закатала)	530	ЮЗ
4	Цилбан	580	ЮЗ
5	Акаван	750	ЮЗ
6	Лачин-тахида	650	ЮВ
7	Кара-тахида	655	Ю
8	Мичкар	560	ЮЗ
9	Куса-тахида	710	ЮЗ
10	Джини-тахида	750	ЮВ
11	Тарих	1080	Ю
12	Веркетелиб	2023	ЮЗ
13	Макатур	2150	ЮВ
14	Макав	255	ЮЗ
15	Абаалиб	294	ЮЗ
16	Нухбик	230	ЮЗ
17	Тлебел-уба	535	ЮЗ
18	Гугам	400	ЮЗ
19	Вардиани (совр. Чайдиб)	350	ЮЗ
20	Тала (совр. Эхеди Тала)	570	ЮЗ
21	Киргил	615	ЮЗ
22	Чимчар	830	ЮВ
23	Кумур-базар/Загеми (Чудулоб)	276	ЮЗ

24	Пипан (совр. Дурус-уба)	620	З
25	Чардах	610	ЮЗ
26	Мухах	445	ЮЗ
27	Пирзуван (Кусур)	403	Ю
28	Мацих	410	Ю
29	Кебец	530	ЮЗ
30	Ганух (совр. Динчи)	209	ЮЗ
31	Элисени (совр. Алиабад)	251	ЮЗ
32	Мосавали (Мосул)	210	ЮЗ
33	Сувагил	1390	ЮЗ
34	Сабунчи	680	ЮЗ
35	Гёзпарах	495	ЮЗ
36	Мамрух	400	ЮЗ
37	Енгиян	219,00	ЮЗ
38	Кандах	215	ЮЗ
39	Легвиани (Капанакчи)	212	ЮЗ
40	Верхиан	231	ЮЗ
Территория современного Кахского района			
1	Кахи	570	ЮЗ
2	Кахабор/Агчай	950	ЮВ
3	Цараки/Сарыбаш	1560	ЮЗ
4	Кашкаб/Кашкачай	1040	СЗ
5	Малах	1100	ЮЗ
6	Джиних/Гюллюк	340	ЮВ
7	Лекит	470	ЮВ
8	Зарна	440	ЮЗ
9	Кум	580	ЮЗ

Таблица 8. Параметры населенных пунктов Цора (2010 г.)

№	Населенные пункты	Средняя высота над уровнем моря (в м)	Минимальная высота над уровнем моря (в м)	Максимальная высота над уровнем моря (в м)	Направление склона	Располо-жение	Длина поселения (в км)	Ширина поселения (в км)	Форма поселения
Населенные пункты Белоканского района									
1	Белоканы	362	340	380	ЮЗ	Д	2	1,5	Квартал
2	Кабахчолиб	216	213	221	Ю	РД	1,5	1	Улич.-Вет.
3	Кехросу	219	212	223	Ю	Р	3	3	Разброс
4	Ажбит	220	220	220	ЮЗ	Р	0,2	0,2	Разброс
5	Рохоб	211	207	215	ЮЗ	РД	4	1,5	Улич.-Вет.
6	Кациб-тлох	207	207	207	ЮЗ	Р	1,5	0,5	Улич.-Вет.
7	Шарип	243	218	290	Ю	РД	6	1,5	Улич.-Вет.
8	Умалиб	224	219	239	ЮЗ	Р	4	2,5	Улич.-Вет.
9	Шамбул	214	208	229	ЮЗ	РД	6	0,5	Осевая
10	Исакил-рахин	200	199	202	ЮЗ	РД	0,7	0,2	Осевая
11	Халатала	236	221	265	Ю	РД	5	1,5	Улич.-Вет.
12	Гуржих	250	245	255	ЮЗ	Р	0,2	0,2	Осевая
13	Мацаб-иц	215	210	220	ЮЗ	Р	1,5	1	Разброс
14	Кахабкилса	232	225	240	ЮЗ	Р	1,3	1,2	Улич.-Вет.
15	Килсабуков	232	230	236	ЮЗ	Р	0,7	0,6	Улич.-Вет.
16	Чедерабтала	240	230	250	ЮЗ	Р	2,1	1,3	Улич.-Вет.
17	Катих	400	290	510	ЮЗ	Д	10,5	1,5	Улич.-Вет.
18	Беретросу	260	243	277	ЮЗ	Р	2,7	0,6	Улич.-Вет.
19	Кортала	213	202	225	ЮЗ	Р	4,9	0,2	Осевая
20	Горахажиял	215	206	225	Ю	РД	2,7	0,2	Осевая
21	Бечекара	217	206	227	Ю	РД	2,2	0,2	Осевая
22	Пуштатала	226	219	233	Ю	Р	1,4	0,6	Улич.-Вет.
23	Малачилросу	232	228	237	ЮЗ	Р	1,3	0,9	Разброс

24	Нуциб	226	221	229	Ю	РД	1,7	0,8	Улич.-Вет.
25	Карал-али	235	229	240	Ю	Р	1,2	0,9	Улич.-Вет.
26	Лачинкара	239	234	245	ЮЗ	Р	0,8	0,6	Разброс
27	Кодочиб	239	232	242	ЮЗ	Р	1,5	0,6	Улич.-Вет.
28	Ититала	197	192	201	ЮЗ	РД	3,1	2,7	Осевая
29	Махамалросу	428	385	470	ЮЗ	Д	2,9	1,3	Улич.-Вет.
30	Цалбан	461	429	513	ЮЗ	Д	1,9	0,4	Улич.-Вет.
31	Кациб	320	289	375	ЮВ	Склон	3,4	1	Улич.-Вет.
32	Каражазух	257	253	261	ЮВ	Р	1,5	0,4	Улич.-Вет.
33	Гарагиб	425	336	524	ЮЗ	Д	2,6	1,9	Улич.-Вет.
34	Мазумкара	520	455	600	ЮЗ	Д	2,3	0,4	Разброс
35	Поштбина	292	275	318	ЮВ	Р	2,4	2,1	Улич.-Вет.
36	Чоролиб	338	303	364	ЮЗ	Склон	1,1	1	Улич.-Вет.
37	Колоб	335	310	365	ЮЗ	Р	2,2	2,1	Улич.-Вет.
38	Коабхарида	208	206	210	Ю	РД	1,1	0,3	Осевая
39	Толиб	310	275	345	ЮЗ	Р	4,8	2,1	Улич.-Вет.
40	Мазумта	209	209	210	ЮЗ	РД	0,3	0,1	Разброс
41	Мазумжонабак	199	198	200	ЮЗ	Р	0,6	0,4	Разброс
42	Ханапи	340	243	373	ЮЗ	РД	7	2	Улич.-Вет.
43	Кудабтала	250	247	252	ЮЗ	Р	0,7	0,3	Улич.-Вет.
44	Кулизанкара	222	214	229	ЮЗ	Р	2,9	0,7	Улич.-Вет.
45	Чинчар	242	238	245	ЮЗ	Р	0,8	0,2	Осевая
46	Маликилросу	248	239	257	ЮЗ	Р	2,3	0,4	Разброс
47	Горгиб	197	196	198	ЮЗ	РД	0,3	0,1	Разброс
48	Рочахмад	239	231	247	ЮЗ	РД	1,6	0,4	Улич.-Вет.
49	Муризух	256	252	260	Ю	Р	0,5	0,3	Разброс
50	Гетакара	246	244	248	Ю	Р	0,7	0,3	Разброс
51	Тулуял	310	280	330	ЮЗ	Р	3,5	1,5	Улич.-Вет.

52	Хетовал	270	245	305	ЮЗ	Р	3,5	1	Осевая
53	Рохулбина	203	202	205	Ю	РД	0,6	0,4	Разброс
54	Рогноб	270	250	300	ЮЗ	Р	4	2	Улич.-Вет.
55	Бидакара	262	240	285	ЮЗ	Р	2,5	1	Осевая
56	Шамбулкара	225	212	245	ЮЗ	Р	3,5	0,8	Осевая
57	Ититала	258	243	270	ЮЗ	Р	1,8	0,3	Осевая
58	Чалих	257	252	263	ЮЗ	Р	1,3	1,1	Улич.-Вет.
59	Дарбазиб	197	195	200	ЮЗ	Р	0,4	0,3	Разброс
60	Ахмал-тахида	606	582	630	Ю	Д	0,2	0,2	Разброс
61	Наязух	402	382	419	Ю	Д	0,2	0,2	Разброс
Населенные пункты Закатальского района									
1	Закатала	530	455	580	ЮЗ	Водораздел	3,5	1	Квартал
2	Джар	760	580	950	ЮЗ	Водораздел	5,5	0,9	Улич.-Вет.
3	Цилбан	580	550	660	ЮЗ	Водораздел	1,5	0,7	Улич.-Вет.
4	Ахвахдара	600	580	620	Ю	Д	1,2	0,1	Разброс
5	Лачин-тахида	650	630	700	ЮВ	Водораздел	0,7	0,1	Осевая
6	Кара-тахида	655	630	715	Ю	Водораздел	1,1	0,1	Осевая
7	Мичкар	560	540	570	ЮЗ	Склон	0,6	0,3	Разброс
8	Куса-тахида	710	650	770	ЮЗ	Терраса	1,7	0,1	Осевая
9	Джини-тахида	750	740	770	ЮВ	Водораздел	0,4	0,2	Разброс
10	Тарих	1080	1060	1100	Ю	Терраса	0,5	0,1	Разброс
11	Дурус-уба	530	515	560	З	Терраса	0,5	0,1	Улич.-Вет.
12	Тлебел-уба	535	490	560	ЮЗ	Водораздел	1,7	1	Улич.-Вет.
13	Мацих	410	370	490	Ю	Терраса	4,5	1,1	Осевая
14	Кебец	530	500	580	ЮЗ	Терраса	2,2	0,3	Осевая
15	Жагнаб	300	270	310	Ю	Склон	0,5	0,3	Разброс
16	Беретросу	258	253	264	ЮЗ	Р	0,6	0,3	Разброс
17	Халабтала	220	214	226	ЮЗ	Р	1,9	0,3	Осевая
18	Гугам	400	350	425	ЮЗ	Р	3,5	1	Улич.-Вет.

19	Чукак	453	430	470	ЮЗ	Р	1,5	0,5	Улич.-Вет.
20	Сумалиб	350	230	355	З	Р	1,4	1	Улич.-Вет.
21	Дартуказ	315	305	325	З	Р	0,2	0,2	Улич.-Вет.
22	Макав	255	245	270	ЮЗ	Р	2,7	1,8	Улич.-Вет.
23	Абаалиб	294	289	298	ЮЗ	Р	0,6	0,3	Улич.-Вет.
24	Нухбик	230	219	238	ЮЗ	РД	3	0,5	Осевая
25	Гоабтала	242	238	253	ЮЗ	Р	1,8	0,7	Разброс
26	Вохрабтала	253	250	258	ЮЗ	Р	1,2	0,2	Осевая
27	Пашан	245	240	255	ЮЗ	Р	2	1,2	Разброс
28	Аракиб	220	218	221	ЮЗ	Р	0,7	0,3	Квартал
29	Динчи	209	200	220	ЮЗ	Р	5	4	Улич.-Вет.
30	Бехе Чардах	190	188	193	ЮЗ	Р	1,7	1,2	Улич.-Вет.
31	Халатолиб	197	195	200	ЮВ	Р	0,7	0,2	Квартал
32	Эхеди Чардах	610	530	750	ЮЗ	Терраса	4	3	Разброс
33	Мухах	445	402	483	ЮЗ	Склон	3,8	1,4	Улич.-Вет.
34	Загям	461	446	476	ЮЗ	Терраса	1	0,9	Улич.-Вет.
35	Эхеди Тала	560	475	700	ЮЗ	Терраса	5,5	1,1	Улич.-Вет.
36	Чимчар	830	730	880	ЮВ	Склон	0,5	0,15	Разброс
37	Чудулоб	276	271	283	ЮЗ	Р	0,5	0,3	Разброс
38	Лагадух	273	269	276	ЮЗ	Р	0,9	0,5	Разброс
39	Бехе Тала	450	410	490	ЮЗ	Терраса	3	2	Улич.-Вет.
40	Битди Тала/Думба	243	235	250	ЮЗ	Р	1,8	0,3	Осевая
41	Мамкаб	255	248	260	ЮЗ	Р	1,2	0,2	Осевая
42	Боциб	254	247	263	ЮЗ	Р	1,3	0,1	Осевая
43	Мучакиб	248	242	256	ЮЗ	Р	0,9	0,3	Улич.-Вет.
44	Махцараб	232	229	234	ЮЗ	Р	0,6	0,2	Осевая
45	Хасанбина	223	220	228	ЮЗ	Р	0,6	0,3	Разброс
46	Рехеб	228	227	229	ЮЗ	Р	0,3	0,2	Разброс
47	Сабунчи	680	653	726	ЮЗ	Терраса	1,5	0,3	Улич.-Вет.

48	Джимджимах	920	850	1025	З	Терраса	1,1	0,1	Осевая
49	Агдамкалал	1235	1226	1247	ЮЗ	Терраса	0,2	0,1	Улич.-Вет.
50	Калал	1015	995	1050	ЮЗ	Терраса	0,8	0,3	Разброс
51	Каркай	1185	1117	1290	Ю	Терраса	1	0,2	Разброс
52	Стар. Сувагил	1390	1330	1470	ЮЗ	Склон	0,4	0,3	Ступенчатая
53	Кас	1222	1209	1247	С	Терраса	0,3	0,2	Разброс
54	Эзгилли	1050	1020	1080	ЮЗ	Терраса	0,4	0,2	Разброс
55	Алескер	654	616	707	СЗ	Склон	0,8	0,6	Улич.-Вет.
56	Гёзпарах	495	470	570	ЮЗ	Склон	2	0,7	Улич.-Вет.
57	Мамрух	400	380	427	ЮЗ	Склон	2	1,3	Улич.-Вет.
58	Нов. Сувагил	297	278	318	ЮЗ	Р	1,9	1,4	Квартал
59	Али-Байрамлы	235	233	238	ЮЗ	Р	1,5	0,9	Квартал
60	Чобанкол	417	393	437	ЮЗ	Терраса	1,8	0,8	Улич.-Вет.
61	Кумур	370	355	387	ЮЗ	Р	1,5	1,1	Улич.-Вет.
62	Базар	369	358	383	ЮЗ	Р	1,1	0,7	Улич.-Вет.
63	Алиабад	251	227	273	ЮЗ	Р	3,8	3,9	Улич.-Вет.
64	Мосул	210	204	214	ЮЗ	Р	2,9	1,2	Улич.-Вет.
65	Инхиан	219	206	226	ЮЗ	Р	1,9	0,7	Улич.-Вет.
66	Капанакчи	212	207	214	ЮЗ	Р	1,8	0,4	Улич.-Вет.
67	Верхиан	231	215	248	ЮЗ	Р	3,1	1,4	Улич.-Вет.
68	Муганло	202	195	208	ЮЗ	Р	2,2	1,1	Улич.-Вет.
69	Лагич	215	210	220	ЮЗ	Р	0,8	0,6	Улич.-Вет.
70	Сабунчи	210	205	215	ЮЗ	Р	1,3	0,3	Квартал
71	Кандах	215	218	223	ЮЗ	Р	2,5	0,6	Улич.-Вет.
72	Фалдарло	211	207	218	ЮЗ	Р	3,5	0,3	Улич.-Вет.
73	Курдамир	198	196	201	ЮЗ	Р	1	0,2	Осевая

Населенные пункты Кахского района

1	Кахи	570	500	640	ЮВ	Терраса			Улич.-Вет.
2	Елису	1220	1180	1340	С	Д	3,5	0,2	Осевая
3	Сарыбаш/Цараки	1580	1560	1620	ЮЗ	Склон	0,3	0,1	Скученная
4	Агчай/Кахабор	950	925	980	С	Д	0,7	0,2	Осевая
5	Кашкачай/Кашкаб	1040	1005	1090	СЗ	Д	1,1	0,4	Улич.-Вет.
6	Армудлу/Генуб	1150	1120	1180	ЮЗ	Д	0,3	0,1	Улич.-Вет.
7	Амирджан	405	380	425	З	Р	1	0,6	Улич.-Вет.
8	Амбарчай/Амбарчи					Склон			
9	Джиних/Гюлюк	320	280	370	ЮВ	Склон	3,5	0,7	Улич.-Вет.
10	Капучай/Калтубан	270	260	280	ЮЗ	Склон	0,6	0,2	Улич.-Вет.
11	Лекит	470	380	560	ЮВ	Терраса	1,8	0,3	Улич.-Вет.
12	Лекит Малах	575	530	605	ЮЗ	Д	0,6	0,2	Улич.-Вет.
13	Лекит Катих	970	910	1030	ЮЗ	Водораздел	0,5	0,4	Улич.-Вет.
14	Зарна	440	385	525	ЮЗ	Д	1,4	0,3	Улич.-Вет.
15	Кум	580	500	710	ЮЗ	Терраса	3,3	0,4	Улич.-Вет.
16	Чинар	770	730	810	ЮВ	Склон	0,6	0,2	Улич.-Вет.
17	Сускан	450	440	460	Ю	Склон	0,5	0,2	Улич.-Вет.
18	Турачло	225	218	232	З	Р	0,9	0,5	Квартал
19	Агязы					Р	0,8	0,3	Квартал
20									

Список сокращений: Ю – южный, ЮЗ – юго-западный; ЮВ – юго-восточный; З – западный; В – восточный; СЗ – северо-западный; Д – долина; Р – равнина; РД – равнинно-долинное; Улич.-Вет. – улично-ветвистая; Квартал – квартальная; Разброс – разбросанная.

Таблица 9. Национальный состав населенных пунктов Цора (полевые данные 2007 г.)

№	Названия населенных пунктов			Кол-во жителей, 2007 г.	Аварцы (в %)	Азербай-джанцы (в %)	Грузины (в %)	Цахуры (в %)
	на русском языке	на аварском языке	на азербайджанском языке					
Населенные пункты Белоканского района								
1	Белоканы	Билкан	Balakən	9294	61	36	1	0
2	Кабахчолиб	Къабахчолиб	Qabaqçöl	1005	99	1	0	0
3	Кехросу	КъехIросу	Qaysa	3550	100	0	0	0
4	Ажбит	ГIажбитI	Abjit	45	100	0	0	0
5	Рохоб	Рохьоб	Meşəşambul	2780	100	0	0	0
6	Кациб-тлох	КIацIиб-кьохъ	Qazbölük	658	100	0	0	0
7	Шарип	Шарип	Şərif	3231	98	2	0	0
8	Умалиб	ГIумалиб	Yeni Şərif	3086	100	0	0	0
9	Шамбул	Шумбул	Şambul	2580	100	0	0	0
10	Исакилрахин	Исакъилрахин	Isaxlıgirmə	216	90	10	0	0
11	Халатала	Халатала	Xalatala	2679	100	0	0	0
12	Гуржих	Гуржихъ	Göyrüclük	52	100	0	0	0
13	Мачаб-иц	МачIаб-ицц	Sarıbulaq	506	35	65	0	0
14	Кахабкилса	КахIабкилса	Ağkilsə	917	88	12	0	0
15	Килсабуков	КилсабукIов	Kilsəbuqov	120	95	5	0	0
16	Чедерабтала	ЧIедерабтала	Cederovtala	846	99	1	0	0
17	Катих	КIатIихъ	Katex	6647	86	12	0	1
18	Беретросу	БеретIросу	Bərətbinə	785	98	2	0	0
19	Кортала	Кортала	Kortala	188\7	64	36	0	0
20	Горахажиял	ГъорахIажиял	Qarahacılı	394	87	13	0	0
21	Бечекара	Бечекъара	Beçağarbinə	715	100	0	0	0

22	Пуштатала	ПуштIатала	Püştətala	312	98	2	0	0
23	Малачилросу	Малачилросу	Mollaçıbinə	421	97	3	0	0
24	Нуциб	НуцIиб	Qamıştala	481	80	20	0	0
25	Карал-али	Къарал-гIали	Qaravəli	414	62	38	0	0
26	Лачинкара	Лачинкъара	Pirqax	166	89	11	0	0
27	Кодочиб	КIодочиб	Godoşbinə	498	84	16	0	0
28	Ититала	Оциязухъ	İtitala	2115	1	2	97	0
29	Махамалросу	МахIамалросу	Mahamalar	4294	97	3	0	0
30	Цалбан	ЦIалбан	Salban	278	99	1	0	0
31	Кациб	КIацIиб	Qazbinə	1902	76	24	0	0
32	Каражазух	Къаражазухъ	Qaracabinə	208	89	11	0	0
33	Гарагиб	Гарагиб / Гарагал	Gərəkli	3266	94	6	0	0
34	Мазумкара	Мазумкъара	Mazımçay	406	100	0	0	0
35	Поштбина	ПоштIбина	Poştbinə	994	87	13	0	0
36	Чоролиб	ЧIоролиб	Çorçorbinə	252	85	15	0	0
37	Колоб	Колоб	Qullar	5712	78	22	0	0
38	Коахарида	КьогIахарида	Acılıqbinə	82	80	20	0	0
39	Толиб	Толиб	Tülü	5710	29	71	0	0
40	Мазумта	МазумтIа	Mazımüstü	12	100	0	0	0
41	Мазумжонабак	МазумжонабакI	Mazımqarışan	7	100	0	0	0
42	Ханапи	ХIанапиял	Hənifə	4458	81	19	0	0
43	Кудабтала	КIудабтала	Böyüktala	106	79	21	0	0
44	Кулизанкара	КIулизанкъара	Gülüzanbinə	535	13	11	0	цыг.76
45	Чинчар	ЧIинчIар	Cincərtala	55	88	12	0	0
46	Малик	Маликилросу	Məlikzadə	418	12	15	0	цыг.73
47	Горгиб	Горгиб	Göyəmtala	0	0	0	0	0
48	Рочахмад	РочахIмад	Roçəhməd	245	98	2	0	0
49	Муризух	Муризухъ	Murğuztala	112	59	41	0	0

50	Гетакара	ГьетIакъара	Əyritala	71	94	6	0	0
51	Тулуял	Тулуял	Talalar	3162	45	55	0	0
52	Хетовал	ХIетовал	Hetovlar	1838	70	30	0	0
53	Рохулбина	Рохулбина	Bayrambinə	28	60	40	0	0
54	Рогноб	Рогьноб / Рагьнуб	Qazma	2268	34	66	0	0
55	Бидакара	Бидакъара	Bedağar	1701	25	75	0	0
56	Шамбулкара	Шамбулкъара	Şambulbinə	1515	5	90	0	цыг.5
57	Оцазух	Оцазухъ	Öküzovtala	573	20	80	0	0
58	Чалих	Чалихъ	Cillik	536	20	80	0	0
59	Дарбазиб	Дарбазиб	Darvazbinə	46	60	40	0	0
Населенные пункты Закатальского района								
№	на русском языке	на аварском языке	на азербайджанском языке	Кол-во жителей, 2007 г.	Аварцы (в %)	Азербай-джанцы (в %)	Грузины (в %)	Цахуры (в %)
1	Закатала	ЧIар-базар/Закатала	Zaqatala	20147	53	30	2	15
2	Алиабад	ГIалиабад/Гьенисел	Əliabad	8850	0	1	99	0
3	Мосул	Мусул	Mosul	2877	0	2	98	0
4	Джар	ЧIар	Car	2405	100	0	0	0
5	Цилбан	ЦIилбан	Zilban	551	100	0	0	0
6	Ахвахдара	ГIухьахъ	Axaxdərə	289	100	0	0	0
7	Тлебел-уба	Лъебел-уба	Kebeloba	1412	98	2	0	0
8	Гугам	Гугам	Göyəm	1914	92	6	0	1
9	Чукак	Чукак	Çökək	935	94	3	0	3
10	Сумали	Сумалиб	Sumaylı	656	66	21	0	12
11	Дартуказ	Дартукъаз	Dardoqqaz	652	96	4	0	0
12	Эхеди Тала	Эхеди Тала	Yuxarı Tala	7503	81	18	0	1
13	Чимчар	ЧIимчIар	Meşleş	127	9	0	0	91
14	Чудулоб	ЧIудулоб	Çüdülübinə	120	100	0	0	0
15	Лагадух	Лагадухъ	Laqodexbinə	38	92	8	0	0

16	Динчи	Динчи	Danaçı	6889	100	0	0	0
17	Бехе Чардах	Бехе Чардахъ	Aşağı Çardaqlar	1042	98	2	0	0
18	Халатолиб	Халатолиб	Uzunqazmalar	429	35	35	1	29
19	Макав	МакIав	Maqov	1441	99	0	0	1
20	Абаали	АбагIали	Abaəli	105	100	0	0	0
21	Нухбик	Нухбикь	Yolayrıc	1229	100	0	0	0
22	Гоабтала	ГьогIабтала	Höytala	671	100	0	0	0
23	Вохрабтала	ВохIрабтала	Vöhtala	220	100	0	0	0
24	Пашан	Пашан	Paşan	866	100	0	0	0
25	Аракиб	Аракъиб	Fındıqlı	575	37	18	месх. 20	19
26	Эхеди Чардах	Эхеди Чардахъ	Yuxarı Çardaqlar	2141	98	0	0	2
27	Мацих	МацIихъ	Mazıx	1618	100	0	0	0
28	Кебец	КъебецI	Qəbizdərə	216	100	0	0	0
29	Жагнаб	Жагънаб	Cicixana	26	100	0	0	0
30	Беретросу	БеретIросу	Beretbinə	143	100	0	0	0
31	Халабтала	Халабтала	Uzuntala	640	100	0	0	0
32	Бехе Тала	Бехе Тала	Aşağı Tala	6298	24	76	0	0
33	Думба	БитIди Тала (Думба)	Dombabinə	785	60	40	0	0
34	Мамкаб	Мамкъаб	Mamgabinə	400	80	20	0	0
35	Боциб	БоцIиб	Bozbinə	297	70	30	0	0
36	Мучакиб	Мучакиб	Müçəkbinə	254	75	25	0	0
37	Махцараб	МахIцараб	Maskarabinə	159	80	20	0	0
38	Хасанбина	ХIасанбина / ШагIанбина	Həsənbinə	137	95	5	0	0
39	Рехеб	Рехъеб	Xəmmədbinə	79	20	80	0	0
40	Мухах	Мухъахъ	Muxax	7347	10	75	0	15
41	Загам	Загам	Zəyəm	784	5	70	0	25
42	Сувагил	Сувагъел	Yeni Suvagil	4573	1	2	0	97

43	Гудбарах	Гудбарахъ	Gozbarax	1854	3	2	0	95
44	Мамрух	Мамрухъ	Mamrux	1494	4	0	0	96
45	Аласкар	Гьаласкъара	Ələsgər	315	7	0	0	93
46	Джимджимах	Жимжимахъ	Cimcimax	361	11	62	0	27
47	Али-Байрамлы	БитIдиб	Əli bayramlı	2735	0	9	0	91
48	Калал	КIкIалалъ	Qalal	17	0	0	0	100
49	Каркай	Къаркъай	Qarqay	51	0	0	0	100
50	Азгил	ГIезгъел	Əzqili	0	0	0	0	0
51	Муганлы	Мугъанзиб	Muğanlı	2450	4	96	0	0
52	Лагич	Лагьич	Lahıc	1753	4	68	2	26
53	Сабунчи	СуркIунуб	Sabunçu	232	7	2	0	91
54	Кандах	Гъандахъ	Qandax	1685	18	82	0	0
55	Фалдарлы	Падарзиб	Faldarlı	1780	4	96	0	0
56	Инхиан	Инхигьан	Yengiyan	1285	2	30	68	0
57	Капанакчи	Легъвиан	Kəpənəkçi	981	1	90	8	1
58	Верхиан	Верхиан	Bəhmətli	4098	0	87	13	0
59	Курдамир	Курдамир	Kürdəmir	187	0	92	8	0
60	Чобанкол	Щобдаколоб	Çobankol	1726	4	84	цыг. 6	6
61	Кумур	Къумур	Qımır	1637	6	92	0	2
62	Базар	Базар	Bazar	886	9	87	0	4
Населенные пункты Кахского района								
№	на русском языке	на аварском языке	на азербайджанском языке	Кол-во жителей, 2007 г.	Аварцы (в %)	Азербай-джанцы (в %)	Грузины (в %)	Цахуры (в %)
1	Кахи	КахIиб / КIахъ	Qax	12031	2	88	4	6
2	Елису	Илусиб	İlisu	1370	8	90	0	2
3	Карадолак	Хъарадулахъ	Qaradolaq	218	9	89	0	2
4	Агчай	КахIаб-гIор	Ağçay	376	4	95	0	1
5	Сарыбаш	ЦIараки	Sarıbaş	166	2	91	0	7

6	Джалаир	Жалагьир	Cəlayier	1407	7	91	0	2
7	Кашкачай	Къашкъаб	Qaşqaçay	1196	8	92	0	0
8	Армудлу	Генуб	Armudlu	132	3	95	0	2
9	Ашагы Малах	Бехе Малахъ	Aşağı Malax	304	5	88	0	7
10	Амирджан	Амирхан	Əmircan	567	3	97	0	0
11	Амбарчи	АмбарчIиб	Əmbərçay	531	3	97	0	0
12	Каратала	Къарабтала	Qaratala	528	0	99	1	0
13	Джиних / Гюллюк	Чинихъ	Güllük	2363	8	78	цыг. 12	2
14	Капычай / Калтубан	КIалтIубан	Qapıçay	332	31	30	цыг. 28	6
15	Лекит	ЛекIид	Ləkit	1499	2	70	0	28
16	Лекит Малах	ЛекIид Малахъ	Ləkit Malax	127	0	90	0	10
17	Лекит Катих	ЛекIид КIатихъ	Ləkit Kötüklü	243	0	10	0	90
18	Зарна	Зарнаб	Zərnə	781	4	60	0	36
19	Кум	Къум	Qum	1954	1	65	0	34
20	Чинар	Чинар	Çinarlı	415	0	1	0	99
21	Сускан	СускIани	Suskənd	211	0	96	4	0
22	Фистихло	ЦIепелиб	Fıstıqlı	276	0	96	2	2
23	Закам	Закам	Zəyəm	1553	1	96	3	0
24	Киндирга	Киндирга	Qındırğa	105	0	100	0	0
25	Лалало	Лолал	Lələli	474	4	96	0	0
26	Гораган	Къурагьан	Qorağan	1262	0	98	2	0
27	Шотавар	Шотавар	Şotavar	1008	0	85	15	0
28	Тасмало	ТIасмало	Tasmalı	1468	0	90	10	0
29	Чадивар	Чадивар	Lələpaşa	436	4	96	5	0
30	Карабалдур	Къарабалда	Qarabaldır	369	0	100	0	0
31	Турачлы	Халилрохьоб	Turaclı	992	2	83	8	7
32	Марсан	Марсан	Marsan	775	10	84	6	0
33	Чудулаб	Чудулаб	Çüdüllü	354	14	85	1	0
34	Ках-Ингило	Инхил-КахIиб	Qax Ingiloy	2747	0	15	83	2

35	Кахбаш	Эхеди КахIиб	Qaxbaş	2953	1	40	53	6
36	Патара Алатемури	ТIинаб-АлатIамир	Kiçik Alatəmir	30	0	30	40	30
37	Диди Алатемури	АлатIамир	Böyük Alatəmir	720	0	1	99	0
38	Халавтала	Халавтала	Xələftala	58	5	0	95	0
39	Кумур	Къумурзиб	Qımırlı	28	3	29	68	0
40	Кешкутан	Кешабгъутан	Keşqutan	32	0	9	82	9
41	Узунтала	Халатала	Uzuntala	116	0	100	0	0
42	Багтала	АхIитала	Bağtala	6	100	0	0	0
43	Мешабаш	Эхеди Рохьоб	Meşəbaş	336	0	0	100	0
44	Карамеша	ЧIегIерохьоб	Qarameşə	109	0	0	100	0
45	Алибек	ГIалибекросу	Əlibəyli	1921	0	0	100	0
46	Ингило Кетукло	Инхил КIатIихъ	Ingiloy Kötüklü	721	0	0	100	0
47	Ибахло	АвахIзиб	İbaxlı	527	0	90	10	0
48	Алмало	ГIечуб	Almalı	1883	1	98	0	1
49	Шихлар	Шихзиб	Şıxlar	245	2	98	0	0
50	Дагмадагельды	Дахмада	Dəymədağlı	729	0	100	0	0
51	Кипчак	Хъипчахъ	Qıpçaq	616	4	96	0	0
52	Онджало	ГIунчIлуб	Oncallı	472	4	96	0	0
53	Байдарло	Байдар	Baydarlı	368	0	100	0	0
54	Аманло	Аман	Amanlı	157	0	100	0	0
55	Кесерло	КIесер	Qaysarlı	323	3	97	0	0
56	Казмалар	Толиби	Qazmalar	249	4	96	0	0
57	Тангит	Тангит	Tanqıt	166	3	97	0	0
58	Агязы	Агъиз	Ağyazı	637	0	5	рут. 30	65
59	Узюмлюкенд	ЦIолбокь	Üzümlükənd	96	0	0	рут. 95	5

Список сокращений: рут. – рутульцы, цыг. – цыгане, месх. – месхетинцы (грузины и турки).